АЛЕКСАНДР ЛЕОНТЬЕВ
МАРИНА ЛЕОНТЬЕВА

ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РУСИ

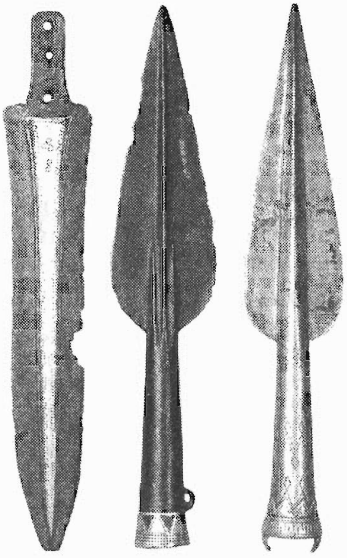
БИАРМИЯ:

СЕВЕРНАЯ КОЛЫБЕЛЬ РУСИ

ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РУСИ

АЛЕКСАНДР ЛЕОНТЬЕВ
МАРИНА ЛЕОНТЬЕВА

БИАРМИЯ:
СЕВЕРНАЯ КОЛЫБЕЛЬ РУСИ



МОСКВА
«АЛГОРИТМ»
2007

УДК 94
ББК 63.3
Л 47

Scan By Vitautus

Леонтьев А., Леонтьева М.

Л 47 Биармия: северная колыбель Руси / Александр Леонтьев, Марина Леонтьева. — М.: Алгоритм, 2007. — 256 с. — (Древнейшая история Руси).

ISBN 978-5-9265-0419-1

О таинственной северной стране Биармии ныне помнят только ученые. А некогда это было богатое и могущественное государство на берегах Белого моря, слава о котором достигла самых отдаленных уголков Европы и Азии. В Биармию шли караваны купцов из Средней Азии, плыли в своих боевых ладьях воинственные викинги за добычей. По одной из исторических гипотез, именно Биармия стала колыбелью великорусской нации.

Время сровняло с лицом земли города и веси Великой Биармии. Даже само ее месторасположение стало загадкой для последующих поколений. Покров над этой тайной приподнимают писатели-историки Александр и Марина Леонтьевы, посвятившие свою жизнь изучению родного Поморья.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-9265-0419-1

© Леонтьев А., Леонтьева М., 2007
© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

Введение

Там русский дух, там Русью пахнет.

А. С. Пушкин, «Руслан и Людмила»

Более десяти лет назад, когда мы работали над подборкой материала для предыдущей книги, посвященной истории нашего северного края, неожиданно наткнулись на впервые услышанное, удивительно красивое и одновременно непонятное слово БИАРМИЯ. Сейчас об этом смешно вспоминать, но мы абсолютно не имели представления о нем; раньше ни в школе, ни в вузе никто не упоминал его, это действительно так. А стоит ли удивляться? И теперь, уже по прошествии многих лет, когда о неведомой стране собрано огромного количество сведений и сообщений из различных источников, мы задаем вопрос своим знакомым о БИАРМИИ, и большинство из них не знает значения этого непонятного нерусского слова и поэтому затрудняется ответить. Более того, оказывается, даже не все учителя-историки в школах могут что-нибудь сказать об этой удивительной стране; да что учителя, некоторые специалисты от истории ничего вразумительного не ответят вам по сути этого вопроса, если начнете подробно расспрашивать о существовании таинственного края. Стоит ли упрекать их в этом? БИАРМИЯ на протяжении столетий до сих пор остается такой же тайной за семью печатями, которую никто не может раскрыть.

БИАРМИЯ[1] — эта таинственная и загадочная страна, по сведениям древних писателей, располагалась когда-то на территории Русского Севера. Уже в течение почти трех столетий среди историков, как начинающих, так и именитых, не утихают споры о том, где же действительно находился этот богатый край, в какой части европейского Севера раскинулись его просторы и, главное, действительно ли он существовал и был такой изобильный. Или это только одни выдумки и фантазии древнескандинавских скальдов и англосаксонских писателей.

Как известно, ни в одной из наших русских летописей — ни в самых древнейших сводах: Лаврентьевской, 1-й Новгородской, Ипатьевской, ни тем более в поздних — вы не найдете упоминания о БИАРМИИ. Нет сведений о ней и в других актовых материалах, относящихся к древнему периоду истории России. Но все же, если быть точными и объективными, можно найти сообщение о БИАРМИИ, причем только в одном древнем документе — это в преданной обструкции ретивыми историками, незаслуженно забытой и не принимаемой некоторыми учеными всерьез до настоящего времени Иоакимовской летописи, впервые опубликованной в «Истории государства Российского» известнейшим историком В.Н. Татищевым.

Как гласят предания и легенды, в незапамятные времена на Поморском Севере существовала могущественная страна БИАРМИЯ — *Beormas,* так она называлась у англосаксонских писателей и *Bjarmaland* — в скандинавских сагах, занимавшая огромную территорию и обладавшую богатейшими запасами речной и морской рыбы, зверья, пушнины, моржовой кости, соли, серебра и жемчуга.

Биармия — так, а не иначе будет звучать это слово и в дальнейшем для облегченного его прочтения, хотя в русской транскрипции должно звучать — *Бьярмия* от древнескандинавского (норренского) Bjarmaland.

Границы БИАРМИИ простирались, по одним источникам, от Северной Двины до Печоры и от Белого моря до Камы, по другим, — границы ее были еще шире и достигали на западе — Финляндии и на севере — Норвегии, захватывая побережье Белого моря и Кольский полуостров, т. е. территорию всего Русского Севера. За БИАРМИЕЙ следовала воображаемая и фантастическая страна Йотунгейм (Jotunheim) — «страна великанов», «отчизна ужасов природы и злого чародейства».

Сведения из древнескандинавских саг о расположении загадочной страны были расплывчатые и туманные, что, в свою очередь, вызвало у историков затруднения в локализации БИАРМИИ и нешуточные споры по этому поводу, не утихающие в течение нескольких веков.

Итак, где же располагалась эта таинственная и легендарная страна? Более того, существовала ли она в действительности? Что за народ ее населял, и почему она имела такое странное название? Вот на эти вопросы мы постараемся ответить читателю, используя сведения, оказавшиеся доступными авторам книги в виде мифологических, исторических, географических, этнографических известий из сочинений средневековых писателей и картографов, рунических рукописей, древнескандинавских саг, летописей, других источников.

Часть 1

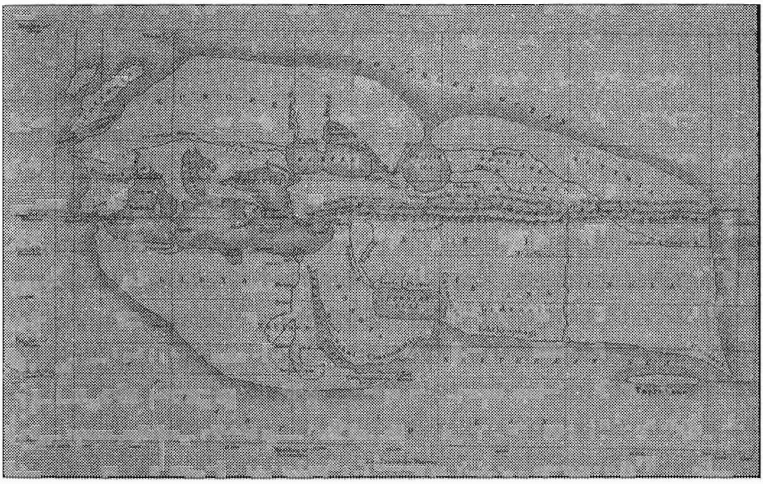
Первые упоминания о неведомой стране

Сразу хотим оговориться: в ходе исследования, при изучении сведений о Биармии авторы книги не раз убедились, как были неустойчивы и переменчивы представления об этой загадочной стране не только у современных исследователей, но и у самих древних писателей — скандинавских составителей саг. За эти несколько столетий, в чем вы, читая нашу книгу, удостоверитесь сами, где ее только не помещали: и вблизи Норвегии, и на Кольском полуострове, и в Карелии, и на берегах Северной Двины, и в Перми, и в Ярославской области, и в Татарии, и даже, как ни удивительно, на берегах Балтийского моря.

Первоначальные сведения о загадочной стране были очень туманными и расплывчатыми. И поначалу, как видно из ранних скандинавских произведений, Биармию размещали на берегу неведомого моря, граничащей с какими-то фантастическими странами.

Одним из самых древних свидетельств о существовании Биармии является написанная на пергаменте рунами, ориентировочно около X века, «История Хиалмара, царя Биармаландии и Тулемаркии», впервые переведенная на русский язык С.К. Кузнецовым в начале прошлого века.

Из ее содержания известно, что Биармия располагалась между неведомой страной Тулемаркией и Гандвиком за восточным склоном какого-то горного хребта, причем туда можно было добраться морским путем. Впервые упоминается имя Вагмара — царя *биармийцев,* или *биармов*, так называли жителей неведомого края. Герой саги, царь другой такой же неизвестной страны Туле — Хиалмар, приходит в Биармию на нескольких судах со своими напарниками, побеждает его и становится полновластным хозяином страны.



Карта Страбона с изображением острова Туле (Thule)

К сожалению, вспоминает переводчик, в древнейшей рунической рукописи навсегда утрачены первые три листа, поэтому никогда уже не узнать описания северных безвестных стран. Вопрос о местоположении острова Туле (Тулемаркии) остается до сих пор открытым, чего нельзя сказать о Гандвике, который почти всеми исследователями отождествляется с Белым морем. Поэтому из содержания саги можно с определенной долей уверенности

сделать вывод, что эта Биармия располагалась на Севере (следуя из положения неведомой Туле), с восточной стороны, вероятно, главного скандинавского горного хребта, и на берегах Белого моря.

Что же касается Туле, то первооткрывателем этого таинственного легендарного острова, расположенного в северных областях Океана, считается ученый астроном и мореплаватель Пифей, обнаруживший его в IV веке до н. э. Записки Пифея о путешествии на Север не сохранились и считаются навсегда утраченными, поэтому основным первоначальным письменным источником о Туле являются тексты Страбона и Плиния Старшего. С античных времен из поколения в поколение передавались легенды и сказания о существовании какого-то огромного куска суши под названием Ultima Thule (Крайняя Туле), расположенного в северных областях Океана.

До настоящего времени остается не раскрытой тайна этого удивительного острова. Вопрос о том, какая из областей Северной Европы была пифеевской Туле, остается до сих пор открытым. Хотя за свою многовековую историю немало гипотез было выдвинуто в науке. И где только его ни располагали: одни считали Туле из числа Шетландских островов, другие — Исландией и даже Гренландией, третьи — Шпицбергеном. Мы же склоняемся к мысли, что это были высокогорные Лофотенские острова Норвегии или сам Скандинавский полуостров, долгое время принимавшийся древними за остров.

В этой связи интересно привести сведения из трехтомного труда «О положении Земли» римского географа Помпония Мелы, жившего в I веке н. э., где впервые была представлена Скандинавия под названием *Codanovia*, правда, не материковой землей, а как «*самый большой и самый плодородный остров*», принадлежащий *тевтонам*. Здесь же древний писатель упомянул и о легендарном острове Туле (Фула) Пифея, сообщив при этом: «*против бе-*

рега [племени] бергов лежит остров Фула», по словам географа, «*прославленный как греческими, так и римскими поэтами*».

Не исключено, что географ здесь впервые упомянул о северных племенах, позднее воспетых в древнескандинавских сагах под именем *бьярмов*, *биармов* или *биармийцев*. В саге «История Хиалмара, царя Биармаландии и Тулемаркии» говорится следующее: «*Знаменит был в это время царь Хиалмар, который над всеми другими царями выдавался природными своими дарованиями и геройскими добродетелями и был лучшим начальником для своих придворных. Он сам приобрел власть над Биармаландией; царство это расположено между Тулемаркией и Гандвикой, за восточным склоном горного хребта. Первоначально он, вероятно, населял со своими подданными места болотистые, прежде чем выбрал себе определенное место жительства*».

Обратите внимание, здесь Биармия, расположенная за склонами какого-то горного хребта, находится между островной страной Туле (Тулемаркия) и Гандвиком (обычно древнескандинавский Гандвик отождествлялся с Белым морем). На наш взгляд, представленные сведения о соседстве Туле и Биармии не случайны, у известного историка и скандинавов, вероятно, были одни источники. Поэтому считаем, что существуют серьезные основания для отождествления *берегов* Помпония Мелы и *биармов* или *биармийцев* норвежских саг.

Свидетельства о походах скандинавов в Белое море можно найти в другом источнике сведений о Биармии — в часто цитируемом исследователями сборнике писателя Рафна (Rafn'a) под названием «Русские древности», изданного в Копенгагене в 1850—1852 годах. Историк собрал в указанном двухтомнике свод фрагментов скандинавских письменных памятников, в том числе и произведения, в которых упоминалась интересующая нас Биармия.

В одном из них под названием «Сага о Боси» (создано не ранее 1241 года) говорится о другом царе Биармии по имени Харек. Персонажи саги, выходец из простой семьи, отважный и смелый Боси со своим побратимом, сыном норвежского конунга Херраудом, после возвращения из пиратского похода к побережью Дании и Германии были отправлены королем Норвегии к загадочным берегам Биармаланда за несметными богатствами, которыми славилась эта страна. В саге не говорится, где она располагалась; единственно известно, что в завершение своего похода они оказались у берега Винского леса, с которым большинство исследователей соотносят лес на берегах реки Северной Двины (Vina саг), где ограбили биармийское святилище Йомалы. Правил тогда Биармией царь Харек, и, что любопытно, у него было два сына с очень интересными именами — Рерик и Сиггейр, очень напоминающих летописные имена призванных «из-за моря» братьев Рюрика и Синеуса.

Переплетением сказочных и реальных исторических событий наполнена «Сага о Стурлауге Трудолюбивом Ингвольссоне», сочиненной около 1300 года. Только героем древнего произведения уже является шведский конунг Стурлауг Ингвольссон. В молодости он совершил морское путешествие в неведомое государство *Гундигаланд* в поисках какого-то волшебного рога. Эта страна, как говорится в саге, находилась на Севере между *Финмарком*, самой северной областью Норвегии, и Биармией. Узнав, что волшебный рог находится в Биармии, герой саги сел на судно и продолжил плавание до реки *Вины*. Поднявшись верх по течению, на западном берегу реки он увидел какой-то храм или святилище. В данном случае Биармаланд можно предположительно расположить на территории, захватывающей западное побережье Белого моря до реки Северная Двина.

В следующей древнескандинавской «Саге об Алуборге и Алдейгьюборге» Биармия располагается восточнее указанных в названии саги областей или городов Гардарики (по далеко не бесспорному, на наш взгляд, мнению большинства историков, так называли скандинавы Древнюю Русь). Вероятней всего, полагают специалисты, здесь зафиксировано одно из первых упоминаний старинного северного города Ладоги, точнее Старой Ладоги (*Алдейгьюборг*), и Олонца (*Алаборг*), но не как конкретного населенного пункта, а как целой местности в Приладожье.

Герои саги — два брата-скандинава — ходили воевать с царем Биармии Хареком из-за того, что тот не пожелал отдать свою дочь за одного из них. К порту назначения — столице Биармии, название которой не дано, они пришли водным путем на 60 кораблях. После непродолжительных переговоров и обещания норманнов отдать свои владения в Приладожье государю Биармии, дочь согласилась выйти замуж за «горячего скандинавского парня» и конфликт получил мирное разрешение.

Подтверждением того, что Биармия находилась восточнее Приладожья, служит еще одно скандинавское произведение под названием «Сага о Хальфдане, сыне Эйстина», на наш взгляд, перекликающееся с содержанием предыдущего сказания. Эйстин вместе с сыном ходили (обратите внимание) *на восток* против царя биармийской страны Хергейра, которому принадлежали упоминавшиеся Алуборг и Алдейгьюборг, и завоевали Биармию.

В саге говорится, что Хальфдан однажды отправился из Алдейгьюборга (из Старой Ладоги) на *восток*, а через некоторое время очутился в Биармии. Такое же путешествие совершил и обратно: непосредственно из Биармии герой саг возвращается в Алдейгьюборг.

Через некоторое время, после гибели Эйстина, уже находясь в Норвегии, королевский отпрыск Хальфдан узнал, что викинги опустошили Биармию и Новгород (Nogardr), покорив себе Кириалаботн (Финский залив) и большую часть России (Russaland). Для наведения порядка в северной стране Хальфдан отправился в Биармию и покорил ее. «*После этого собрался он в путь оттуда домой в Альдейгьюборг*».

Получается, что скандинавы для путешествия к берегам Белого моря использовали, кроме Северного морского, другой путь — через Финский залив, а затем по суше (волоками) или по рекам добирались до западного побережья Белого моря и затем морем до Биармии. Из саги известно, что такое же путешествие совершил позднее его побратим Ульфкель. Он предложил царю Биармии выдать замуж свою дочь за брата Ульфа, в качестве приданого скандинав пообещал отдать Алуборг и Алдейгьюборг.

Отсюда напрашивается вывод, что названные города (территории) должны находиться по соседству с Биармией. Только с рядом лежащими областями возникала возможность образовать впоследствии одно более крупное, целое государство.

Итак, из содержания двух последних саг можно прийти к заключению, что Биармия занимала очень большую территорию, граничащую на севере с Норвегией, на западе — с областями Ладоги и Олонца, а на востоке — с Белым морем.

Самое древнее *историческое письменное свидетельство,* в котором упоминается не сама страна Биармия, а ее жители *биармы* или *биармийцы*, находится в знаменитом рассказе норвежского промышленника и зверобоя Оттара (Ottar или Ohtharr — по древнескандинавскому

языку, Ohthere — англосаксонскому). Причем, сразу заметим, повествование идет о реальных событиях, не вызывающих сомнений в их правдивости у историков на протяжении уже почти тысячи лет. Его даже нельзя отнести к разряду саг, это просто рассказ человека о своем путешествии по полярным морям.

Оттар родился в северной части Норвегии, самой дальней провинции под названием Халогаланд (Halogaland), зверобой и промышленник, знатный человек и крупный скотовладелец, имел более 600 оленей, а также много другого скота. Как и остальные норвежские колонисты, он занимался добычей китов, тюленей и моржей в полярных морях. На своих судах им приходилось преодолевать большие расстояния в поисках морского зверя, вероятно, Оттар побывал во многих местах Северного и Атлантического океанов.

После того, как в 865 году к власти в Норвегии пришел конунг Харальд Прекрасноволосый, он назначил Оттара ярлом Халогаланда. Но вскоре норвежский зверобой вынужден был эмигрировать на юг, в Данию.

Оттар, вероятно, был образованным человеком и одним из тех редких людей, которые на всю жизнь запоминали подробности своих походов по морям-океанам, а, может, чего нельзя исключить, делали описание тех мест, которые они посещали, т. к., известно, что вскоре в Дании он собрал все сведения о странах, расположенных вокруг Балтийского моря.

Оттуда примерно в 871 году Оттар перебрался в Англию. История умалчивает, как он оказался на службе у английского короля Альфреда Великого (871—901). Вероятно, король прослышал о необычных способностях образованного чужестранца-морехода и поэтому вскоре пригласил Оттара к королевскому двору. Альфред Великий был заинтересован в том, чтобы его подданные перени-

мали опыт в мореходном искусстве, т. к. лучшими в мире мореплавателями в те времена считались норманны.

Более всего он известен тем, что перевел с латинского на англосаксонский язык ряд таких известных произведений, как «Об утешении философией» Боэция, «Церковная история английского народа» Бэды Достопочтенного и самый главный труд — «История против язычников» Павла Орозия. Именно в это переработанное им произведение испанского священника, жившего в V веке, Альфред Великий добавил географическое описание Центральной Европы с включением донесения Вульфстана о плавании в Балтийское море и рассказа Оттара о путешествии в Белое море, записанное, вероятно, со слов самих путешественников.

Описание этого приключения сохранилось до наших дней. Кстати, дату путешествия Оттара к берегам Биармии никто точно указать не может, и ее определяют приблизительно — до 869 года.

По словам Отара, ему однажды захотелось узнать, как далеко на север простирается земля и живет ли кто в северной части архипелага. Тогда на судне он пошел вдоль берега и через шесть суток заметил, что дальше береговая полоса, заселенная *финнами*, повернула на восток. Затем он плыл еще четыре дня, пока судно не повернуло прямо на юг. Оттар следовал вдоль берега в южном направлении пять дней, и, как сообщает сам путешественник, «*там большая река вела внутрь земли*». Вначале они, боясь нападения местных жителей — *биармийцев (беормы)*, живших на одном берегу этой реки, не решались войти в нее. Затем, вероятно, сдружились, т. к. «*многое поведали ему биармийцы, как о своей родной земле, так и о близлежащих землях*». Причем местное население общалось с ним на похожем с финнами языке, и он хорошо их понимал. Еще он упомянул, что прежде чем они достигли бе-

зымянной реки, им встречались *терфинны* — охотники и птицеловы.

Кто подразумевается под *терфиннами*? Наверняка это саамские племена, или, как их называли в старину, — *лопари*, населявшие территорию Кольского полуострова или русский Финмаркен. По летописным данным, с XIII столетия, а может быть и раньше, они платили дань новгородцам под именем *терская лопь*. Вероятно, первый слог названия *тер* образовалось от финского слова Turja или саамского — Tarje Narg, что в переводе обозначает *лес* и *лесистый берег*. В русских летописях область *Тре* в различной транскрипции: *Тре, Тръ, Теръ, Тьръ* входила в состав владений Новгородской земли, а позднее Московских великих князей. В настоящее время южное побережье Кольского полуострова носит название Терский берег.

Под *финнами*, о которых упоминается в начале текста, надо подразумевать не финские племена, а саамов или лопарей, которых шведы называли *лапландцами*. Наоборот, тех, кого шведы называли *финляндцами*, норвежцы звали *квенами*, а русские позднее — *каяны* (от финского слова kainu — равнина). Значит *квены* — это финны, заселяющие территорию северных районов Норвегии и Швеции.

Рассказ об этом путешествии в свое время вызвал бурные научные споры о том, где в действительности побывал Оттар. И эти споры не утихают до сих пор. Одни исследователи считают, что норвежский промышленник был только на Кольском полуострове и не далее. Другие ученые убеждены, что путешественник достиг устья Северной Двины. Для объективности приведем доводы тех и других исследователей.

Сторонники первой версии уверены, что за время путешествия, указанное Оттаром (это в общей сложности получается 15 дней), ссылаясь на слабые мореходные качества судов, их «убогость», незнания навигации и искусства хождения в бейдевинд (против ветра), путешест-

венники якобы за такое короткое время никак не сумели бы достичь берегов Северной Двины. Вероятней всего, делают они вывод, это была какая-то река Кольского полуострова.

Эта группа историков глубоко заблуждалась, так низко оценивая мореходные качества судов скандинавов. Известно, а это можно узнать по археологическим находкам кораблей викингов, захороненных в курганах вместе с покойными норвежскими вождями, а также из рисунков, высеченных на камнях (обнаруженных, например, на острове Готланд), — это были маневренные, быстроходные торговые корабли с высокими бортами и плоским дном, достигающие длины до 24—30 метров и покрывающие под большим квадратным парусом до 120 миль в сутки.

Давайте проследим путь отважного путешественника, решившего просто «*узнать, как далеко на север лежит эта земля и живет ли кто-нибудь к северу от этого необитаемого пространства*».

Сразу оговоримся, что плавание норвежца состоялось, вероятно, в начале лета или самое позднее в июле месяце, т. к. со второй половины августа ночи на Белом море становятся темными. Вот что пишет по этому поводу один историк: «*Оттар, несомненно, воспользовался для своего плавания длинным полярным днем; по его словам, 15 дней ушло на путь до устья Северной Двины, и, вероятно, столько же длилась стоянка у Нордкапа и Святого Носа в ожидании погоды. Обратный путь занял не меньше времени; за два месяца Отер не видел ни одной звезды, а следовательно, и Полярной*».

Плавание свое они начали с побережья провинции Халогаланд, приблизительно от острова Гёнде. Вначале они шли на судне три дня на север вдоль берега, пока не достигли предела китобойных промыслов, — это около 69 градусов северной широты, т. е. на полпути от мыса Нордкап. Далее они следовали еще три дня на север, ос-

тавляя по правому борту берег, а слева — океан, достигнув места, где изгиб берега материка круто поворачивал на восток. Это около самой крайней северной точки Скандинавского полуострова — мыс Нордкап. Оттуда путешественники, дождавшись северо-западного ветра, еще 4 дня шли вдоль побережья, где им снова пришлось ожидать попутного, но уже прямого северного ветра, т. к. берег поворачивал на юг. Вероятно, за это время Оттар мог достигнуть мыса Святой Нос на Кольском полуострове.

Затем они снова шли вдоль побережья еще 5 дней, пока не достигли устья большой реки. Вот именно эта неведомая река и стала камнем преткновения для исследователей. Каких только гипотез не выдвигалось за истекшие три столетия!

Например, известный полярный путешественник и исследователь Ф. Нансен называл даже место конечной стоянки Оттара — это река Варзуга на Терском берегу. Этой же точки зрения придерживались в XIX столетии ученые Талльгрен, Алениус, Малоне, уже в наше время — советские исследователи Белов, Матузова и др.

Ученый Г. Гебель сразу категорически отверг это утверждение: «*Отер, пройдя Святой Нос, брал курс на юг, обязательно должен был попасть не в Варзугу, а не иначе, как в устье Северной Двины, единственно широкой реки Белого моря с густо населенным, или, как значится в других переводах, с обработанным берегом, потому что, войдя, по всей вероятности, в один из крайних рукавов, ему виден был только берег с одной стороны, а с другой кошки*[1],

К о ш к а – поморское название *песчаной морской отмели*. (Сравни у В. Даля: «*кошка – коса на взморье или отмель грядою, обнажаемая отливом*»). Обычно образуется в море при устьях впадающих в него рек. При отливе обнажается, когда же в море идет прилив, *кошка* становится невидимой для мореходов, что являлось одной из причин крушения судов, особенно в осенний штормовой период.

наверное, 1000 лет назад не населенный и голый. Причем, Отер вовсе не считает нужным рассказать, почему он пересек горло Белого моря, вследствие ли указаний терфиннов или потому, что он сам усмотрел высокий противоположный Терскому Зимний берег». К Зимнему берегу еще вернемся.

Не назвав реки, Оттар поставил исследователей перед дилеммой, где, в каком месте локализовать пресловутую реку. Вторая группа ученых (Джаксон, Мачинский и др.) предложила расположить ее западнее устьев рек Стрельны и Варзуги на Терском берегу — в Кандалакше или на реке Умбе.

А московский исследователь начала прошлого века С.К. Кузнецов (1905) вообще усомнился в том, что норманны побывали в Белом море. Он считал, что за такой короткий срок, т. е. за девять дней, пройти путь от Нордкапа до устья Северной Двины невозможно. При этом он ссылался на быстроходные современные пароходы, которые преодолевали тот же отрезок пути за 6 дней, поэтому, по его мнению, парусное судно никак не могло пройти это расстояние быстрее. Однако Кузнецов не учел одного обстоятельства, что, конечно, трудно было сделать, не побывав на Севере: этот единственный пассажирский пароход, курсировавший между Архангельском и Норвегией (мыс Нордкин), останавливался тогда, как говорили в народе, «у каждого столба», т. е. почти у каждого селения по пути следования, начиная от Золотицы на Зимнем берегу и у каждого становища — на Мурманском, причем на этих рейдах стоял иногда по несколько часов, в зависимости от погоды.

Приведем еще примеры. В 1582 году для выполнения дипломатической миссии царем Иваном Грозным в Англию был отправлен посол Ф.А. Писемский с толмачом Алексеем Ховралевым. Добирались они из Москвы

до места назначения по Белому морю на парусных английских судах. В своем отчете русский посол отметил, что «*от Колмогорской пристани*[1] *до Варгава*[2] *шли одиннадцать дней*», причем они еще три дня *штормовались* по пути следования в неспокойном Баренцевом море. Другой посол, Г.И. Микулин, выполняя ту же миссию, но только посланный в Англию уже царем Борисом Годуновым в 1600 году, также в своем статейном списке отметил, что «*корабли шли [от устья Двины] до Кильдина острова пять дней, от Кильдина острова до Северного Носу*[3] *три дня*». Уверены, что парусные английские суда не должны были принципиально отличаться по своей конструкции.

Далее, если быть точным, то Оттар вообще не должен бы обходить Нордкап, т. к. тот лежит на острове, отделенный от материка проливом Магер-зунд. Пройдя вдоль берега шхерами, он мог обогнуть только самый северный мыс континентальной Европы — Нордкин. От него с попутным ветром и при хорошей погоде (в июле в высоких широтах бывает не штормовая погода продолжительное время) за 4 дня со скоростью 4 узлов, или 7 км в час (скорость гребной шлюпки), можно спокойно добраться до Святого Носа. А уж от Святого Носа до Северной Двины, даже двигаясь с черепашьей скоростью 2 узла в час, преодолеть расстояние в 250 миль нетрудно в 5 дней.

Наоборот, надо удивляться не большой скорости судна Оттара, а его медленности плавания от Нордкапа, или Нордкина, до устьев Северной Двины. Вероятно, он еще где-то делал остановки, например, для пополнения запасов свежей питьевой воды или знакомства с местными аборигенами. Оттар в своем рассказе о путешествии приво-

[1] Колмогорская пристань — Холмогоры, расположенные вверх по реке в 80 км от устья Северной Двины.

[2] Варгав — северный норвежский порт Варде.

[3] Северный Нос — мыс Нордкап.

дит сравнение говоров финнов и биармийцев, указывая на их схожесть, он же по пути следования был знаком с птицеловами, рыбаками, охотниками.

С.К. Кузнецов считал, что реку Вину[1] (хотя Оттар ее не называл, а это наименование Северной Двины появится в сагах позднее) надо искать на Мурманском или Терском берегу. Под «большой рекой» Оттара он допускал несколько рек: Тулому (на которой стоит Кола), Териберку, Воронью, Иоканьгу или Поной. При этом Кузнецов абсолютно исключал не только Северную Двину, но и реку Мезень, несмотря на то что до устья последней, если пересечь одноименный залив, можно дойти значительно быстрее, чем до Двины. И в этом была его основная ошибка.

Третья группа ученых, сторонники локализации «большой реки» Оттара в Двинском заливе, убеждены, что норвежец побывал на берегах Северной Двины, или, как считают авторы этой книги, возможно, даже заходил в одну из рек Зимнего берега.

Мнение ученого конца XIX века Г. Гебеля было изложено выше. Немецкий исследователь Вебер (1883) придерживался той же гипотезы, считая, что «*именно там находилось то единственное место, которое обладало огромной притягательной силой для заморских купцов. Это были самые доступные для мореходов ворота в страну, богатую драгоценным северным пушным зверем. Только здесь, в устье Северной Двины, мог увидеть Отер «обработанную землю» и «большую реку»*». Подобную точку зрения отстаивали автор книги «Поездки скандинавов в Белое море» Тиандер (1906) и позднее — советские ученые Платонов, Андреев (1922), Свердлов (1973).

По очень удачному замечанию Г.В. Глазыриной, современного исследователя исландских саг, исключитель-

[1] В и н а — Северная Двина в исландских и скандинавских сагах.

но все историки, занимающиеся проблемой существования Биармии, локализовали «большую реку» биармийцев или биармов, опираясь на англосаксонское выражение Альфреда Великого «gan micel ea», употребленное в тексте при определении места, куда пришло судно. Данное словосочетание все интерпретировали как «большая река», и именно так оно переведено во всех существующих текстах, как на русский, так и на другие языки, что и послужило причиной для привязки ее к устьям крупных северных рек. Однако англосаксонское слово «ea» имеет более широкое значение — не только как «река», но и «водный поток», «течение»!

Нас очень давно интересовал вопрос о Биармии, когда-то процветающей богатой стране и вдруг внезапно исчезнувшей. И долго не могли найти ответа, почему Оттар в своем рассказе не дал названий ни рекам, ни тем местам, где он побывал, в первую очередь, конечно, не указал тех названий, которые ему могли сообщить аборигены (финны, терфинны и собственно биармы или биармийцы), с которыми он общался. И все больше склонялись к мысли, что он и не собирался передавать англичанам точные географические данные страны, богатой пушниной и «рыбьим зубом» (моржовыми клыками), мамонтовой костью, чтобы исключить в будущем конкурентов. Хотя скандинав там был не один раз, по его же словам, «*вскоре он поехал туда не только для того, чтобы увидеть эти края, но и за моржами*», т. е. ходил в северные моря не в ознакомительную поездку, а для добычи морского зверя. Известно также, что позже, в 874 году, по поручению короля Альфреда Великого он вновь совершил еще одно путешествие в Биармию.

Именно тогда и пришли к мысли, что под «большой рекой» надо понимать не какую-то конкретную реку, а… *горло* Белого моря. Кстати, позднее мы нашли подтвер-

ждение своей догадки в книге той же Г.В. Глазыриной, однако она рассматривала данный вопрос несколько иначе и локализовала землю *биармов* на южной оконечности Кольского полуострова.

В книге «Зимняя сторона» одним из авторов дана естественно-географическая и гидрологическая характеристика Белого моря, и в частности его самой узкой части, так называемого *горла* — пролива между Кольским полуостровом (Терским берегом) и материком (Зимним берегом). Для наших моряков хождение через *горло* Белого моря, особенно в те далекие времена, когда отсутствовали карты, навигационные знаки и маяки, — было всегда рискованным мероприятием и чревато трагическими последствиями. Тем более для древних скандинавских мореходов эта часть моря могла показаться и широким бурным потоком, и рекой с ее обманчивыми приливно-отливными течениями и «крутыми сувоями», неведомыми для норманнов, ходивших всегда в относительно спокойных водах прибрежных шхер. Оттар мог подразумевать под «водным потоком», «течением» широкую полноводную реку потому, что, войдя в *горло* Белого моря — самое узкое его место, путешественник, по нашему мнению, увидел сразу два берега: справа поближе Терский берег и слева вдали — Зимний. Естественно, эти строки сразу вызовут возмущение оппонентов, исключающих такую возможность, но, тем не менее, это так.

Не забывайте, что Оттар совершал свое путешествие более тысячи лет назад, и тогда море было значительно у́же в своей *горловой* части. Известно, что каждый год весной и осенью происходит значительный размыв берегов Белого моря льдами, приливно-отливными течениями, причем особенно этому подвержен высокий Зимний берег в районе Вепревского и Зимнегорского маяков. Уверены, что норвежские путешественники в IX веке могли видеть

в самом узком месте Горла моря одновременно тот и другой берега, поэтому у Оттара и нет названия этой пресловутой «реки».

А в реки он наверняка мог заходить — ему же были нужны питьевая вода и товар для обмена. Это могли быть и Чапома, и Стрельна, и Варзуга на Терском берегу, широкие и глубоководные реки в те времена Золотица, Мудьюга — на Зимнем и, естественно, Северная Двина.

Но, вероятней всего, что Оттар мог увидеть обитаемые земли *биармов* только на южном побережье Белого моря, он же говорил, что «*земля эта заселена по одной стороне реки*», а противоположная — Терский берег, где жили терфинны, — земля «*вся необитаема*».

В рассказе Оттара мы впервые встречаем название племени, обитавшего на берегах этой неведомой реки — *биармы или биармийцы*. Путешественник подчеркивал разницу между финнами и *терфиннами,* с одной стороны, и *биармами* — с другой, хотя одновременно заметил, что финны и *биармийцы* говорят почти на одном и том же языке. Он указывал, что финны были только охотниками и рыболовами, их поселения были очень редки, наоборот, страна *биармов* была сравнительно густо заселена, и они занимались земледелием. К путешествию Оттара мы еще вернемся, но определенно можно сделать однозначный вывод, хотя Оттар и не дал названия мест, в которых побывал, вероятней всего, он посетил Белое море и устье Северной Двины.

По мнению исследователей, исторический характер носит следующая сага, повествующая о путешествии норманнов в Биармию. «Сага об Одде Стреле», созданная примерно в XIII столетии и рукописи которой хранились в Копенгагене

и Стокгольме невостребованными до XVIII века, дошла до современников в нескольких версиях. В ней рассказывается о легендарном норвежском викинге, обладавшим огромным ростом и гигантской силой. Он навечно остался в памяти скандинавского народа, один из немногих, удостоившихся чести запечатлеть себя в сагах. Одд был знаменит еще тем, что без промаха стрелял из лука, за что и получил меткое прозвище Стрела.

Когда Одду исполнилось 12 лет, приглашенная в их дом колдунья предсказала ему, что, достигнув зрелого возраста, он погибнет от своего коня. Историки отметили удивительную схожесть судеб данного героя скандинавской саги и нашего летописного Вещего Олега, который, как вы помните, погиб от своей лошади, точнее, от укуса змеи, не вовремя выползшей из черепа давно околевшей княжеской любимицы.

Не по годам смышленый, Одд еще мальчишкой не верил ни в бога, ни в черта (кстати, это не единичный случай безверия у скандинавов) и считал постыдным поклоняться различным идолам и менгирам в отличие от большинства своих соотечественников.

Сильный по своему характеру, он не поверил старой колдунье, но, тем не менее, принял меры предосторожности и на всякий случай приказал убить свою лошадь, наверное, думая тем самым обмануть судьбу, что, как выяснится позднее, ему сделать не удалось.

Посетив своих родителей после долгой разлуки, Одд узнал, что его младший брат Гутмунд и племянник Сигурд на двух кораблях собираются в плавание до Биармии. Он тотчас же принял решение идти с ними в поход, но родственники, не зная его, стали всячески искать причину для отказа, мол, для сборов требуется время, а Одд абсолютно не готов для опасного приключения.

Ему не удалось убедить упрямых родственников, в конце концов, они наотрез отказались идти с ним в поход. Тогда он с отцом вернулся домой.

Через полмесяца Одд узнал, что корабли брата и племянника все еще не ушли в Биармию. А причина оказалась банальной — Гудмунду приснился сон, что громадный белый медведь окружил своим телом остров, как кольцом, при этом его голова и хвост сошлись на их корабле, а сам он весь ощетинился, и казалось, что дикий зверь вот-вот набросится на судно и потопит. Суеверный Гудмунд посчитал, что образ медведя является воплощением души Одда, и поэтому, чтобы не искушать судьбу, все же решил пригласить в путешествие родственника. Однако теперь уже Одд заартачился, он затребовал отдельное судно, на что были вынуждены пойти суеверные братья. На время совершения похода они заключили союз.

При проводах отец подарил Одду три стрелы, скованных одним обручем и обладавших волшебными свойствами: они могли поражать абсолютно все, во что целился стрелок, причем, как бумеранг, всегда возвращались к тетиве лука. Одд от души поблагодарил отца за драгоценный подарок.

После расставания Одд отправился на судно и немедленно отдал приказание поднять якорь и выходить в дальнее странствие. Затем, развернув паруса, направил свое судно на север. То же самое сделали Сигурд и Гудмунд: они пошли вслед за Оддом на север без остановок до самой северной части Норвегии — Финмарка, где они впервые бросили якорь. В том месте берег был усеян землянками, заселенными финнами.

Утром Гудмунд со своими людьми направился на берег, где тут же приступил к грабежу бедных финнов. Викинги без труда врывались в землянки, благо хозяева-финны отсутствовали дома, находясь на промысле зверя

и ловле рыбы. Насилуемые финки подняли такой крик, что воины на корабле Одда заволновались и стали проситься у своего предводителя на берег, однако Одд категорически запретил выходить им на материк.

После возвращения грабителей брат строго спросил у Гудмунда, действительно ли он участвовал в нападении на мирных финнов. Получив хвастливый ответ родственника о полученном удовольствии грабить бедных аборигенов, Одд сказал, что он не видит славы в насилии беззащитных женщин и предупредил, что грабителей ждет расплата за содеянное, а он немедленно отплывает.

К сожалению, в саге ничего не говорится, как они добирались до Биармии. Но, тем не менее, вскоре они оказались в устье Двины (Vina) и направились вверх по реке. В саге упоминается, что на Двине много островов, пройдя еще выше, они бросили якорь за каким-то мысом, который от материка выдавался в реку. Было бы заманчиво увидеть в этом мысе Пур-Наволок, на котором собственно позднее появился город Архангельск. Кстати, от этого места Двина делится на три рукава: Березовский, Мурманский и Пудожеский или Никольский, из которых Березовский имеет больше всех островов и считается самым глубоким, недаром позднее ему было дано название Корабельный. Остальные рукава считаются неглубокими, и там могли проходить только мелкие суда. Поэтому Одд поднялся от острова Мудьюг вверх, вероятно, по Корабельному рукаву Двины на расстояние примерно около 50 км и бросил якорь, вероятно, около мыса Пур-Наволок. В 2004 году при реставрации Гостиного двора в Архангельске был обнаружен клад, включающий в себя относящееся примерно к X веку скандинавское вооружение — четырнадцать мечей, шесть арбалетов, лук со стрелами, два боевых топора, булаву, кистень, два щита и два шлема. А Гостиный двор

расположен как раз на мысу под названием Пур-Наволок, упоминаемый в древних двинских грамотах.

Как только они туда прибыли, напротив их якорной стоянки на берегу сразу появились аборигены. Одд отправил несколько человек для переговоров с ними и, как обычно бывало, решил заключить мир для торговли на полтора месяца. Биармийцы пришли на берег с различными мехами, и тотчас начался торговый обмен. Но, когда прошло установленное время, мир был отменен, и Одд со своими людьми отъехал на середину реки к судну, стоявшему на якорной стоянке.

Когда наступила ночь, норманны увидели, как на берег вышла большая группа биармийцев и стала кружиться на одном месте. Вероятно, они совершали какой-то магический обряд, или, может быть, водили обыкновенный хоровод в честь какого-нибудь религиозного праздника. Когда закончились обрядовые танцы, Одд со своим напарником Асмундом незаметно высадились на берег и последовали за туземцами в лес.

Там они увидели большую избу. Кстати, в саге указывается, что к тому времени было очень темно, вероятно, действие происходило в конце августа — начале сентября. Подойдя к дверям избы, они увидели, что внутри хорошо освещенного помещения было много народу, там вовсю шло веселое пированье.

Одд спросил у своего напарника, понимает ли он речь местных жителей; Асмунд ответил, что она напоминает ему щебетанье птиц. Тогда они приняли решение похитить человека, который разливал вино, т. к. им почему-то показалось, что он должен знать норвежский язык. Одд незаметно вошел в сени избы и встал за дверью у порога, где было темно. Вскоре туда за очередной порцией вина вошла намеченная жертва, Одд сразу схватил виночерпия и без труда приподнял от земли. Тот, испугавшись, сразу

громко завопил, что его схватила нечистая сила, и стал просить о помощи. Биармийцы мигом протрезвели, выскочили в сени и в темноте стали держаться за виночерпия, который продолжал оглушительно орать. Одд, обладая неимоверной силой, стал отмахиваться от биармийцев бедным виночерпием, как дубиной, а затем выскочил с ним на улицу и скрылся в лесу. Повергнутые в ужас аборигены так и не решились выйти из избы, боясь внезапно появившейся нечистой силы.

Одд с виночерпием и Асмундом устремились к судну. После того, как похищенный успокоился, Одд посадил его рядом с собой и стал расспрашивать, но виночерпий упорно молчал. После обещания заковать его в железо, виночерпий на чистом норвежском языке спросил, что именно хотят от него узнать. На естественный вопрос, откуда тот родом, пленный поведал, что он соотечественник Одда и пробыл в Биармии семь лет. Причина такой задержки норвежца в этой стране осталась неизвестной. Но когда пленного спросили, нравится ли ему здесь, ответ был отрицательным.

Одда и его товарищей интересовало более всего, где им поискать богатой добычи в этой стране. Виночерпий поведал им об огромном кургане, находящемся еще выше по реке Двине и составленном из земли и монет, т. к. в Биармии существовал обычай, когда человек умирал или рождался, то за того человека несли туда горсть земли и горсть серебра. И таким образом образовывался большой курган, составленный наполовину из земли и серебра.

Одд принял решение послать к кургану брата Гудмунда, а сам остался на судне со своими людьми и виночерпием. Ночью они тайно высадились на берег и пробрались к кургану. Собранных денег было так много, что им пришлось сооружать носилки. Нагрузив их, они вернулись на судно, за что получили похвалу от Одда.

Попросив Сигурда и Гудмунда последить за виночерпием и оставив охрану на судне, Одд со своими людьми тоже отправился к кургану. Когда дядя и племянник стали пересчитывать похищенные серебряные монеты и на время потеряли бдительность, пленный неожиданно вскочил, бросился за борт и быстро поплыл к берегу. Гудмунд, чтобы исправить свою оплошность, схватил копье и бросил вслед беглецу. Оно попало в бедро виночерпия, но, несмотря на страшную боль, он все же сумел доплыть до берега и скрыться в лесу.

А тем временем Одд, добравшись до кургана, приказал каждому участнику экспедиции приготовить для себя, как указано в саге, *ноши* для переноски добычи. Это, вероятней, всего были обыкновенные, так называемые у поморов — *крошни*, в которых очень удобно носить и рыбу, и зверя, и вообще любой негабаритный груз. Это неприхотливое приспособление для носки груза представляло собой большой кусок бересты, к которой с одной стороны крепились две лямки для ношения на спине, а с другой — две распахивающиеся створки — крыла, изготовленные из обыкновенной сетки, с помощью которых крепился груз в *крошнях*.

Нагрузив полные котомки серебром и дождавшись рассвета (а ночи, как уже упоминалось, были темными), они быстро пошли обратно вниз по реке около кромки леса. Пройдя немного, Одд остановил отряд и сказал Асмунду, что впереди он видит биармийцев, выступивших большой толпой из леса; вероятно, предположил он (и не ошибся!), виночерпий сбежал от Гудмунда и предупредил местных жителей. Поэтому Одд приказал отходить к реке, загородить собой мыс (хочется, конечно, верить, что это архангельский Пур-Наволок) и ни в коем случае не отдавать добычу. А до стоявших на рейде судов викингов было бы рукой подать.

Отдав приказание, сам же Одд побежал в лес, быстро вырубил огромную дубину и вернулся к своим людям. Когда толпа биармийцев начала наступать на викингов, то во главе них Одд увидел своего старого знакомого — виночерпия. Викинг успел спросить у него, что же тот поддерживает не своих земляков, а людей, у которых находится в плену. Виночерпий ответил, что, зная о замыслах норманнов, хочет сделать так, чтобы скандинавам было лучше. А предложение заключалось в том, чтобы снова устроить торг и норвежцы продали бы биармийцам оружие, в первую очередь, боевые мечи. Но Одд и его сподвижники наотрез отказались от такой затеи. Тогда виночерпий прокричал им, что в таком случае они вынуждены защищать свою жизнь и богатство, принадлежащее предкам жителей Биармии.

Удивительно, но не верящий ни в бога, ни в черта, больше всего Одд боялся, как видно из саги, чтобы ни один из павших в бою не попал в руки биармийцев, т. к. те, по мнению всех скандинавов, славились своим колдовством и чародейством. Поэтому предводитель викингов приказал трупы погибших не оставлять на поле боя, а забирать с собой и затем бросать в реку.

И начался страшный бой. Обладая огромной силой и гигантским ростом, Одд бесстрашно бросился в толпу и стал размахивать своей дубиной, сокрушая вокруг себя бедных биармийцев. Не выдержав такого яростного натиска, двиняне вынуждены были отступить. Как отмечает сага, очень жестокий был тот бой, много народу пало на поле сражения. Кончился он тем, что биармийцы, не имея такого сильного оружия, как длинные мечи викингов (недаром наивные туземцы просили их продать для своей защиты), обратились в бегство.

Одд еще долгое время преследовал несчастных и убивал всех, кого настигало страшное оружие норман-

на. Затем вернулся к своим и распорядился разделить добычу. Требовалось отделить серебряные монеты от присохшей земли. На кургане, который они грабили, некогда было этим заниматься, в котомки грузились драгоценности вместе с землей, а теперь в спокойной обстановке можно было завершить раздел добычи.

Проснувшись утром, викинги не обнаружили своих судов, — они ушли в неизвестном направлении, видно, испугался Гудмунд и дал распоряжение подальше уйти от места сражения. Одд посчитал, что поступок напарника можно расценивать двояко: либо он где-то скрывается, либо просто струсил и предал своих земляков. Однако викинги не могли поверить таким суждениям. Для того чтобы еще раз удостовериться в своих словах, Одд решил проверить и побежал в лес. Выбрав высокое дерево, он быстро взобрался на него и развел костер прямо на верхушке. Дерево внезапно вспыхнуло, и так ярко, что озарило округу на большое расстояние. А через некоторое время к берегу, где столпились норвежцы, быстро подошли две лодки, посланные с морских судов викингов, ставших опять на рейде напротив огромного костра.

После этого Одд Стрела с напарниками взошли на свои корабли и немедленно отплыли с богатой добычей, а затем благополучно добрались до исходной точки своего путешествия в Биармию — самый северный район Норвегии — Финмарк.

Позднее у некоторых исследователей возникло суждение, что Оттар и Одд один и тот же человек. Однако это ошибочное мнение опроверг еще в начале прошлого века писатель Тиандер, утверждая, что эти два путешествия относятся к разным эпохам.

Во-первых, Оттар непосредственно побывал в Англии и жил при дворе короля Альфреда Великого — это исторический факт, в саге же об Одде Стреле ничего по-

добного не говорится. Во-вторых, хотя король прямо не высказывается, но из его записок явствует, что именно Оттар первый побывал в Биармии. Наоборот, в саге об Одде повествуется о виночерпии, который был родом из Норвегии и задолго до похода известного викинга прибыл в Биармию, а затем оказался захваченным в плен. Значит, не всегда скандинавы так победоносно завершали свои путешествия, а иногда терпели поражения и попадали в плен, стало быть, биармийцев не следует представлять такими слабыми и беспомощными, какими их изображают скандинавские саги.

В-третьих, как-никак записки короля Альфреда являются историческим документом, а сага все же представляет собой поэтическое произведение, созданное народом и, как известно, не всегда следовавшее исторической хронике, т. к. в них содержалось много фантазии и выдумок.

И главное, у Оттара и Одда цели поездки были абсолютно разные: если первый путешественник оказался в Биармии в поисках новых мест ловли китов и охоты на моржей, то второй со своими людьми шли на север, преследуя одну цель — грабить местное население. Это обстоятельство еще раз подчеркивает, что события, связанные с поездкой Одда, происходили значительно позднее времени оттаровского путешествия, — они совершались в разгар эпохи грабительских набегов викингов.

Тиандер правильно подметил, что Оттар довольствовался только тем, что охотился на моржей (а это было целью второй его поездки) в пределах Биармии, тогда как Одд и его люди ни о какой охоте не помышляли и, предварительно ограбив финнов из Финмаркена, учинили грабеж священного кургана биармийцев на Северной Двине.

В чем причина такого положения? Основным источником доходов для норвежцев во времена Оттара служи-

ла ловля китов и скотоводство. У того же Оттара в хозяйстве содержалось помимо 600 оленей, 20 голов крупного рогатого скота, 20 овец и 20 свиней. Тут уж не до грабежей, как бы свой скот прокормить.

Главным видом морского промысла норвежцев в те времена являлась ловля китов, которые, как указывает Альфред, достигали длины свыше двадцати метров. Но постоянная охота скандинавов на этот вид млекопитающих, как на основной источник жира, употребляемого в пищу и применяемого для освещения помещений, привел к тому, что уже в XIII веке отмечалось почти полное отсутствие китов у берегов Северной Норвегии. Нужно было найти новые места их ловли. Это, вероятно, является одной из причин поиска Оттаром других мест охоты на морского зверя и, как следствие, открытие норвежцами богатой рыбой, зверьми и птицей страны Биармии.

А был ли Оттар первооткрывателем северных морей? На этот вопрос можно ответить категорически — нет. Норвежцы задолго до Оттара были знакомы с водным путем, ведущим к устью Северной Двины, причем в IX веке плавание Оттара не было каким-то необычайным событием. Ему больше «повезло»: он вошел в историю, как первооткрыватель неведомых северных земель и морей, — просто на его жизненном пути повстречался такой любознательный человек, как король Альфред Великий.

Кстати, известный норвежский ученый Тормод Торфей (Torfaues) в XVIII столетии утверждал, что норманны еще в III веке открыли путь в Биармию. Но этот вопрос очень спорный, и утверждения Торфеуса остаются недоказуемыми, и, тем не менее, все же его нельзя безоговорочно отрицать.

Доказательством того, что торговые отношения норманнов с жителями побережья Белого моря существовали задолго до посещения этих берегов Оттаром, служит торговля скандинавов так называемым «рыбьим зубом»: иначе откуда могли появляться в Норвегии моржовые клыки, если не из Биармии. В те времена Гренландия, Исландия и Шпицберген еще не были открыты норманнами. Вероятней всего, собираясь в это путешествие, Оттар уже мог знать о существовании северной страны, откуда поступали моржовые клыки, мамонтовая кость и другие товары.

Известный полярный капитан Ф. Нансен придерживался аналогичной точки зрения и в начале прошлого столетия вполне определенно заявлял: «*Приходится сделать вывод, что норвежские охотники за моржами уже очень давно занялись поисками лучших, сулящих более богатую добычу лежбищ и направлялись с этой целью в восточные районы Северного Ледовитого океана, изобиловавшие этими животными. В этом направлении плыл и Оттар… Вполне вероятно, что уже задолго до него охотники за моржами бывали в этих водах*».

В этой связи приведем предположение ученого Коля, высказанное им в 1869 году: «*Норвежцы с древнейших времен охотились на моржей в Северном Ледовитом океане*». Действительно, тысяча лет назад район распространения моржей был значительно шире, они обитали на *Груманте* (Шпицберген), *Матке* (Новая Земля), других островах полярных морей. Водились они и в Белом море, особенно много лежбищ обладателей «рыбьего зуба» было на острове Моржовец (отсюда такое меткое поморское название острова) и восточном побережье Мезенского залива. Кстати, известный знаток животных А. Брем утверждал, что во времена Древнего Рима моржи обитали даже на побережье Шотландии, что вызывает, конечно, глубокое

сомнение. Авторы этой книги пока не сталкивались с фактами, подтверждающими торговлю «рыбьим зубом» с островов туманного Альбиона, заготовленных шотландцами или бриттами. Моржовые клыки, как известно, обычно всегда поставлялись только с полярного Севера.

Если уйти еще дальше в глубину веков, в доисторические времена, то можно найти следы связей древних скандинавов с аборигенами побережья Белого моря.

Известная исследовательница памятников мезолита и неолита на территории Архангельской области М.Е. Фосс (1899—1955) в своем фундаментальном труде «Древнейшая история Севера Европейской части СССР» отметила идентичность кремневых орудий, найденных на Беломорском побережье и в других районах северной части Европы. Например, на острове Олений в Кольском заливе найдены наконечники стрел, которые точно повторяют форму наконечников, имеющих происхождение с побережья Белого моря, в частности Зимней Золотицы, где была, как известно, доисторическая «фабрика» производства кремневых изделий. Поэтому она сделала следующий вывод: «*Возникает предположение о том, что беломорское население имело сношение с населением, жившим у Кольского залива, через горло Белого моря, а затем по северному побережью Кольского полуострова*».

На наскальных рисунках неолитических времен, обнаруженных на Карельском берегу Белого моря и на побережье Онежского озера, высечены изображения больших лодок, в которых могло уместиться до 24 человек. Хотя М. Е. Фосс допускала передвижение людей только через *горло* Белого моря (на Терский берег и Мурман), можно сделать предположение, что уже в те времена древние люди заплывали и дальше, т. е. проходили на судах вдоль всего Кольского полуострова до его северной части, а мо-

жет даже до Скандинавии. «*Найденные наконечники стрел на Зимнем берегу*, — утверждала М.Е. Фоос, — *близки по типу к шведским. Племена, населявшие различные области Севера, находились в сношениях между собой*». Значит, если следовать логике, то должна была существовать и обратная миграция древних рыболовов и зверобоев с норвежских и шведских берегов на Белое море.

Итак, Оттар был не единственным первооткрывателем Биармии. Вслед за ним в Белое море направился целый ряд норвежских мореплавателей, кто для торговли, кто просто для грабежа — в те времена это было обычным явлением.

Тем более, наступили времена набегов сильных и могучих скандинавских морских воинов — *викингов*. К началу так называемой *эпохи викингов* на Скандинавском полуострове (в Швеции, Норвегии), Дании стали образовываться первые «дружинные» государства, объединяющие вокруг себя дружинников-викингов, которые помогали выполнять избираемому королю (в латинских текстах *rex*, в скандинавских *konung*), кроме военной, все другие государственные функции: сбор податей, суд и административное управление.

Почти все IX столетие Норвегию раздирали междоусобные войны, брат шел на брата, сын на отца, отец на сына — много крови пролилось, тогда для решения вопроса обычным делом считалось убийство родных соперника, поджог дома или судна. Пик походов викингов падает как раз на IX столетие, из письменных документов тех лет известно, как страдали страны Западной Европы и Средиземноморья от викингских набегов. Этими страшными событиями наполнены саги того времени.

Хотя традиционная дата начала эпохи викингов обозначается исследователями 8 июня 793 года, т. е. со времени, когда викинги напали на монастырь Святого Кутберта на острове Линдисфарне у восточного побережья Англии, однако автор популярнейшей книги позапрошлого столетия «Походы викингов», шведский ученый Андерс Стринггольм (1786 г.р.) эту дату относит к 753 году. Именно тогда викинги, или норманны, впервые появились у берегов Англии и ограбили остров Танет, или Тинет.

Считается, что эпоха викингов завершилась во второй половине XI века, в год гибели норвежского конунга Харальда Сурового Правителя в битве у английского города Стамфордбриджа в 1066 году.

Почти три столетия викинги внушали ужас народам прибрежий стран Западной и Северной Европы, Африки, Средиземноморья и, конечно, Белого моря. Задолго до VIII века корабль стал высшим символом боевого духа викингов. Неудивительно, что повсюду в Скандинавии судно являлось эмблемой викингов, т. к. жизнь этих пиратов зависела главным образом от корабля, который мог доставить их в любую точку морей-океанов. Их благополучие и зачастую жизнь зависели от этих неприхотливых плавательных средств.

Флотилии судов несли рослых рыжеволосых воинов, издававших боевой клич, приводивший в трепет всех живущих на побережье и островах от севера до юга, где они сеяли смерть и разрушения. Корабли викингов появлялись всегда неожиданно на горизонте и приближались к берегам так стремительно, что прибрежные жители даже не успевали собрать самое необходимое, и им приходилось убегать сломя голову, спасаясь от нападения жестоких варваров.

Западные летописцы приписывают викингам чрезвычайную отвагу и быстроту своих наступательных операций; удивляясь их великому искусству управлять судами, утверждают, что ни один народ не мог с ними состязаться на море. Их суда были одинаково приспособлены как к весельному, так и парусному ходу.

Хотя следует сразу отметить, что парус появился на судах скандинавов, начиная с VII столетия, до этого их флот был исключительно гребным. Давая описание кораблей Севера, Корнелий Тацит в своем труде «О происхождении германцев» еще в I веке отметил: «*Среди самого Океана обитают общины свионов; помимо воинов и оружия, они сильны также флотом. Их суда примечательны тем, что могут подходить к месту причала любою из своих оконечностей, так как и та и другая имеют у них форму носа. Парусами свионы не пользуются и весел вдоль бортов не закрепляют в ряд одно за другим; они у них, как принято на некоторых реках, съемные, и они гребут ими по мере надобности то в ту, то в другую сторону*».

Норманны были искусными мореплавателями, прекрасно умели пользоваться приливом и отливом для входа в реки стран Европы. Особенно были поражены жители Парижа одной характерной картиной, когда однажды увидели, как суда викингов передвигаются по суше. Один летописец рассказывает, что переправляясь по Сене, не доходя столицы Франции, норманны сноровисто вытащили свои суда из воды и поволокли их посуху, обходя город, на расстояние более полукилометра, потом опять спустили на воду выше Парижа и проследовали далее по Сене для захвата города Шампани. Парижане с удивлением взирали на это зрелище, и западный летописец упоминает о нем, как невероятном и неслыханном событии. Хотя, как мы сейчас знаем, у северных народностей, в том числе и наших предков — русов-славян, это было обычным явле-

нием — перетаскивать лодки посуху — через *волоки*, чтобы сократить путь.

Что же означало слово *викинг* (*vikingr*)? По одной версии, как утверждают ученые, оно происходит от норвежского *вик* (vic) — *залив*, т. е. его можно перевести как *люди заливов*. По другой версии, слово *викинг* исследователи образовывали от названия конкретной местности Скандинавского полуострова — *Вика* (Vicen), прилежащего к Осло-фьорду в Норвегии. Однако, такое словосочетание, якобы образованное от указанного наименования норвежской области, позднее не выдержало критики, т. к. стало известно, что жителей Вика называли не *викингами*, а совершенно другим термином — *vikverjar*. Другое объяснение, что это слово образовалось от древнеанглийского wic, обозначавшего *торговый пункт*, *укрепление*, также было отвергнуто учеными.

По мнению автора книги «Походы викингов» А.Я. Гуревича, наиболее приемлемой считается гипотеза шведского ученого Ф. Аскерберга, который производил термин *викинг* от глагола *vikja — поворачивать, отклоняться*. Он полагал, викинг — это человек, который покинул родину, как морской воин, пират, для грабежа и разбоя в других странах. Ученый особенно подчеркивал, что в древних источниках отличали морские поездки скандинавов — если с целью грабительских набегов, то это называлось «отправиться в viking», при этом строго отличали от обыкновенных торговых поездок скандинавов.

Западные летописцы называли скандинавских пиратов — *норманны,* что переводится как *северные люди*. Автор «Славянской хроники» Гельмольд сообщал, что войско норманнов состояло «*из сильнейших среди данов, свеонов и норвежцев*». *Данами* и *свеонами* называли в древности предков датчан и шведов. Адам Бременский назы-

вал данов и свеонов также норманнами, он писал о «*пиратах, которых датчане называют викингами*».

В общем, *викингами* или *норманнами* тогда называли всех скандинавов (кстати, это слово являлось собирательным названием народов Норвегии, Швеции, Дании и части Финляндии) в период с середины VIII века до злополучного для них 1066 года. Стать викингом означало собраться в поход на своем судне за богатой добычей и славой, чтобы позже воспеть свои подвиги, битвы и сражения в не умирающих веками народных песнях-сагах.

Как же становились викингами? Будем справедливы, конечно же, не все население скандинавских стран участвовало в пиратских набегах на приморские государства, большинство простых людей, живущих в *эпоху викингов*, обеспечивали себе пропитание мирным трудом — животноводством, земледелием, охотой и рыболовством. Они ходили в море, ловили рыбу, били морского зверя — китов, моржей, тюленей, собирали ягоды, грибы, получали мед, яйца и тем самым зарабатывали себе на пропитание. Из старинных норвежских произведений, например, из одного из них под названием «Ригстхула», известно, что фермеры, не покладая рук, работали на своих землях, обеспечивая себя рыбой, мясом и одеждой. Они «*приручали быков, ковали орала, рубили дома и сараи для сена, мастерили повозки и ходили за плугом*», валили лес и расчищали его от камней для будущих посевов, строили не только пиратские *драккары*, но и небольшие маневренные суда для ловли рыбы и торговых поездок.

Становились викингами представители высшего сословия, аристократии, особенно младшие члены богатых семей, которым могло ничего не достаться из наследства. Для таких людей стать викингом означало уйти в далекий поход за богатством под предводительством своих мест-

ных вождей, часто обыкновенных авантюристов, жаждущих славы и большей власти.

Еще со времен *великого переселения народов*, относимого историками к VI столетию, существовал следующий обычай: в неурожайные годы или в случае большого увеличения населения, когда земля не могла прокормить всех жителей, избиралась по жребию часть молодых людей, которые были не женаты и еще не обзавелись собственным хозяйством. Они высылались за пределы страны для поиска в другом месте пропитания, жилья и обретения новой родины.

Например, в трактате, приписываемом аббату Одону (942 г.), упоминается обычай датчан, по которому из-за недостатка земли значительная часть их населения, по выпадению жребия, каждые пять лет покидала родину, чтобы искать себе новые земли и больше не возвращаться. Более подробно об этом обычае рассказал Дудон (Dudo Sanquintinianus), написавший целый трактат о нравах и деяниях первых нормандских князей около 1015 года. Дудон, приведя вначале рассказ о Скифском море (Scithicus pontus), острове Скандия (Scanzia insula), готах-гетах, далее поведал: «*Эти народы возбуждаются горячительным излишеством и, растлевая как можно больше женщин чрезвычайно возмутительным образом, производят бесчисленное множество детей в браках, так постыдно заключенных. Когда это потомство вырастает, оно заводит споры из-за имущества с отцами, дедами и между собой, так как численность его очень велика, а земля, ими занимаемая, не может их пропитать. Тогда это множество юношей бросают жребий, кто из них, по древнему обычаю, должен быть изгнан в чужие края, чтобы мечом завоевать себе новые страны, где они могли бы жить в вечном мире. Так поступали геты (Gete), они же и готы*

(Gothi), обезлюдив почти всю Европу, до тех пор, где они остановились ныне…

Покидая свою землю, они направляют свою волю на смертоносное нападение на народы. Отцы их гонят, чтобы они набрасывались на царей. Их отсылают без всякого добра, чтобы они на чужбине добыли себе богатство. Их лишают родной земли, чтобы они разместились спокойно в чужой. Их изгоняют на чужбину, чтобы они обогащались оружием. Вытесняют их свои люди, для того чтобы с ними делили имущество чужое. От них отмежевывается собственная родня, да возрадуются они имуществу чужестранцев. Их покидают отцы, не должны их видеть матери. Возбуждаются мужество юношей на истребление народов. Отечество освобождается от излишка жителей, а чужие страны страдают, безобразно наводненные многочисленным врагом. Обезлюживается все, что попадается им на пути. Они едут вдоль морских берегов, собирая добычу с земель. В одной стране они грабят, в другой — сбывают. Проникши в гавань мирным путем, они отплачивают насилием и грабежом» (Датско-русские исследования, К. Тиандер).

С тех пор морские походы вошли в обыкновение, когда отцы семейств отправляли взрослых сыновей «*за море*», чтобы они сами заботились о себе и наживали богатство. Именно оттуда у скандинавов пошел обычай — в трудные голодные годы отправлять молодежь под предводительством опытных старых вояк в морские походы для добычи оружием богатства в изобильных краях. Так родились викинги и викингские походы.

Трофеи, добытые в далеких странах, а частенько и у своих же соотечественников, в целях пополнения войска отдавались в дар молодым, крепким крестьянским парням. Чем больше было богатства у рядового предводителя ви-

кингов, тем больше была вероятность стать крупным местным вождем, а может быть, даже конунгом Норвегии.

Именно поэтому, когда были ограблены южные европейские страны, взоры викингов стали обращаться на богатые серебром, моржовой костью и пушниной северные земли, а путь туда, как мы уже знаем, был проторен.

Впервые упоминается главная река Биармии под загадочным скандинавским названием *Вины*, отождествляемой подавляющим большинством исследователей с Северной Двиной из-за наличия созвучных названий этой реки в русском (Двина), финском (Veina) и древнеисландских (Vina) языках, в исторических «Саге об Эгиле Скаллагримсоне» и «Саге об Олафе сыне Трюггви», сочиненных в XII веке.

В первой саге говорится о походе Эйрика Бодека по прозвищу Кровавая Секира в Биармию, совершенного им в 920—930 годах, где на берегах реки Вины проходила большая битва с *биармами*, и он, естественно, одержал великолепную победу. Кстати, ни в одной из саг вы не найдете сведений о поражениях скандинавов, обычно викинги постоянно громят бедное туземное племя.

Во второй саге уже его сын Харальд по прозвищу Серая Шкура в 965 году совершил поход «*на север в Биармию*», где «*дал большую битву биармам на берегах Вины и одержал победу, перебив много народу*». Не подлежит сомнению, что в этих сагах под названием реки *Вины* кроется Северная Двина.

Для закупки товаров, пушнины и мехов на двух кораблях в 1026 году совершил очередной поход в Биармию богатейший житель норвежского острова Биаркей Торир Собака со своими напарниками — братьями Карли и

Гуннстейном. Их вояж, как известно, закончился заурядным грабежом местных жителей. Об этих событиях повествуется в «Саге об Олафе Святом», в которой представлен, наверное, самый продолжительной и подробный рассказ о путешествии и пребывании скандинавов в Биармии. Позволим себе кратко остановиться на содержании саги.

Олаф Святой отправляет своего подручного Карли для сбора податей в *северную* часть своего королевства, а затем приказывает на хорошем судне отправиться дальше «*на север, в Землю Биармов*». Весной Карли направил свой корабль в *Халоголанд* — северную провинцию Норвегии, где к ним присоединился его брат Гуннстейн с товарищами. Той же весной они решили отправиться дальше на *север* в *Финмаркен*, крайнюю норвежскую область. Узнав о намерениях братьев, Торир Собака решил присоединиться к ним при условии, что они позже поделят пополам добычу, захваченную в неведомых краях.

В саге повествуется, что Торир, как только был готов, «*направил свой путь на север, около твердой земли*» и встретился с братьями в *Сандвере*, на острове *Хвале*, расположенного *севернее* Тромсё. Отсюда они пошли морем вместе, по очереди обгоняя друг друга и не теряя из вида кораблей напарника.

Вероятно, чтобы показать, что путь до Биармии был не коротким, в саге указано «*все лето они плыли, как позволял ветер*». Хотя здесь составитель саги явно лукавит, забыв, наверное, о том, что в то же лето они вернулись обратно.

Дальше не указывается маршрут морского похода норвежцев, но, в конце концов, они оказались в Биармии, пристав у какого-то *торжища*, где сразу начали торг. Впервые в саге упоминаются товары, которые закупали норвежцы, подчеркнем, — это *беличьи, бобровые* и *собольи меха*.

После того как торги закончились, норвежцы отправились вниз по реке *Вине* и вышли в море. Посовещавшись, решили добыть еще больше сокровищ. Торир Собака откуда-то прекрасно знал местные обычаи, о привычке *биармов* зарывать часть сокровищ умерших в курганы. Поэтому пригласил напарников вернуться и осмотреть такой курган, хотя это могло стоить жизни чужеземцам.

Финал этой истории известен, они ограбили священный некрополь биармов — забрали ожерелье местного божества Йомали и поспешно ретировались на свои суда. Подняв паруса, вышли в море и, как повествует сага, «*поплыли по Гандвику*» (Белому морю). Указывается, что «*ночи еще были светлые*», значит, в обратный путь они отправились не позднее середины августа. Шли они не останавливаясь «*дни и ночи*», пока не достигли каких-то островов. Вероятно, они дошли до *Семи Островов* на мурманском побережье Баренцева моря, хотя существуют и другие версии.

В саге указан еще один географический пункт, которого они достигли в своем походе — это *Гейрсвер*, расположенный на острове Магеро, недалеко от самой северной точки Европы — мыса Нордкап. После очередных «разборок» между героями саги, они, в конце концов, оказались в *Ленгъювике* (современный Люнген), расположенный напротив острова Сеньё.

Мы специально подробно остановились на описании морского похода героев «Саги о Олафе Святом», их долгом путешествии в Биармию и обратно. И сразу хотим сказать, что наверняка должны исчезнуть все сомнения по поводу местонахождения этой таинственной по сей день страны. В первую очередь, это касается тех исследователей, которые проповедует ее локализацию на побережье Балтийского моря. Надо быть просто необыкновенными упрямцами, чтобы отстаивать подобную точку

зрения. Как видно из приведенных цитат, всегда, когда говорилось, что скандинавы уходили в поход в Биармию, сразу же прибавлялось выражение — «на север». Все сочинения давали указания, что Биармаланд находился в северном направлении. Древнескандинавские географы располагали ее также на севере материка. Так что представленные сведения не оставляют никаких сомнений в том, где, по свидетельству современников, находилась легендарная страна. Итак, во всех источниках Биармия неразрывно связана с *Севером* Восточной Европы.

Особый интерес в сагах вызывают сведения, связанные с упоминанием древнерусских городов. В скандинавских сочинениях названы всего двенадцать городов Руси из более четырехсот имевшихся в ту пору. Больше всего, конечно, привлекают внимание сообщения о возможности путешествий из *северной* Биармии в отдельные города Древней Руси, например в Суздаль или тот же Великий Новгород. Обратимся снова к содержанию саг.

В годы правления норвежского короля Харальда Прекрасноволосого с целью грабежа и наживы в 926 году совершил плавание в Биармию со своей дружиной викинг Хаук Серые Штаны. В саге говорится, что Харальд отправил Хаука «*на север в Биармаланд*» для сбора меховых товаров, при этом он просил передать золото и пропитание своей «*кормилице по имени Хейда, которая обитает в северной стране у Гандвика*». Узнав про их сборы, сын короля Эйрик (Кровавая Секира?) решил отправить вслед двух своих подручных Бьорна и Сальгарда «*на север, в Суздальскую землю и Биармаланд* (til Surtsdala ok Bjarmalands)», что посчиталось большинством исследователей явным вымыслом. Это фантастическое событие, как

они полагали, не могло иметь места, т. к. если Биармия, как считалось, была на севере, то тогда Суздаль никак не мог находиться в той же стороне. Конечно, если читать саги буквально, то действительно Суздаль все же должен располагаться по отношении к Норвегии на востоке.

Если поменять местами указанные топонимы, то все станет на свои места. Вначале, естественно, скандинавы шли морем *на север*, обогнув Кольский полуостров, в Биармию. Затем оттуда, поднимаясь по Северной Двине, ее притокам, другим рекам и по волокам свободно могли добраться до Суздаля, Великого Новгорода и Полоцка (Pallteskia), о котором также упоминается в некоторых сагах. Для того чтобы совершать такие путешествия по внутренним водным путям, скандинавам необходимо было иметь какую-то постоянную базу-факторию в Биармии. На тяжелых морских судах невозможно пройти по рекам, и, главное, это вызвало бы большие затруднения (даже невозможность) при перетаскивании этих судов через волоки и речные мели. Поэтому скандинавы, вероятно, меняли морские суда на речные, оставив первые на зимовку в Биармии.

Из «Саги о Хаконе Хаконарсоне», рассказывающей о последнем походе скандинавов в Биармию в 1222 году и отличающейся, по мнению специалистов, вполне документальным характером, можно узнать, что скандинавы к тому времени обосновались в Биармии основательно, жили там постоянно и совершали оттуда походы в Суздаль *(Sudrdalariki)*. Так герой саги Эгмунд отправляется из Биармии «*осенью на восток в Судрдаларики со своими слугами и товаром*». Но ни в одном из скандинавских произведений вы не найдете упоминания о Перми, Чердыни или Булгаре, с которыми большинство исследователей связывают Биармию.

Скандинавы в течение почти четырех веков осуществляли поездки в центральные районы Древней Руси, используя не только традиционный, хорошо известный путь *из варяг в греки*, но и через Белое море, раздобыв предварительно у местного населения Биармии, когда торговлей, а чаще грабежами, пушные товары и моржовую кость, чтобы обменять их в древнерусских городах на серебро, изделия из металла, ткани, разные необходимые товары. Вероятно, такие поездки из Белого моря носили очень редкий характер, и скорее были исключением, чем правилом.

Историки часто задают вопрос: почему же прекратились поездки скандинавов в далекую Биармию, какая причина заставила их прервать сообщения с удивительно богатым краем? И никто на этот вопрос не может дать однозначного ответа. На наш взгляд, произошло следующее.

Ученые-метеорологи, изучавшие изменение климата за предыдущие тысячелетия, выяснили очень любопытную деталь, — на земном шаре периодически происходило несколько ледниковых периодов, т. е. Земля в отдельные тысячелетия покрывалась льдом, достигавшим 40—50-градусных широт, а затем полностью освобождалась от него. А в промежутках между основными ледниковыми периодами происходили, так называемые, *малые ледниковые периоды*, сменяющиеся *климатическими оптимумами* (от лат. optimum — *наилучшее*), т. е. кратковременными потеплениями.

Малый климатический оптимум, по мнению большинства исследователей, закончился в Европе около 1300 — 1310 гг. В Гренландии и Арктике потепление началось раньше, чем в Европе, и закончилось, по-видимому, тоже раньше. Причем потепление в период малого климатического оптимума, считают они, было не повсеместным, хотя и охватило большую часть земного шара. В Европе макси-

мум потепления был между 1200-1250 гг., а далее последовал очередной малый ледниковый период, длившийся до конца XIV столетия.

Существует немало свидетельств, позволяющих современным ученым заключить, что во времена климатического оптимума на Севере (1000—1200 гг.) среднегодовая температура превышала современную на 2—4 градуса. Поэтому область постоянных льдов лежала к северу от 80-й широты, а дрейфующий лед редко опускался южнее 70-й широты.

Именно в период климатического оптимума произошло заселение норманнами Исландии и Гренландии. Как известно из древнескандинавских сказаний, после изгнания из Норвегии за совершенное убийство в 871 году некий Ингольф Андерсон со своим побратимом Лейфом оказались в Исландии, а через три года уже с семьями обосновались там на постоянное жительство. Узнав о свободном проходе к Исландии, туда устремился поток норвежцев. В это же время, в 875 году, один из норвежцев, Гуньбьерн Ульфсон, сбился с курса, «проскочил» *Страну Льдов*, как называли раньше Исландию, и достиг Гренландии. Однако подлинное открытие огромного полярного острова приписывают некоему Эйрику Торвальсону, известному по сагам под именем Эйрика Рыжего или Красного (955—1005). Кстати, по утверждению автора книги «Норманны» Г. Джонса, когда Эйрик Рыжий и другие колонисты организовали поселения в Гренландии, то обнаружили в тех местах следы прежних обитателей острова.

Вероятно, эти же благоприятные условия наступившего климатического оптимума позволили Оттару, другим скандинавским мореходам пробиться к берегам Белого моря и отыскать снова Биармию.

Но вскоре опять наступило похолодание. Множество существующих свидетельств, как литературных, истори-

ческих, археологических и метеорологических, позволили ученым сделать вывод, что после 1200 года климат в Северном полушарии ухудшился, по меньшей мере, на два столетия, Европа даже пережила около 1430 года малый ледниковый период.

Отчетливый переход к малому ледниковому периоду, считают ученые Е.П. Борисенков и В.М. Пасецкий, в течение которого температура понизилась в Европе в среднем на 1,3 — 1,4 градуса и более, отмечается между 1300 и 1500 годами. Полярные льды снова сковали побережье Гренландии и Исландии, что привело к гибели европейских поселений в Гренландии, оказавшихся отрезанными от материка.

Очередное похолодание сковало льдами всю северную Атлантику и Ледовитый океан. Полярные льды опустились до отметки 70-й широты и перекрыли проход судам норманнов вокруг Скандинавского полуострова. Они оказались на долгое время отрезанными от богатой мехами, моржовыми клыками и серебром далекой, остающейся таинственной для них Биармии.

ЧАСТЬ 2

САКСОН ГРАММАТИК О БИАРМИИ

Первым из западноевропейских писателей, кто рассказал о Биармии, был известный сочинитель, датский хронист-летописец Саксон Грамматик (1140 — около 1208). Используя скандинавские и исландские саги, устные рассказы и предания, другие источники, он написал в 9 книгах историю Дании с древнейших времен до 1185 года под названием «Деяния данов» (Gesta Danorum).

Во времена мрачного Средневековья все древние познания античных ученых, тот же Птолемей и его карты с градусными сетками, и даже нисколько не похожее на фантазию свидетельство норвежца Оттара о скандинавских странах и существовании Биармии в Западной Европе были забыты. Вместо тех, назовем так, относительно подлинных представлений о полярном Севере они подменялись сведениями о чудовищах, великанах, духах. В числе уже хорошо известных скандинавам земель, как Халогаланд (там жил Оттар), Финмарк (самая северная область Норвегии) и Биармия, средневековыми писателями названы какие-то фантастические — Йотунхейм, Имисланд, Альфгейм.

Саксон не был исключением. В упомянутом сочинении он рассказывает об удивительном плавании датского

короля Гормса в мифическое царство мертвых, которое, как полагали в те времена, находилось на Крайнем Севере. Мифы и сказания передают, что скандинавы укладывали своих умерших родственников в лодки и отпускали на волю волн океана, только таким способом, считали они, покойные могут достичь той неведомой страны.

Еще в XIII столетии в Германии считали, что Британия именно та страна, и называлась она «островом мертвых». Долгое время существовало поверье, что у северных берегов Франции собираются все души умерших, а оттуда их перевозят в Британию.

У Саксона Биармия тоже представлена как таинственная фантастическая страна, связанная с царством мертвых различными волшебствами и чарами. Но прежде чем рассказать о ней, остановимся на событиях, освещенных в первой книге писателя, где Саксон Грамматик повествует о борьбе отпрыска короля Дании под именем Хаддинг с конунгами Норвегии и Швеции, их сыновьями и родичами. Вначале Хаддинг прославился тем, что, атаковав в Балтийском море около острова Готланд превосходящие силы противника, короля Норвегии Свипдага, потопил его флот. Затем Хаддинг победил его сына Асмунда, пытавшегося мстить за отца. Перед смертью тот сумел ранить датчанина в ногу, оставив на всю жизнь хромым.

Позднее внук Свипдага и сын Асмунда под именем Уффе сумел отомстить датчанину. Пока Хаддинг воевал со Швецией, Уффе перебросил свои войска в Данию, считая, что лучше напасть на дом своего врага, чем охранять свой. Таким образом, датчане вынуждены были вернуться на свою родину и защищать собственные жилища. После чего Уффе благополучно вернулся в Швецию, избавленную от врагов. Хаддинг не успокоился и на следующий год снова вернулся в Швецию, где почти пять лет вел кровопролитную войну. Но однажды случился жесточайший шторм и его флот был разбит бурей.

Далее повествуется о том, как Хаддинг отправился в Норвегию, где узнает о предстоящей женитьбе какого-то великана на Рагнильде — дочери местного конунга Хакона. Решив не допустить такого неравного брака, Хаддинг вызвал на бой великана и убил незадачливого жениха. Но в бою сам получил тяжелые раны. Рагнильда стала ухаживать за доблестным чужестранцем и, чтобы позже не забыть его, зашила в рану на ноге Хаддинга золотое кольцо. Впоследствии дочка Хакона, когда король предоставил ей свободу выбора жениха, при осмотре, точнее при ощупывании претендентов, благодаря этому кольцу узнала Хаддинга и вышла за него замуж.

После женитьбы он решил сходить на своем судне в Биармию. Когда Уффе узнал о том, что Хаддинг будет находится в Биармаланде, решил отомстить за смерть своего отца и деда. Шведский конунг пообещал свою дочь тому, кто убьет ненавистного Хаддинга. Вызвался некий Тунинг, находившийся в то время в Биармии, который стал подстрекать туземцев, славившихся своим чародейством, погубить датчанина.

Когда Хаддинг проходил мимо берегов Норвегии, то увидел удивительного старика, призывавшего его к себе. Несмотря на предупреждения спутников, что поездка на берег может оказаться губительной для него, смелый датчанин все же взял его на борт корабля. Старик научил датчанина, как правильно расставить войско (в виде клина) при нападении на биармийцев.

Когда началось сражение, биармы, решив схитрить, бросили оружие и попытались, обладая чарами и волшебством, напустить на небо тяжелые свинцовые тучи и проливные дожди, тогда в противовес им старик, вероятно, финн, также славившийся своим колдовством, выпустил полосу тумана и нагнал штормовой ветер, разогнавший тучи. Благодаря чему Хаддинг со товарищи одержал со-

крушительную победу над биармийцами. Позже он убил короля Уффе и, подчинив Швецию, поставил во главе ее Хундинга — брата Уффе.

В третьей книге Саксона Грамматика приведены сведения, правда, косвенно связанные с Биармией. Кстати, наш великий историк Н.М. Карамзин, хотя и считал недостоверными сведения Саксона Грамматика, относил описанные события (ссылаясь на историческое сочинение Тормода Торфея) к концу I — началу II века н.э.

Детство будущего короля Швеции Хотера прошло под опекой конунга Гевара, т. к. его отец был убит в очередной войне с датчанами. Еще подростком Хотер многих превосходил силой и ловкостью, прекрасно плавал и стрелял из лука, был одаренный и умный юноша. Кроме того, Хотер отличался тем, что искуснее всех играл на арфе и лире. Он завораживал и очаровывал души людей своей прекрасной игрой на этих редких инструментах. Неудивительно, что вскоре в него влюбилась дочь Гевара по имени Нана и стала искать любого повода, чтобы упасть в объятия любимого.

Но тут в повествовании появляется некий герой Балдер, сын Одина. Однажды, увидев купающуюся Нану и пораженный ее удивительной красотой, Балдер воспылал к ней страстью. По этой причине он решил убить главного претендента на руку Наны — Хотера.

Чтобы предотвратить беду, король Гевар рассказал, как Хотер сможет победить своего сильного противника. А погубить его можно было, оказывается, только посредством волшебного меча и какой-то заколдованной то ли ленты, то ли подковы, которые хранились у лесного бога Миминга. Тот жил далеко на Крайнем Севере, за непроходимыми лесами и горами, путь к нему преграждался различными препятствиями, непреодолимыми для обыкновенного путешественника. Только на санях, запряженных

северными оленями, была возможность преодолеть суровые замороженные горные хребты и попасть в страну Миминга. Выслушав наставления Гевара, Хотер собрался в путь и через какое-то время добрался до тех мест.

Установив свою палатку недалеко от пещеры, где обитал лесной бог, отважный швед стал поджидать его. Однажды ничего не подозревающий Миминг выполз из своей обители, Хотер напал и, угрожая копьем, сбил его на землю. Затем стал грозиться убить, если тот не отдаст Хотеру волшебный меч и ленту или подкову. Миминг, спасая свою жизнь, не замедлил отдать требуемое, а довольный Хотер вернулся домой, обогащенный волшебными трофеями.

В это время Хельги, конунг норвежского фюлька Халогаланда, обратился, чтобы кто-нибудь помог ему посвататься за Тору, королевскую дочь Кусо. Вероятно, здесь Саксон Грамматик рассказал о 14-м короле финнов по имени Кузо (Kuso). Шведский историк Иоганн фон-Страленберг, побывавший в русском плену, написал позднее несколько трудов, посвященных истории России. Так вот он, ссылаясь на забытую всеми «Шведскую библиотеку» (Schwedische Bibliothek), издания 1728 года, позаимствовал оттуда известие о том, что 14-й король Кузо в свое время напал на Биармию, опустошил всю страну и три года владел ею.

Вернемся к сочинению Саксона. В те далекие времена женихи имели обыкновение, предлагая руку и сердце, выражать любовь своим суженым красивым поэтическим языком, составляя особые хвалебные стихи, так называемые *висы*. Однако этот норвежский король «славился» редким косноязычием и поэтому направил своих послов к невесте, но Кусо с презрением отверг его, отвечая незадачливому жениху, что такой несмелый человек не заслуживает руки его дочери. Тогда Хельги обратился за помощью к Хотеру, славящемуся своим красноречием.

Собрав большой вооруженный флот, Хотер отправился в Норвегию, чтобы достичь цели любой ценой, если не красивыми словами, так, в конце концов, оружием. И когда он выступил на *тинге*, Кусо быстро изменил свое мнение о норвежском женихе и спросил дочь, чувствует ли она симпатию к своему воздыхателю. И когда она согласилась, Кусо пообещал Хельги ее руку. Таким образом, Хотер своим красноречием сумел убедить упрямого короля финнов и биармийцев.

В пятой книге Саксон Грамматик снова представил сведения, связанные с Биармией. Однажды известный шведский витязь Арнгрим прибыл к не менее известному в те времена датскому королю Фротону просить руки его дочери. Но Фротон был глух к его просьбе, тогда Арнгрим обратился за помощью, как к посреднику, шведскому королю Эйрику. Тот посоветовал жениху, чтобы получить благосклонность датского короля, сходить войной в страны Крайнего Севера, не подчиненные пока датскому владычеству. Обладая большим военным опытом и, овеянный славой, Арнгрим незамедлительно отправился со своим войском бороться против Эгтера — короля Биармаланда и Тенгиля — короля Финмарка.

Крайние народы Севера — финны, пишет Саксон, считались самые лучшими копьеносцами, никакой народ не мог так умело бросать копье. Они были очень хорошими охотниками, на одном месте никогда не жили, а кочевали с места на место, где есть добыча. *Скритфинны* (Skritfinni) отличались замечательным свойством, отметил Саксон, — умением кататься на изогнутых лыжах через покрытые толстым слоем снега горные хребты. Вот эти люди напали на войско Арнгрима, но боролись не очень удачно, несмотря на свое умение колдовать и чудодействовать.

Финны, рассеявшись по полю, бросили три камешка позади себя, чтобы предстать перед войском Арнгрима

тремя огромными камнями, похожими на горы. Шведы были введены в заблуждение таким превращением и поначалу отступили. На следующий день, когда Арнгрим снова пошел в атаку, на этот раз финны своими чарами вызвали снежную лавину, похожую на огромную реку. Шведы в очередной раз были обмануты хитрыми финнами, большинство из них сильно испугалось рева мнимой стремящейся массы воды. На третий день, не найдя больше обманных средств, финны вынуждены были сдаться на милость завоевателей. Арнгрим установил сроки и наложил на них следующую величину дани: после подсчета всех финнов, необходимо по истечении каждых трех лет каждым десяти финнам платить по полной оленьей упряжке, груженной замшей (выделанные шкурки соболей, песцов и пр.).

Потом Арнгрим пошел войной на Биармию и, вызвав на бой один на один Эгтера — короля Биармаланда, убил его. После этого наложил такую же контрибуцию на местных жителей, обязав платить ему дань по одной шкурке с человека. С богатыми трофеями Арнгрим вернулся в Швецию и затем вместе с Эйриком отправился к датскому королю. Эйрик восхвалил перед Фротоном подвиги жениха и рассказал о покорении Биармии и Финмарка. Тогда тот посчитал, что теперь шведский витязь заслужил право получить руку дочери датского короля.

В очередной раз о Биармии упоминается в шестой книге Саксона. События происходят во времена Фротона IV и относятся, по мнению Тормода Торфея, к IV веку. В ней рассказывается о некоем Старкарде, человеке без родины, появившемся на свет, по словам Саксона, где-то на востоке от Швеции. Древняя традиция говорит, что этот Старкард предлагал принести в жертву богам короля Норвегии Викара. На это его, мол, подстрекал главный скандинавский бог Один. Обманом Старкард завоевал до-

верие норвежского короля, а затем предал его и самолично удавил петлей, якобы принеся в жертву по требованию богов.

Совершив такой предательский поступок, Старкард забрал судно Викара и уплыл на нем к одному пирату из Дании, такому же авантюристу, по имени Вемон. Впоследствии они оба стали известны своими пиратскими набегами на приморские страны. Саксон сообщает, что «после свержения далеких и широких областей» они вторглись на Русь (Rusciam). Пираты применили против местных аборигенов какую-то военную хитрость, используя доски с наколоченными гвоздями и располагая их на земле по линии нападения противника. Датчане загнали русичей на эти доски с гвоздями, сами предварительно одев башмаки с толстой деревянной подошвой, благодаря чему сумели одержать над ними победу. При этом предводителя русичей Флоки со своим войском отрезали от убежищ в горах и загнали в непроходимые чащи. После победы пираты собрали столько трофеев, что не могли все увезти на своих судах, а отбирали только серебро и золото.

После смерти напарника Вемона, пишет Саксон, «за свою доблесть» Старкард был призван витязями Биармии и там совершил много «примечательных дел среди них». Какие это были «примечательные дела», Саксон умалчивает. Позднее Старкард из Биармии перешел в Швецию, где жил семь лет с сыновьями Фреи. Однако, если быть последовательными, позднее, уже в восьмой книге, Грамматик снова возвращается к этому герою, приводя хвастливый спор некоего Хатера и Старкарда, где последний хвалился тем, сколько людей он поубивал. При этом среди убитых он указал на тех самых витязей Биармии, которые приглашали его когда-то к себе. Вероятно, и здесь проявилась предательская пиратская натура Старкарда.

Следующий рассказ о Биармии связан непосредственно с таинственным островом Туле. Сын датского короля Харальда Горм отличался среди военачальников того времени тем, что он искал славы не в боях и войнах, а в раскрытии тайн природы, в поисках мало известных, неведомых земель. В этой характеристике датского короля, данной Саксоном, можно найти некоторые черты упомянутого выше английского короля Альфреда Великого, записавшего рассказ Оттара, которого в первую очередь интересовали не боевые успехи, а научные открытия.

И вот когда поступило сообщение от людей, прибывших с острова Туле, о проживании в тех краях некоего Гейрода, он сразу же принял их, чтобы послушать необычные, граничащие с фантастикой, рассказы. Эти посланцы с загадочного острова рассказывали об огромных сокровищах той страны, но сразу предупредили, что путь туда сопряжен с опасностями, которые едва ли сможет перенести простой смертный человек. Тем, кто захочет совершить такое плавание, они объясняли, что надо проплыть по океану, который огибает все страны, оставить солнце и звезды позади и попасть «вниз в хаос», а затем, наконец, «пройти сквозь землю, где не пробивается свет и где темнота правит вечный бал».

Король, надеясь найти себе славу, обратился к народу, и тогда три сотни людей согласились идти с ним на поиски неведомой земли. Во главе путешественников Горм поставил человека, по имени Торкил, который знал остров и путь к той стране. Зная трудности предстоящего похода, по его поручению построили специальные суда, отличающиеся своей крепостью и полностью груженные для длительного перехода. Путешественники разбились на три партии по сто человек в каждой и вышли в открытое море.

Когда прибыли в самую северную область Норвегии Халоголанд (кстати, вспомним, родину Оттера), то некоторые суда из-за штормов отстали и оказались как бы брошенными на произвол волн и ветров в этом рискованном рейсе. Кроме того, путешественники попали в чрезвычайное положение по причине отсутствия продуктов питания, испытывая недостаток даже в хлебе. Им приходилось утолять голод только похлебкой из муки. Несмотря на все трудности, они шли еще несколько дней, пока вдалеке не услышали грохот прибоя о скалистый берег, напоминающий раскаты грома. Мореходы воспрянули духом и послали на мачты молодых и ловких выглядывать землю. Вскоре впередсмотрящие сообщили, что на горизонте показалась суша с крутыми берегами.

Путешественники пришли в восторг от долгожданного известия и стали пристально всматриваться, нетерпеливо ожидая гостеприимного убежища на обещанном берегу. Достигнув острова, они столкнулись с очередной трудностью — берега были скалистые и очень крутые, которые осложняли путь наверх ослабевшим морякам. Торкил посоветовал забить только несколько животных из пасущегося на берегу стада коров и быков, чтобы утолить голод путешественников. Однако оголодавшие люди набросились на скот и принялись вырезать всех подряд, рассчитывая заодно наполнить трюмы всех судов. Местный рогатый скот не представляло большого труда захватить, т.к. он абсолютно не боялся пришельцев.

На следующую ночь сильно зашумел лес и суда, стоявшие около берега, были окружены страшными чудовищами. Один из них, самый огромный, шагал прямо по воде к судам и размахивал огромной дубиной. Стоя близко от путешественников, он проревел громовым голосом, что они никуда не поплывут, пока не искупят свою вину за гибель скота, принадлежащего богам. В возмещение ущерба

от чужестранцев потребовали по одному человеку с судна. Торкил, чтобы сохранить экспедицию, согласился с этими условиями и вынужден был отдать по одному человеку от каждой сотни людей, т. е. троих несчастных.

После этого они смогли тронуться в путь, и скоро ли, коротко ли мореходы приплыли к «дальней» Биармии (in ulteriorem Biarmiam), точнее — в царство мертвых, которое лежало по ту сторону Биармаланда.

Саксон Грамматик одним из первых средневековых писателей дал изображение «крайней» Биармии, используя при описании таинственной страны характерные для той эпохи элементы романтичности и загадочности. Приводим тексты переводов этого фрагмента произведения Саксона, сделанные исследователями прошлого столетия Р. Хеннигом и Г.М. Глазыриной:

«[От берегов Биармии на Белом море] поплыли они, дождавшись попутного ветра, в дальние области Биармии. Климат там суровый, земля скрыта под толстым слоем снега и лишена тепла летнего солнца. Страна покрыта непроходимыми лесами, бесплодна и изобилует невиданными зверями. Там множество рек, русла которых так усеяны скалами, что течение их напоминает сплошной бурлящий водопад» (Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. L. 8. XIV).Неведомые земли (перевод Р. Хеннига).

«Это страна вечного холода, покрытая глубокими снегами, так как солнце не прогревает [землю] летом. Изобилующая непроходимыми лесами, она не может давать урожай и населена животными, необычными для других мест. Там много рек, течения которых превращаются в потоки бурлящих водопадов из-за скал, находящихся на их пути» (Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. L. 8. XIV). Исландские викингские саги о Северной Руси (перевод Г.М. Глазыриной).

Здесь Торкил с товарищами вытащили суда на берег, где объявил, что они прибыли наконец на место, откуда был самый короткий путь к Гейроду, и теперь можно расставлять палатки для отдыха. Торкил также предупредил спутников, чтобы они молчали, т. к., не зная местного языка и условий жизни, они легко могут промолвить неприветливое слово и обидеть аборигенов.

Когда опустились сумерки, неожиданно появился человек огромного роста и громко приветствовал их. Все были ошеломлены, но Торкил сохраняя хладнокровие, заставил соратников также поприветствовать великана, объясняя им, что это пришел Гудмунд, брат Гейрода, которого они ищут. Благосклонно расположенный к чужестранцам, Гудмунд пригласил их быть его гостями. Когда они достигли жилья своего гида, Торкил тихонько предупредил всех, чтобы они вели себя подобающе и сторонились всяких искушений, особенно не употребляли местные кушанья, в первую очередь мясо, т. к. была реальная опасность превратиться и стать подобным ужасным монстрам, обитающих в этих краях.

Вокруг стола стояли «двенадцать благородных сыновей» Гудмунда и несколько дочерей, отличавшихся своей дивной красотой. Великан сразу приметил, как осторожны гости в употреблении приготовленных блюд и пожаловался Торкилу. Однако тот объяснил, что его спутники накануне крепко поели, и на это не стоит обращать внимания. Увидев, что гости проявили умеренность и тем самым расстроили его предательские приготовления, Гудмунд, проверяя самообладание чужестранцев, решил испытать их целомудрие. Он сразу предложил королю отдать замуж самую красивую его дочь, пообещав также остальным женщин, каких те пожелают. Большинство сразу согласилось на предложение хитрого Гудмунда, однако Торкил тут же остудил пыл своих соратников и мудро отказался от та-

кого заманчивого предложения. Но, тем не менее, все же четыре датчанина приняли предложение хозяина и навсегда там остались.

Гудмунд упрямо шел к своей цели — привести в искушение короля и его подручных — и стал соблазнять их дарами своего сада. Но осторожный Торкил был начеку и вежливо отклонил просьбу «гостеприимного» хозяина.

Наконец они тронулись в путь и вскоре достигли большого мрачного города, окруженного высокими зубчатыми стенами, главные ворота которого охраняли огромные свирепые псы. Торкил бросил им хлеба, смазанного жиром, и они тут же успокоились. Пройдя высокие ворота, путники поднялись по крутым лестницам, и попали в город. Вокруг бродили страшные уродливые люди, везде была грязь, а посреди города находилось сильно пахнущее болото, с раздирающим ноздри ужасным зловонием. Это был город мертвых.

Вскоре они дошли до жилища Гейрода, вырубленного в скале, и в страхе остановились перед его узким входом. Торкил предупредил, чтобы путники ничего не касались в доме, как бы оно ни привлекало их внимание, т. к., если кто возьмет в руки понравившуюся вещь, тот будет обречен навсегда остаться рабом заколдованного дома.

Не выказывая страха, Бродер и Бук первыми вошли в мерзкий дворец, за ними последовал Торкил с королем и остальными людьми. Внутри дома стоял сильный отвратительный запах, дверные косяки были покрыты толстым слоем копоти, стены замазаны грязью. Ужас обуял путников, когда перед их взором предстали ядовитые змеи, обвивающие колонны, а вдоль стен находились какие-то ужасные уродливые люди, посаженные в клетки, и завершали картину омерзительные привратники, стоявшие часовыми у порога дома. Некоторые из них, вооруженные дубинами, вопили изо всех сил, другие же играли в какую-то ужасную непонятную игру с козлом «отпущения».

Торкил опять предупредил своих друзей, чтобы они ни к чему не прикасались. Затем они вошли через узкий проход в комнату, в которой посредине, на высоком месте восседал изувеченный уродливый старик. Его окружали три женщины с огромными опухолями и язвами на теле. Торкил объяснил любопытным друзьям, что очень давно бог Тор был разозлен дерзостью гигантов и наказал их, в том числе и сидящего перед ними старика Гейрода, пронзив его ударом молнии. Так же были наказаны Тором (поражением молнией) окружавшие его женщины.

В комнате датчанам были показаны семь поясов с подвешенными изделиями из серебра и золота, около них был замечен клык какого-то странного зверя, инкрустированного с обоих концов золотом, рядом лежал огромный олений рог, украшенный драгоценными камнями. Несмотря на предупреждение, некоторые не выдержали: один схватился за рог, другой за клык, но внезапно олений рог превратился в ядовитую змею, которая напала на несчастного и укусила его, а клык моментально вытянулся и оказался длинным мечом, который вонзился в другого несчастного.

Остальные, убоявшись страшной судьбы товарищей, больше не смели ни к чему прикасаться. Пройдя через черный ход в другую комнату, путники обнаружили королевскую мантию, красивую шляпу и пояс удивительной красоты. Но тут не выдержал самый трезвый и мудрый из них — Торкил. Отбросив осторожность, он с жадностью схватил королевскую мантию, его примеру последовали другие. Женщины немедленно подняли ужасный вопль, от которого сразу ожили окружавшие их полумертвые и казавшиеся безжизненными монстры, которые тут же набросились на потерявших над собой контроль чужестранцев.

Только Брод и Бук сохранили самообладание, стремительно выхватили луки и стали стрелять по ведьмам и ожившим мертвецам. С помощью успешной атаки из луков сумели сохранить жизнь только двадцать человек из окружения короля, остальные были разорваны на куски пробудившимися мертвецами.

Оставшиеся в живых вернулись к реке и были переправлены Гудманом. Удивительно, но после долгих уговоров остаться, он вручил всем подарки и позволил благополучно покинуть его дом.

При переправе через реку путешественников ждала еще одна потеря. Когда повозка бесстрашного Бука погрузилась колесами глубоко в воду, он был подхвачен стремительным течением и утоплен в сильном водовороте. Король очень сожалел о гибели своего друга и защитника. Добравшись до судов, они сразу тронулись в путь, но впереди было еще очень много опасностей. Они попали в сильнейший шторм, но сумели уцелеть, однако позднее люди стали гибнуть от голода, т. к. на судне закончились съестные припасы. Оставшиеся в живых стали молиться и просить богов о благополучном возвращении домой. И боги смилостивились над бедными мореходами, дальнейший путь на родину их сопровождала хорошая погода.

О Биармии Саксон еще раз упоминает в девятой заключительной книге. В ней говорится, как, участвуя в морских пиратских походах, датский король Рагнар подчинил себе все другие народы. Дошел он также до независимой Биармии и победил эту страну. Но эта победа досталась ему нелегко. Н.М. Карамзин описанные события относил ко временам правления Карла Великого (768—814) — императора Священной Римской империи. Здесь речь идет, по мнению историка, о датском короле Рагнаре Лотброке, завоевавшем Ливонию, Финляндию, Биармию и древнюю

Русь. О событиях тех лет ничего не сообщается в русских летописях.

Биармы, славящиеся, как уже знаем, своим чародейством, услышав о приходе на север флота датского короля, как обычно, тут же вызвали темные тучи на небе, а на море — сильнейший шторм. Это обстоятельство поставило датчан в затруднительное положение, т. к. помимо всего у них заканчивались продукты питания и питьевая вода, и захватчики не могли подойти близко к берегу. Когда шторм внезапно утих, наступила такая необычная для северных краев жара, что невмоготу было выносить. Одновременно на судах датчан вспыхнула эпидемия чумы, которая многих погубила.

Рагнар, пораженный таким необычным сопротивлением биармийцев, вначале отступил, а затем, разозленный непокорством жителей Биармии, решил отомстить и неожиданно снова напал на них. Король Биармаланда, имя которого Саксону неизвестно, был ошеломлен внезапным вторжением датчан, запаниковал, бросил своих людей и сбежал к Матулю — королю Финмарка.

Король Биармии, который, как пишет Саксон, больше доверял умеющим прекрасно стрелять из луков финнам, чем своим подданным — колдунам, часто безнаказанно совершал набеги на армию Рагнара, оставшегося в тот год зимовать в Биармии. Финнам, умеющим прекрасно передвигаться на лыжах по мягкому снегу с огромной скоростью, поражающей всех, не представляло большого труда внезапно появляться перед врагом, отстреляться и стремительно исчезнуть. Они вызывали одновременно и восхищение, и удивление, и злость у противника за свою ловкость, умение так легко и быстро перемещаться по снегу на своих «скользких древесинах».

Рагнар был взбешен своим бессилием, ему, легко победившему Рим, завоевавшему много других городов,

противостояла какая-то «неотесанная» и легко вооруженная толпа туземцев. Он, прославившийся своими победами над самыми цивилизованными народами, оказался слишком слаб, чтобы противостоять такому крошечному племени.

Но, в конце концов, ему удалось одолеть непокорные северные народы. В одном из боев он убил короля Биармии и заодно покорил короля финнов, установив в тех краях на память о себе, пишет Саксон, огромный камень с вырезанными рунами с сообщением о победе датчан над Финмарком и Биармией.

При изучении северных стран, в том числе и Биармии, Саксон Грамматик очень долгое время не принимался историками всерьез из-за смешения исторического и выдуманного им, слишком фантастического материала. Мы убеждены, необходимо более детально и скрупулезно подойти к исследованию интереснейшей книги Саксона, отделив «плевела от шелухи», точнее отделив подлинную историю от сказочной фантастической беллетристики. Но для отечественных исследователей на сегодняшний день существует главное препятствие, — сочинение датского хрониста никогда не переводилось на русский язык, за исключением, наверное, нескольких фрагментов, используемых исследователями в научных трудах. А мы же лишь кратко пересказали отдельные главы из произведения Саксона Грамматика, связанные с Биармией, сделав перевод с английского языка нью-йоркского 1905 года издания «Девяти книг Датской Истории», переведенных в свою очередь с латинского языка американцем Оливером Елтоном в начале прошлого века.

Часть 3

Биармия на древних картах

Где же локализовали Биармию древнескандинавские и средневековые картографы? Начнем с одного из самых ранних письменных источников под названием «Описание Земли», созданного около 1170—1180 годов, где дано географическое описание стран и континентов, имевшее начало на юге и заканчивающееся на севере. В конце перечисления стран говорится о местоположении Биармии: *«Два Квенланда, и они лежат к северу от Биармаланда. От Биармаланда идут земли, не заселенные северными народами, до самого Гренланда»*. Здесь стоит привести любопытное замечание. Почти до XVI столетия у средневековых географов было одинаковое представление, что Биармия, Гренландия и даже Северная Америка составляли одно целое, соединенное между собой где-то на Крайнем Севере.

В другом географическом трактате, написанным в это же время исландским аббатом Николаем Тингейриским, дается более точное, на наш взгляд, местоположение Биармии: *«Потом две Квении, которые граничат с Биармией (расположены на востоке), лежащей к северу. От Биармии тянутся невозделанные земли от севера до пре-*

делов Гренландии». Как видно из текста, Биармия в этом случае располагается уже севернее двух *Квений*.

В книге еще одного исландца, епископа Скалхолфа, сочиненной значительно позднее, в XIV веке, находится почти такое же сообщение о Биармии, и ее местоположение еще более уточняется: «*На север от страны Норвежской находится Финмаркия; оттуда твердая земля поворачивает на юго-восток, прежде чем дойдешь до Биармии*».

Большинство исследователей, анализируя данный текст, приходит к выводу, что в нем четко определена локализация Биармии. От лежащей к северу от Норвегии провинции Финмарк якобы сразу располагается Биармия, и «*под твердой землей*», которая «*поворачивает на юго-восток*». без сомнения, надо подразумевать Кольский полуостров. Никто и не оспаривает эту истину, однако, нельзя с полной уверенностью утверждать, что именно на Кольском полуострове находилась Биармия. Если внимательно прочитать текст, то такое утверждение не соответствует действительности. Здесь четко сказано: «***прежде*** *чем дойдешь до Биармии*»[1], т. е. до ее фактического местоположения вначале раскинулась «*твердая земля*» Кольского полуострова. В таком случае Биармия окажется не на нем, а южнее, на берегах Северной Двины.

Хотелось бы обратить внимание на еще один географический трактат под названием «Грипла» (начало XIV века), в котором дается точно такое же, как и предыдущие, описание северных земель. Но в нем изгиб пресловутой «*твердой земли*» меняется в другом направлении, которая уже поворачивается на северо-восток: «*Финмарк на север от Норвегии. Затем [земля] поворачивает на северо-восток и на восток, пока не доходит до Биармаланда*

---

[1] Под этим выражением не надо буквально понимать «идти пешком», обычно скандинавы «доходили» до намеченного пункта на морских судах.

(Biarmalandi), который платит дань королю Гардарики». Здесь наверняка дается описание Кольского полуострова, который не достигает Биармии, не захватывает ее (обратите внимание на слова «***пока не доходит***»). И что самое любопытное, в «Грипле» впервые указывается на данническую зависимость *биармийцев* от «*королей Гардарики*», т. е. от великих князей новгородской и ладожской земли.

В 1518 году совершил путешествие по северу Скандинавского полуострова известный шведский писатель и картограф Олаус Магнус (р. 1490 г.). Во время поездки любознательный швед собирал исторический, географический и этнографический материал, итогом которой позднее стало издание знаменитых и всемирно известных «Морской карты» и книги «История северных народов». Это сочинение Олауса Магнуса до сих пор является одним из важных и самых интересных источников по изучению истории и географии Скандинавских стран и Европейского Севера, в том числе и Биармии.

Позаимствовав сведения из сочинения Саксона Грамматика, Магнус разделил Биармию на *ближнюю* и *дальнюю* (citeriorem et ulteriorem). На своей карте картограф разместил Биармию, вероятно, *ближнюю*, на Кольском полуострове, точнее, всего лишь части его, — на перешейке. Названное им «Белое озеро» (Lacus Albus), по мнению исследователей, не что иное, как Кандалакшский и Онежский заливы Белого моря. Почему же Олаус Магнус разместил Биармию именно на Кольском полуострове?

Для этого вначале разберемся, что служило первоисточником для написания книги и составления карты Магнуса, какими сведениями он мог воспользоваться. К сожалению, сам шведский писатель не указывает сво-

их источников, и позднее никто из ученых не смог провести источниковедческий анализ «Истории северных народов», в результате чего изучение его трудов ограничивается лишь обзором сочинений античных и средневековых авторов, упоминаемых в книге.

Но все же, как установили исследователи, при написании своего труда он использовал свод известий о русско-шведских отношениях периода XIII — XIV вв., под названием «Хроника Эрика, или Древнейшая рифмованная хроника», перевод которого сделала еще в 30-х годах прошлого столетия известная исследовательница древнескандинавской письменности Е.А. Рыдзевская.

«Хроника Эрика» составлена неизвестным автором ориентировочно в период между 1320 и 1335 гг. В ней содержится очень интересное сообщение о Белом озере, что наряду со знаменитой картой Олауса Магнуса, является для нас ориентиром расположения Биармии. В древнем документе, повествующем о походе шведов на Неву в 1300 году, говорится следующее: «*Снарядились они (*шведы.— *Примеч. переводчика) в большой поход и пошли вверх по реке (*Неве.— *Примеч. переводчика) в Белое озеро. <...> Белое озеро — как море, о чем здесь в этой книге и говорится; Русская земля лежит к юго-востоку от него, а Карельская — к северу, так что озеро их разделяет*» (Хроника Эрика, перевод Е.А. Рыдзевской).

Не подлежит сомнению, что здесь под Белым озером подразумевается Ладожское озеро, о чем в примечании отметила и сама уважаемая Е.А. Рыдзевская. Только Олаус Магнус на карте поместил его значительно севернее своего обычного положения. В результате чего большинство исследователей посчитало, что шведский картограф изобразил Белое море в виде замкнутого водоема.

Мы убеждены, что Олаус Магнус изобразил на карте не Белое море, а Ладожское озеро. В подтверждение этих

слов обратимся к фрагменту его знаменитой карты. Не вызывает никаких сомнений, две впадающих реки в южную часть озера не что иное, как Нева — слева соединенная с Финским заливом, а правее — Волхов. Кроме того, в северной части озера обозначен какой-то город Берга. Если вспомнить сообщение Марка Поло, то он действительно упоминал о местности (или народе) под названием Баргу, которая находилась не здесь, а очень далеко от этого озера — на севере Сибири. На современных картах в северной части озера указан Кексгольм (сейчас Приозерск), или в старину его еще называли Корела. В.Н. Татищев считал, что Кексгольм, переводимое с финского языка, как «город на двух островах», тот самый знаменитый город Биармии (Баргу?), «*град Бярмы, что на острове стоял, крепко устроенный*», где впоследствии скончался летописный Буривой, преследуемый варягами.

Более того, название 11-й главы книги Олауса Магнуса «О войнах, которые ведутся на льду», заставляет задуматься. Какие же войны могли происходить между шведами и русскими на льду Белого моря, где это могло случиться, в Онежской губе или Кандалакшском заливе, как считают большинство исследователей? Однако такие утверждения вызывают глубокие сомнения. Неужели шведы и русские не нашли бы другого места устраивать свои битвы? Если кто знает, каким коварным зимой бывает Белое море с постоянно движущимися льдами и стремительными приливно-отливными течениями, тому бы никогда не пришла мысль не только сражаться на его торосистых льдах, но даже просто выйти на промысел морского зверя. Так что будет полным абсурдом считать, что Белое море может стать полем сражения.

У Олауса Магнуса не было достоверных сведений о Белом море, он знал только Ладожское озеро (то бишь Белое озеро), где зимой на ледяных просторах огромно-

го водоема выходили помериться силой и шведы и русские. Именно о Ладожском озере давал Олаус Магнус комментарии к своей «Морской карте»: «*Это огромное Белое озеро, в котором водятся бесчисленные и разнообразные виды рыб и птиц, которых обычно больше добывают московиты, чем шведы*».

Шведский историк знал от Саксона Грамматика и, вероятно, из других каких-то источников, что Биармия должна находиться на Севере, на берегах Гандвика (Ледовитого океана), поэтому поместил ее на северо-востоке от Ладожского озера (Белого озера), хотя он уже мог знать из шведской рифмованной Хроники, что в северном направлении от этого озера должна располагаться Карелия, а на юго-востоке — Русская земля.

Магнус не знал о существовании Белого моря как отдельного внутреннего водоема Северного океана, кстати, это хорошо видно на карте, поэтому Биармия оказалась у него на Кольском полуострове, вместо того, как положено, т. е., повторим, в северо-восточном направлении от Ладожского озера (его Lacus Albus) — на побережье Белого моря, в Обонежье и Подвинье. Позднее другие картографы повторили ошибку Олауса Магнуса, уж очень авторитетна была в Европе его знаменитая «Морская карта».

* * *

Не избежал такого просчета другой известный картограф, Герард Меркатор. В 1554 г. на своей карте Европы он показал Биармию и Белое озеро Олауса Магнуса без изменений, поместив первую также на Кольском полуострове. Однако Меркатор дорисовал то, что ему представлялось за рамкой карты Магнуса. На юго-востоке Кольского полуострова фламандский картограф изобразил залив *Грандвик* (Qranduicus finus), устье Двины (Dfina)

и Соловецкие острова с монастырем, а также соединил безымянной водной артерией Белое озеро через *Грандвик* с Ледовитым океаном. Таким образом, впервые на картах Европы появился Кольский полуостров, Соловецкие острова, Двина, а Lacus Albus (Белое озеро) у него превратилось в Белое море.

Уже после смерти Меркатора его сыну Рудольфу в 1595 году удалось издать карту Северного полушария. В чем же были ее особенности, почему она позднее так привлекла внимание ученых и особенно наших современных исследователей.

Действительно, карта поражает своим необычным для того времени изображением северного полушария нашей планеты. Карта Меркатора — это как бы взгляд на Землю со стороны Полярной звезды в точку Северного полюса. Причем возникает ощущение, что она создана на основании какого-то аэрофотоснимка, сделанного из космоса с орбитальной станции. Сходство просто поражает. Вызывает удивление изображенный пролив между Азией и Америкой, открытый, как известно, лишь в 1648 году русским казаком Семеном Дежневым, а картографирован он значительно позднее — в 1732 году, после этого о нем узнала Западная Европа. Как же тогда он мог попасть на карту Меркатора, вопрошают наши современники.

Более того, на карте можно отыскать целый ряд других географических объектов, о существовании которых европейцы в XVI веке знать просто не могли. Среди них: устье Енисея, река Юкон на Аляске, Гудзонов залив, подробные очертания Новой Земли и т. д. Поражает удивительное совпадение нанесенных параллелей и меридианов с координатами современных карт. Откуда могли об этом знать средневековые картографы? И большинство исследователей делает однозначный вывод, что в руках у Меркатора были какие-то неизвестные для современни-

ков древнейшие карты. Чего, конечно, нельзя полностью исключить.

По единодушному мнению современных ученых, в первую очередь, автора многих книг по раскрытию тайн русского народа В.Н. Демина, в центре карты Меркатора изображена легендарная и не менее таинственная, чем Биармия, — Гиперборея или Арктида. Как видно из карты, изображенный полярный материк представлен четырьмя большими островами, отделенными друг от друга полноводными реками или протоками, и расположенными вокруг полюса, на месте которого изображена якобы высокая гора Меру — «*вселенская гора прапредков индоевропейских народностей*».

Только откуда уважаемые исследователи взяли, что это Гиперборея, абсолютно не понятно. Об этом у Меркатора нет ни слова, хотя на карте имеются пояснительные надписи или, так называемые, *легенды*. В одной из них, где Меркатор ссылается на известного путешественника Марка Поло (по тексту «Марк Павлос Венецианский»), сообщается, что в северной части одного из островов полярного архипелага живут люди под названием *баргу*. Очень любопытное название племени и этимологически подходит к нашим *биармам*.

Прежде чем твердо заявлять о том, будто бы Меркатор реально изобразил исчезнувший полярный материк под названием Гиперборея, как в этом пытаются убедить современные исследователи, хотелось беспристрастно и объективно разобраться по существу данного вопроса. Сразу хотим оговориться, что авторы настоящей книги всегда были и остаются сторонниками когда-то существовавшей Гипербореи, естественно, расположенной на Крайнем Севере.

Вначале попытаемся ответить на основной вопрос: откуда Меркатор почерпнул свои географические знания о

полярном Севере, могли ли попасть ему в руки какие-то неизвестные, не дошедшие до нас, древние карты.

В середине XVI века англичане предприняли ряд морских путешествий на Север, чтобы найти северо-восточный путь в Китай и другие азиатские страны. Однако их попытки не увенчались успехом. Один из них, Ричард Ченселор, случайно оказался в Двинской губе.

Потерпев неудачу, англичане вынуждены были обратиться за помощью к хорошо известному в Европе картографу Герарду Меркатору, вероятно, посчитав, что лучшего знатока Севера им не найти. Наверняка, они к тому времени познакомились и с картой Северного полушария с изображением так называемой Гипербореи, опубликованную им впервые в 1554 году.

В ответ знаменитый картограф в июне 1580 года написал в Оксфорд письмо, из содержания которого видно, что у Меркатора не было в то время глубокого представления о географии полярных морей и береговой линии. А к тому времени познания Меркатора ограничивались лишь Плинием Старшим, какими-то другими писателями и сведениями *из «некоторых карт грубовато начерченных»*, о чем он сам сообщал в письме к английскому лорду Ричарду Хаклюйту.

Весь запас знаний о полярных областях у Меркатора ограничивается сведениями о каком-то огромном заливе и мысе Табин[1], впервые упомянутых Плинием, а также об островах Вайгач и Новой Земле, которые, как считает большинство историков, стали широко известны западноевропейцам благодаря(?) путешествиям тех же англичан, осуществленным начиная с 1553 года. Это несправедливое утверждение существовало несколько веков. Более того,

---

Мыс Табин античных писателей ученые отождествляют с мысом Челюскином или самим полуостровом Таймыр.

считалось, что англичане первыми открыли Северный морской путь через Скандинавию в Азию. Чтобы развенчать такое заявление, ниже более подробно остановимся на этом очень важном для нашей истории вопросе.

Меркатору, по его же словам, источником знаний о Севере служили помимо Плиния, какие-то другие писатели и уже упоминавшиеся «*грубо начерченные*» карты. Что же это за писатели? Об одном из них Меркатор сам упоминает в письме в Оксфорд — это авторитетный ученый-географ из Антверпена Авраам Ортелиус. Известно, что он помогал Меркатору в подборе материалов при составлении карт.

Другим писателем являлся путешественник Якоб Кнойен, автор сочинения «Belga Linquica», которое не дошло до нас. В него было включено самое раннее сообщение о полярном плавании одного оксфордского священника. Сочинение Кнойена (а именно о нем упоминает в письме Меркатор), было позднее использовано известным картографом и его сыном при составлении тех самых знаменитых карт 1554 и 1595 годов.

Но еще раньше о сочинении монаха-путешественника под названием «Счастливое открытие, добровольно осуществленное от 54 градусов вплоть до полюса» имел сведения другой, но менее известный, картограф Ян Рюиш. Вероятно, в то время еще существовал оригинал этого сочинения. В 1508 году на своей карте мира в районе Северного полюса он сделал надпись следующего содержания: «*В книге «De inventione fortunata» («Счастливое открытие...») можно прочесть, что у Северного полюса возвышается высокая скала из магнитного камня окружностью в 33 немецкие мили. Ее омывает текучее всасывающее море, из которого вода там, как из сосуда, изливается вниз через отверстия. Вокруг расположены четыре острова, из которых два обитаемы. Пустынные обширные нагo-*

вателям, и ей стали приписывать гибель бесчисленного числа кораблей. Однако найти ее никто не мог.

Так как ее в известных водах до Гренландии и Свальбарда (Шпицбергена) обнаружить не удалось, то мнимое местонахождение мифической горы постепенно отодвигалось все дальше на север. Затем стали предполагать, что магнитная гора вообще находится на Северном полюсе, а позднее стали приписывать даже самой Полярной звезде.

Это представление о магнитной горе сохранилось в течение нескольких веков и получило свое отражение на картах Герарда Меркатора и у других картографов позднего Средневековья. Кстати, если внимательно посмотреть на карту Меркатора, легко можно обнаружить не одну, а даже две горы.

Объяснение этому дает сам картограф в упомянутом выше письме к английским коллегам из Оксфорда: «*Я выяснил из достоверных магнитных наблюдений, что магнитный полюс находится не очень далеко за Табином. Вокруг этого полюса и вокруг Табина много скал, и плавание там очень трудно и опасно*».

Так что Меркатор на своей знаменитой карте, в первую очередь, изображал магнитную гору, притягивающую стрелку компаса, а не мифическую Меру — «*вселенскую гору прапредков индоевропейских народностей*».

Конечно, нужно отдать должное великому картографу. На его карте Кольский полуостров впервые изображен удивительно точно, в отличие от других карт, составленных его современниками. Взять того же Олауса Магнуса, где на «Морской карте» Кольский полуостров показан как сомкнутый обоими концами с материком перешеек между Ледовитым океаном и Белым морем, а то, в свою очередь, представлено как внутреннее озеро.

Но все же, откуда у Меркатора были такие прекрасные представления о Севере, как он сумел правильно изобразить не только Кольский полуостров, но и полярное побережье Северного Ледовитого океана, называемого в то время Скифским морем, и самое удивительное — указал пролив Аниан между Америкой и Азией.

В таком случае, источником для таких сведений явились, вероятно, те самые «грубовато начерченные» древние карты (или копии их), о которых он упоминал в своих письмах. Кто же мог их нарисовать и как они попали ему в руки?

Для наших историков не является большим секретом, что большинство западноевропейских ученых-исследователей и писателей всегда старалось принизить роль русских путешественников (как морских, так и сухопутных) в мировых географических открытиях. В том числе ими незаслуженно были «забыты» первооткрыватели северных островов и морей — русские мореходы.

Как известно из древнерусских летописей новгородцы уже в IX веке проникли на древнюю землю угро-финских племен, прозванную позже Заволочьем. Они узнали о несметном количестве пушных зверей, еще не пуганных человеком, об огромных косяках рыбы, жирующих в больших глубоких реках и озерах, о необычных животных, обитавших в местных морях и имевших удивительный «рыбий зуб», пользующихся огромным спросом у заморских купцов. Искусные кораблестроители, новгородцы не боялись выходить на промыслы в негостеприимное Студеное море, постепенно осваивали неизвестные берега.

В летописях сохранились первые письменные сообщения о таких плаваниях. Одно из них для потомков со-

хранил архиепископ Новгородский Василий, известный ранее в миру под именем и прозвищем Григория Калики. В 1347 году Василий закончил одно из своих посланий, где описал первые дальние морские путешествия древних новгородцев.

Первые сведения о появлении новгородцев на Кольском полуострове относятся к еще более раннему периоду, к 1216 году, об этом упоминается в Новгородской летописи одной строкой, что «*Сьмьюна Петриловиця Тьрьского даньника*» убили в Липицкой битве.

Новгородцы стали появляться и на границе с Норвегией. О первом появлении новгородцев у границ Норвегии упоминается в древнейшей скандинавской летописи «Гулатинская Правда», составленной около 1200 года, где говорится, что норвежцы самой северной провинции — Халоголанда, как уже знаем, промежуточного пункта следования всех норвежских викингов для грабежей Биармии, должны держать морскую стражу на востоке. Вероятно, необходимость содержания пограничного охранения восточной оконечности Халоголанда была вызвана появлением новгородцев, проникших на Север в поисках новых данников. Из другой норвежской летописи, «Исландские анналы», известно, что в 1316 и 1323 годах новгородцы доходили даже до современного Трондхейма.

А после очередного морского похода новгородцев и двинян в Скандинавию 3 июня 1326 года норвежский посол Хакон заключил с Великим Новгородом мирный договор. Новгородцы и двинские жители с давних времен контролировали огромный участок будущего Северного морского пути от Скандинавии до устьев Печоры.

Кроме того, из того же послания архиепископа Василия известно, что отважные новгородские мореходы еще в конце XIII века или около 1300 года предпринимали другое плавание, но только в противоположную

сторону — на северо-восток. Среди них был Моислав Новгородец и его сын Яков. Они осуществили плавание на трех судах. Проблуждав в полярных морях, одно судно погибло, другие же два достигли каких-то высоких гор, где их застала полярная ночь. Возвратившись, они поведали архиепископу Василию о величественной картине полярного сияния.

Известны другие свидетельства раннего пребывания новгородцев на Крайнем Севере. Так, в 1328—1340 годах новгородский наместник Печорской стороны Михаил выходил на судах в Ледовитый океан добывать дорогую моржовую кость и меха.

Но все же, на наш взгляд, самым ранним письменным источником о морском походе беломорских жителей вокруг Скандинавии и пребывании их в Норвегии является «Сага о конунге Хаконе». В ней говорится о татарах, опустошивших новгородскую землю, а также о пришедших *биармах*, обосновавшихся в норвежском Тромсе, «*которые бежали с востока, прогнанные набегами татар*». Королем Хаконом беженцам для проживания был уступлен залив Малангер. Это событие отмечено в саге после сообщения о последнем в 1222 году приезде норвежцев Андрея Скьялдарбанда и Ивара из Утвика в Биармию.

Исследователи до сих пор спорят, как биармийцы могли попасть в Тромсе. А все из-за того, что слово «пришли» они понимают буквально. Наверняка, биармы пришли не пешком, а прибыли в Норвегию на судах. До сих пор у поморских жителей бытуют слова «судно пришло», а не «приплыло». Причем, вероятней всего, пунктом убытия беженцев было устье Северной Двины. Затем, пройдя вдоль берегов Терского наволока (Кольский полуостров), обогнув Мурманский Нос (Нордкап), вынужденные переселенцы смогли попасть на гостеприимный берег Тромсе. Неужели можно думать, что биармы, пройдя пешком сот-

ни километров по болотам, лесам, смогли преодолеть Скандинавский горный хребет? Сомневаемся, однако.

Уже упоминалось, что в мировой литературе всегда преобладало мнение об открытии в XVI веке морского пути из Западной Европы в Белое море англичанами. А то, что русским людям был известен северный путь в Европу задолго до Ричарда Ченселора и его подвижников, несправедливо замалчивалось многие годы.

В 1496 году через Холмогоры и Белое море посланец царя Григорий Истома со спутниками на четырех новых, специально для них сшитых ладьях обогнули Кольский и Скандинавский полуострова и достигли Копенгагена. Таким образом, открыв задолго до английских мореплавателей возможность связи Русского государства с Западной Европой по Северному морскому пути.

Когда Григорий Истома вернулся в Москву, то его рассказ в первый свой приезд на Русь в 1517 году записал австрийский посол, барон Сигизмунд Герберштейн и позднее включил в свою знаменитую книгу «Записки о Московии».

На судах трижды огибал Скандинавию известный русский дипломат и переводчик Дмитрий Герасимов по прозвищу Митя Малый (ок. 1465 — после 1536). На основании рассказов Герасимова, а может быть, «грубо начерченных карт» русских мореходов, поморских лоций и «дорожников», которые могли быть у русского посланника, известный генуэзский картограф Батиста Аньезе в 1546 году составил одну из первых карт России и включил в свой атлас, а итальянский писатель Пауло Джовио (Павел Иовий) написал трактат «О московитском посольстве».

Встречался с Дмитрием Герасимовым и Сигизмунд Герберштейн, который «подтвердил справедливость выше сказанного» Григорием Истомой. Подобный путь проделал еще один русский толмач государя — Власий Игнатьев, когда в 1524 году в составе русского посольства направлял-

ся в Испанию. Герберштейну удалось пообщаться с ним, и тот подробно изложил свой поход через Северную Двину, Белое море, Мурманский нос, Скандинавию и Берген, еще раз подтвердив правдивость слов Григория Истомы. На основании этих рассказов, «дорожников» и поморских лоций австрийский барон составил подробную карту Руси и написал трактат о Московии.

В заключение рассказа о русских мореходах приведем еще один факт мнимого открытия Ричардом Ченселором северного прохода. Почти за три десятилетия до известного путешествия англичан на Север русские послы, пробираясь с дипломатической миссией из Белого моря в Испанию, посетили Англию.

В 1524 году русское посольство во главе с Иваном Засекиным-Ярославским и толмачом Власием Игнатьевым, добравшись до Голландии, вынуждено было дальше следовать в Испанию с заходом в Англию, т. к. Испания находилась в состоянии войны с Францией. По приходу судов, думается, удивленные англичане обязательно «помучили» наших послов расспросами о северном морском пути. Зеваки же на пристани с изумлением разглядывали неказистые, шитые *вицей* ладьи бородатых русских мореходов, не переставая поражаться смелости и отваге мореплавателей. Тогда в Англии это было знаменательнейшим событием, и было чему удивляться, ведь русские по океану, минуя с севера Скандинавию, впервые прибыли к туманным берегам Альбиона, тем самым открыв им Северный морской путь.

Если вернуться к западным картографам, то из вышеизложенного следует, что Герарду Меркатору стали известны некоторые подробности о беломорском Севере. На основании сведений, полученных от Сигизмунда

Герберштейна, а точнее, его рассказов о путешествии Григория Истомы, Дмитрия Герасимова и других, а также знаменитых «дорожников» и «грубовато начерченных» карт русских мореходов, хотя, может, это были не подлинники, а перерисованные схемы с поморских лоций, фламандскому картографу удалось в какой-то степени правильно изобразить северные оконечности европейского материка. Но новгородцы и московиты не знали названия Биармии (а то, что она действительно существовала именно на Севере, ему было известно из карты Олауса Магнуса да, вероятно, из каких-то других источников), поэтому Меркатору не оставалось ничего другого, как изобразить ее на Кольском полуострове.

Уместно будет заметить, что о Белом озере ранее этих знаменитых картографов сообщил итальянский посол Франческо да Колло в своих «Записках о Московии», побывавший на русской земле в 1518 году. Он писал, что на Крайнем Севере много беспокойства для подданных московского князя приносит соседство со шведской областью *Скризинией* (может, это искаженное название захваченной в то время шведами финской страны — Scricfinia?), где часто столкновения происходят «*на воде, на земле и на льду*». Указанная провинция, подчеркнул да Колло, находится «*напротив Биармии и разделяется Белым озером, огромным и изобилующем рыбой, на нем, когда оно замерзает, часто совершаются битвы, а когда лед тает, борьба происходит на судах*». Более того, дотошной итальянец указал, что Биармия «*некогда громаднейшее царство*», в устьях рек, в особенности на границе со *Скризинией* совершает торговлю и обмен различными товарами. А в направлении от Биармии к Северному океану принадлежали московскому князю различные острова, изобилующие рыбой. Да Колло, пытаясь определить расстояние от Москвы

до Северного Ледовитого океана, указывает на «*промежуточные области, в особенности Югру, Биармию, Карелию*». Пермь итальянец отличал от Биармии, помещая последнюю между Югрой и Карелией.

Появлению итальянского посла Франческо да Колло в Москве предшествовал ряд интересных исторических событий, не ошибемся, если скажем, мало известных нашему читателю.

Около 1485 года папе римскому Иннокентию Восьмому доставили важное сообщение об очень значительном открытии на Севере. Два старых приятеля по Римской академии Филиппо Каллимах из Польши и Юлий Помпоний Лэт с берегов Дона почти в один голос заявили об огромном северном острове. Записка Каллимаха не сохранилась, однако известный далматинский историк Мавро Орбини (? — 1614) знал ее содержание: «*Руссы из Пермии, как повествует Карл Вагрийский (II), плавая по Северному Океану, около 107 лет назад обнаружили в тех морях неизвестный доселе остров, обитаемый славянами. На этом острове, как говорит Филиппо Каллимах в послании к папе Иннокентию VIII, вечные холода и льды. Называется он Филоподия и величиной превосходит Кипр, на современных же картах мира его называют Новая Земля*» (Славянское царство).

Оставим на совести информаторов странное название острова, но, тем не менее, возможно, они дали первое сообщение об открытии русскими действительно Новой Земли или *Груманта* (Шпицбергена). Каллимах, находившийся в Польше, вероятно, получил эти сведения от русских послов и тут же не замедлил с отправкой в Италию очень важной информации.

Римский гуманист и эрудит Юлий Помпоний Лэт (1425—1498) путешествовал по южным областям Руси в 1479 году и позднее восторженно рассказывал о «*Скифии и Сарматии*». Он беседовал, по его словам, «*с людьми, живущими у истоков Танаиса*», т. е. Дона, записывал их рассказы. Очевидно, Помпоний Лэт встречался с промышленниками или купцами, прибывшими с далекого Севера для торговли пушниной. Вот они-то могли сообщить ему много интересного о далеких полярных странах, откуда привозятся дорогие меха соболей, куниц, лисиц, белых медведей и бобров. В своих лекциях по Вергилию или «Скифских заметках» Помпоний Лэт упоминает «*большой остров на крайнем севере недалеко от материка: там редко, почти никогда не загорается день; все животные там белые, особенно медведи*». Вероятно, здесь северные гости впервые рассказали итальянскому эрудиту о Новой Земле.

Помпоний Лэт поведал в своих записках об *угpах*, ведущих торговлю с жителями Заволочья, *пермяках*, о необыкновенно крепких «змеиных зубах» — бивнях, принадлежащих, вероятно, вымершим мамонтам, о Рифейских горах. К сожалению, сообщений о Биармии мы у него не найдем. Это говорит о том, что информаторами у Лэта были *московиты*: «*Вблизи берегов Ледовитого Океана живут лесные люди, называемые Угры (Ugari sive Ugri); это несомненно скифы, очень отдаленные от остальных людей. Они не знают ни золота, ни серебра, ни других металлов; с ближайшими народами ведут меновую торговлю, а также с жителями Заволочья (заволочанами — cит Zauolocensibus). Так рассказывали мне люди, живущие у истоков Танаиса. <...> Там, где живут древние Угры и Заволочане, нет царей. Этот народ очень счастлив, хотя и терпит сильные морозы. Летом, ко времени солнцестояния, у них непрерывный день. <...> На восточном склоне*

[Рифейских гор], на расстоянии двухмесячного пути, живут Пермяки (Parmii) и Заволочане (Zauolozences)».

Во времена открытия Америки Колумбом в тиши своей огромной библиотеки в Кракове трудился астролог, историк и писатель Матвей Меховский (1457—1523), досконально изучая доступные ему географические и исторические материалы о Руси, «*снежной Скифии*». Через два года в краковской типографии вышла небольшая по объему, насчитывающая не более тридцати страниц, но очень интересная по содержанию книга Меховского «Трактат о двух Сарматиях».

Известно, что сам он в России никогда не был, а получал сведения от русских, находившиеся в плену в Польше. Гремя кандалами, носившие их с 1514 года узники поведали седому королевскому звездочету Матвею из Мехова о Кореле, Югре и Перми, покоренных великим князем Московским. В польском плену томились тогда Иван Пронский, Дмитрий Булгаков, Иван Челядин и другие знатные воины, взятые в полон под Оршей. Их воеводой когда-то в походе на Югру был тот самый князь Семен Курбский, летописный покоритель Зауралья. Кому как не этим достойным людям было знать Север.

Со слов пленников Меховский записал рассказы об Югре и Кореле, занимающихся морскими промыслами, о продаже ими моржовых клыков московитам. Польский каноник уточнил местоположение истоков известных рек Дона, Днепра и Волги, отвергнув устоявшееся мнение, известное еще с античных времен, что эти реки берут начало в Гиперборейских или Рифейских горах. Но, к сожалению, у Матвея Меховского мы тоже не найдем упоминания о Биармии, т. к. источниками всех сведений о Севере, вероятно, были только люди из Московии: «*За Московией находятся к северо-востоку племена и области в конце северной Азии, именуемые собственно Скифией, подвла-*

стные московскому князю, и покоренные первоначально Иваном, князем Московским, а именно Пермь, Башкирия, Черемиссия, Югра, Корела; эти области упорно остаются в языческой вере и идолопоклонстве. Здесь почитают солнце, луну, звезды, лесных зверей и что придется; жители имеют собственные языки и наречия».

Матвей Меховский отправил свое сочинение австрийскому эрцгерцогу, императору Священной Римской империи Максимилиану I, кстати, большому любителю географической науки. Новые сведения, которые поляк сообщал о «Скифии» и в частности о Гиперборейских и Рифейских горах, при этом, ниспровергая авторитет античных географов, указывал на их ошибки, — очень заинтересовали императора. Он решил поручить своим послам, как раз отправляющимся в Москву, проверить удивительные сообщения Матвея.

Накануне описанных событий, в 1517 году, Максимилиан отправил послом к Московскому великому князю Василию III (1479—1533) барона Сигизмунда Герберштейна с целью заключения соглашения между правительствами Москвы и Польши. Так как переговоры эти успеха не имели, то в следующем году Максимилиан с той же целью отправил в Москву новое посольство, во главе которого были поставлены два итальянца: упоминавшийся выше Франческо да Колло и Антинио де Конти.

«Фрянчушка да Колла из Конияна», как его называли позднее московиты, путешествовал на Русь с отважным исследователем Северного морского пути Григорием Истомой. По пути они остановились в Аугсбурге, где среди ученого мира только что разошлась книга Меховского с немецким переводом. Естественно, Григорию Истоме в приватной беседе с местными учеными тут же был задан вопрос, проходимо ли Ледовое море для кораблей. Он ни на секунду не замешкался и ответил, что Северным мор-

ским путем можно попасть в Индию и в доказательство своих слов представил изумленной публике «грубо начерченную» карту Руси и ее владения на Северо-Востоке.

Император поручил да Коло проверить сообщение Меховского, т. к., по словам итальянца, «*его величество, хорошо осведомленный в географических вопросах и большой почитатель Птолемея, прочел его замечания о Птолемее с большим неудовольствием*».

Поэтому Франческо да Коло во время своего пребывания в Москве очень старался со сбором информации, чтобы уличить во лжи и опровергнуть польского звездочета. Сведущие люди в Московии поведали ему о дальних обширнейших землях на Севере, принадлежащих Великому князю Московскому, Югре и Кореле. Более того, он первым из многочисленных западноевропейских осведомителей упомянул и Биармию, по его словам, «*некогда громаднейшее царство, граничащее с областью Скризинской и другими княжествами*».

Ему поведали, что действительно в югорской стороне есть горы (Уральский хребет), которые он отождествил с Рифейскими горами Птолемея. Они, в свою очередь, по его мнению, соединяются с Гиперборейскими горами и значительно ниже первых. Да Колла пытался опровергнуть Меховского в том, что истоки «*известнейшей реки, славной не только своей длиной и шириной*» — Танаиса, т. е. Дона, берут свое начало не в Рязанской губернии, а именно с самых высоких вершин Рифейских гор.

Позднее наши ученые отметили, что сведения да Коло, отождествившего Урал с Рифейскими горами, представляют большой интерес. Более того, об Югорской земле и ее обитателях итальянец сообщил любопытные известия, заметил Л.Н. Майков в начале прошлого столетия, представив их в большем количестве, чем все другие русские и иностранные источники, прежде него или одновременно с ним говорившие о Югре и других северных народах.

Франческо да Коло сообщил императору, что Меховский осознал свою ошибку в присутствии польского короля Сигизмунда, утверждая, что невольно был введен в заблуждение русскими пленными. Сейчас, конечно, можно с улыбкой смотреть на спор этих уважаемых людей, ведь каждый из них по-своему был прав, но, тем не менее, они действительно являются для Западной Европы первооткрывателями Руси. Так будем же снисходительны к ним, каждому свойственно ошибаться, тем более этим исследователям, получившим подобную противоречивую информацию от разных людей, в свою очередь, также еще мало осведомленных о географии своего государства.

Кто же это был? Да Колло сам называет источники познаний о Руси: «*Мне говорили и заверяли люди, достойные доверия, в особенности маэстро Николай Любчанин, профессор медицины и астрологии и всех ученых наук*». Это не кто иной, как известный врач Николай Любчанин, его еще знали как Николай Булев. Другим осведомителем был Угрим Баграков, человек знатного происхождения, попавший в опалу к царю и сосланный на поселение в Югру. По ходатайству Франческо да Коло, позднее опала была снята с Багракова, и ему было «*позволено видеть князевы очи*». Именно Василий III, отец Ивана Грозного, приставил опального князя с братом быть осведомителями итальянского посла, повелев им прийти «*из их мест, как знающих дальние области*».

Братья Баграковы рассказали иноземному послу о своих открытиях в Югорских горах. Вероятно, да Колло расспрашивал братьев и о берегах Ледовитого (Скифского) океана за Югрой, о других народах, обитавших на Севере, о том, какими занимаются промыслами местные жители. Думается, что не ускользнуло от внимания любознательного итальянца и сообщение Григория Истомы в Аусберге о северном морском пути в Индию.

В завершение дипломатической миссии Франческо да Коло сделал сообщение для императора Максимилиана в виде реляции под названием «Записки о Московии», где было дано описание северных областей Руси, в том числе и Биармии.

Для исследователей Севера сочинение Франческо да Коло представляет большую ценность. Во-первых, оно написано ранее знаменитой книги Герберштейна и одноименных записок Павла Иовия, и во-вторых, тех сведений, которые представил да Коло, мы не найдем у этих писателей, да и других тоже. Л.Н. Майков совершенно справедливо в свое время отозвался о труде итальянского посла, «*по всему этому небольшой книге де Коло должно быть отведено почетное место в ряду иностранных сочинений о России XVI века*». К сожалению, небольшая книжечка Франческо да Коло была почти неизвестна российским историкам, за исключением, наверное, только Н.М. Карамзина, упомянувшего имя итальянца в седьмом томе своей «Истории государства Российского». Причем книга да Колло являлась большой редкостью для отечественных исследователей, т. к. до настоящего времени, точнее до 1996 года, за исключением отдельных фрагментов, она никогда полностью не переводилась на русский язык.

И все же, кто мог Франческо да Коло сообщить о Биармии, ведь у него наряду с другими княжествами страна биармов представлена как область, подвластная государю всея Руси.

Любопытно, но Биармия не упоминается в более поздних сочинениях других западноевропейских писателей, тем более не найдем упоминаний о стране исландских саг в древнерусских летописях, правда, за исключением только одной — Иоакимовской. Олаус Магнус также не мог быть источником сведений о Биармии — в один год с приездом да Коло в Москву, т. е. в 1518 году, Магнус благопо-

лучно отбыл в Скандинавию с духовной миссией и свою «Историю северных народов» выпустил в свет только в 1555 году. Поэтому Фраческо да Коло не мог получить сведений от него ни о Биармии, ни о Белом озере, которое на самом деле было не Белое, а Ладожское озеро, ошибочно изображенное на Морской карте (Carta Marina) Олауса Магнуса так далеко на севере. Это означает, что итальянцу о Биармии могли сообщить только русские осведомители, вероятно, новгородцы. Тогда выходит, что Иоакимовская летопись действительно существовала, хотя авторы данной книги нисколько в этом и не сомневались. Отсюда напрашивается вывод, что в русских летописях были намеренно забыты или вообще убраны поздними переписчиками упоминания о Биармии. Очередная загадка.

Через девять лет после известного посещения Белого моря Ричардом Ченселором в 1553 году его земляк, английский купец и дипломат Антоний Дженкинсон, составил подробнейшую карту Московии с рисунком царя Ивана Грозного. На карте Дженкинсон поместил изображение Кольского полуострова и Белого моря (но без Онежского и Кандалакшского заливов), с подробным указанием рек и селений, показал также Двинскую область, Каргополье, Кондору, Пермь (Permia). И главное, т. к. «штатное место» легендарной страны было занято упомянутыми областями, ему ничего не оставалось делать, как изобразить Биармию на Кольском полуострове севернее Лапландии (Lappia). Вероятно, Дженкинсон при составлении своей карты ориентировался также и на своих предшественников — авторитетнейших картографов того времени Олауса Магнуса и Герарда Меркатора и тем самым повторил их ошибку.

Как удалось выяснить исследователям, последнее изображение Биармии существует на одной старинной, так называемой Скалхолтской карте, вычерченной в 1579 г. ученым Сигурдом Стефанссоном. Вероятно, карта получила название от исландского епископа Скалхолта, сделавшего описание северных стран и островов в XIV веке, Оригинал этой карты потерян, но сохранилась копия, сделанная в 1669 г. епископом Турдом Турлакссоном.

В дальнейшем название Биармаланд исчезает и из произведений западноевропейских писателей. После Франческо да Коло Биармию никто не упоминал в своих сочинениях: ни Сигизмунд Герберштейн, ни Павел Иовий, ни Александр Гваньини, ни Ричард Ченселор, ни Генрих Штаден (жил в России в 1564—1567 гг.), ни Джильс Флетчер (путешествовал по России в 1588—1589 гг.), ни Джером Горсей (пребывал в Москве с 1572 по 1591 год) и, тем более, поздние писатели и путешественники.

Биармия — удивительная и загадочная северная страна бесследно исчезает с европейских карт и страниц печатных изданий и более чем на столетие предается забвению.

ЧАСТЬ 4

АПОЛОГЕТЫ БИАРМИИ — ПЕРМИ

Итак, почти полтора столетия название Биармии не появлялось на картах издателей географических атласов и на страницах книг западных писателей, пока в 1673 году во Франкфурте не вышел объемный труд немецкого филолога Иоганна Шеффера (1621—1679) под названием «Лаппония» («Lapponia») — древнее обозначение Лапландии.

Задавшись вопросом, почему Биармия исчезла с карт Европы, он принялся за изучение сведений древних авторов. Так, анализируя карту Олауса Магнуса, Шеффер сделал вывод, что одна и та же страна на Севере у скандинавских и исландских составителей саг называлась Биармией, а у западноевропейских писателей — *Скридфиннией, Скритифиннией.* В конце концов, устоявшуюся традицию изображать Биармию на Кольском полуострове неожиданно нарушил другой немец — Генрих Бангерт.

После выхода в 1659 году третьего издания книги Гельмольда «Славянская хроника» имя Генриха Бангерта стало хорошо известно широкому кругу любителей истории из-за своих подстрочных, часто весьма пространных примечаний к этой книге, имевших отношение к знаме-

нитому сочинению Саксона Грамматика. Вероятно, взяв за основу его сообщение о *дальней* и *ближней* Биармии, Бангерт вдруг значительно расширил границы первой страны (*дальней* Биармии), отождествив ее при этом с Пермью Великой. Эта глубочайшая ошибка средневекового комментатора привела к тому, что позднее его мысль о тождестве Биармии и Перми без разбору стали цитировать, причем это продолжается, на наш взгляд, по сей день. Итак, Генриха Бангерта можно уверенно назвать «отцом» рождения Биармии-Перми. И последователей такого утверждения, как показывает практика, оказалось очень много.

После Полтавского сражения в 1709 году, когда Петр I разгромил шведскую армию Карла XII, к русским попало в плен очень много солдат и офицеров, сосланных позднее в Сибирь. Среди них был подполковник Филипп Иоганн фон Страленберг (1676—1747), ставший впоследствии всемирно известным исследователем Севера. Он, конечно, мог и не иметь представления о знаменитых комментариях Бангерта, вероятней всего, так и было на самом деле. Однако это не помешало ему в своем историко-географическом описании Северо-Восточной Европы и Сибири одному из первых прийти именно к такой же мысли отождествления Перми и Биармии, указав на звуковое сходство в этих двух названиях, и поэтому посчитать их за одну и ту же страну.

Хотя стоит отметить, позднее Страленберг изменил свое мнение и расположил Биармию в Карелии и Подвинье со своей столицей в Холмогорах. Он пишет, обнаруживая знакомство с произведениями Саксона Грамматика и Снорри Стурлусона: «*Биарма же, которая ныне Карелией называется, прежде имела особливых своих королей, которые славою были не меньше финских и других полуночных королей. <…> В бога почитал народ сей идола Юмалу, ко-*

торому сооружен был богатый храм. И что народ сей такожде построил многия городы и ярмарки учредил. <…> При сем я напоминаю учиненную от меня Табель полиглотическую [еще один труд Страленберга. — *Авт.*], *в которой можно видеть, что Фины, Пермяки и Биармы, також и Остяки говорят одним языком*».

Как видно из этих строк, он все же различал жителей Перми и коренное население Биармии, т. е., получается, это не одна и та же страна, причем Биармию он отождествляет уже с Карелией. Из «Шведской библиотеки» Страленберг приводит одно интересное известие о Биармаланде: «*Йокуль Седьмой, король Финляндский, имел мир и согласие со всеми своими соседы, с жителями же Биармскими учинил мирный завет, которыя тогда великое купечество с финляндцами производили, чему и Торфей* [Тормод Торфей. — *Авт.*] *в гистории Норвегской согласует, объявляя, что область Биарма лежит на реке Двине и по Белому морю (то есть вышепомянутыя Холми или Колмогоры)*». Кстати, упомянутый труд, составленный профессором права Христином Неттельбладтом (1696—1775), включало в себя неизвестное отечественным историкам анонимное латинское сочинение 1670-х годов «Хроника Финляндии», в котором перечислены 14 доисторических королей Финляндии, и что очень любопытно, там упоминались и короли (цари) соседней с ней страны — Биармии.

Итак, из двух появившихся Биармий, одну из которых он соотносил с Пермью, а другую с Карелией и Двиной, все же, в конце концов, Страленберг вместе с Тормодом Торфеем склонился в пользу последней. То есть он отождествил Холмогоры (а значит, Холмгардию) с Биармией, расположенной в Подвинье и на берегах Белого моря, богатой «рыбьим зубом», солью, шкурами морского зверя, салом, удивительной охотничьей птицей — соколом, мамонтовой костью и другими товарами.

Конечно, труд Страленберга оказал значительное влияние на последующих исследователей. Его книга в короткое время стала известна широкому кругу ученых, он становится самой яркой и авторитетной фигурой в изучении Севера и в частности Биармии. Позднее его отождествление Биармии с Пермью было принято отечественными и зарубежными историками безоговорочно, как нечто, не требующее доказательств.

Известный русский историк Василий Никитич Татищев не стал таким исключением. Он все сделал для того, чтобы интереснейшее сочинение Страленберга о древностях Российского государства вышло в России, но, к сожалению, у него ничего не получилось с этой затеей.

Они были хорошо знакомы, эти будущие две знаменитости. Еще находясь в Тобольске, накануне своего отъезда на родину, пленный швед встречался с нашим знаменитым историком, в то время управляющим казенными заводами на Урале. По долгу государственной службы, а именно для обучения молодых русских мастеровых горному делу и вербовке шведских мастеров для горных предприятий Урала, по указанию царя В.Н. Татищев в 1724 году был направлен в Швецию, где пробыл почти два года.

Находясь в Швеции, он не упустил возможности познакомиться с учеными, побывать в библиотеках и архивах в поисках материалов, связанных с историей Российского государства. В Стокгольме Татищев общался с учеными, знавшими скандинавские саги и предания о походах норманнов на восток. Там он снова встретился со Страленбергом. И позднее, когда писал российскую историю, В.Н. Татищев использовал исследования по Северу Страленберга, в том числе его сообщения о Биармии.

Как же дает объяснение названию Биармии и где располагал ее сам В.Н. Татищев? Во-первых, подобно Страленбергу, он отождествил ее название с Пермью и дал свое объяснение происхождения имени этой северной страны: «*Бярмия, у оных писателей довольно часто упоминаемая область великая. Имя сие, думаю, сарматское, а поскольку тутошние сарматы вместо Б употребляли П, то имеет быть Пярмия. В оном языке точного значения названия не нахожу, а подобные ему Периама, — вольная земля или республика, Убеурма, или Пеурма — Оленья земля... по множеству тогда оленей, которых и ныне еще немало, Оленья земля могла быть именована*».

Границы Биармии Татищев расширил от Финляндии до Уральских гор, включив в нее Карелию, Лапландию, Русь, Поморье с Пермью. Эту территорию, названную позднее новгородцами Поморьем, великий историк впервые отождествил со скандинавской Биармией. Одновременно Татищеву можно отдать пальму первенства в ошибочном выводе о происхождении ее названия от летописной Перми. Вероятно, он был введен в заблуждение, как и Страленберг, их звуковым сходством.

Поэтому не стоит удивляться, что не смог избежать отождествления Биармии и Перми и наш знаменитый земляк Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765) — поэт, художник, ученый-естествоиспытатель мирового значения, поборник отечественного просвещения, развития русской науки, экономики, прекрасно владеющий более чем 30 иностранными языками и ко всему прочему — еще замечательный историк. В своей знаменитой «Древней Российской истории» М.В. Ломоносов, ссылаясь на «северных авторов» (Снорри Стурлусона, а также

Саксона Грамматика), пишет о Биармии буквально следующее: «*Пермия, кою они Биармией называют, далече простиралась от Белого моря вверх, около Двины-реки, и был народ чудской сильный, купечествовал дорогими звериными кожами с датчанами и с другими нордмандцами. В Северную Двину с моря входили морскими судами до некоторого купеческого города, где летом бывало многолюдное и славное торговище: без сомнения, где стоит город Холмогоры, ибо город Архангельской едва за двести лет принял свое начало (*в 1584 году. — *Авт.). Народ почитал идола Иомалу, что на ливонсокм, финском и на других чудских диалектах бога значит*».

Кстати, эти «северные авторы», при всем нашем уважении к великому земляку, никогда Биармию не называли Пермью, — они вообще не знали такого топонима и этнонима. Но что самое интересное в данном фрагменте, М.В. Ломоносов отождествляет Биармию с Пермью, вероятно, позаимствовав такие сведения у Страленберга, но локализует ее, однако, на Северной Двине, взяв это из исландских саг Снорри Стурлусона, а столицей Биармии объявляет Холмогоры, вероятно, благодаря сведениям своего постоянного научного оппонента — академика Герарда-Фридриха Миллера (1705—1783). Только аргументация у Ломоносова иная — потому Холмогоры были главным торговым местом Биармии, что в те времена еще не существовало города Архангельского.

Стоит еще подчеркнуть, называя столицей Биармии Холмогоры, М.В. Ломоносов выступает против отождествления их с *Холмгардом* скандинавских саг. В своих замечаниях к диссертации Г.-Ф. Миллера русский ученый пишет, что ни в коем случае нельзя производить имя города Холмогоры от *Холмгардии*: «*Имя Холмогоры соответствует весьма положению места, для того, что на островах около его лежат холмы, а на матерой земли горы, по*

которым и деревни близ оного называются, например, Матигоры, Верхние и Нижние, Каскова гора, Загорье и прочее».

Не будем комментировать такое, мягко говоря, наивное объяснение нашего знаменитого земляка, ведь кому как не ему было знать, родившемуся в этих местах, что никаких высоких холмов, тем более гор на островах, где он родился, отродясь не бывало. В русских летописях, начиная с XIV века, эти места отмечены под названием *Колмогоры*, вероятно, образованные от угро-финского слова *Кольм* — значит *три.*

Вероятно, не избежал влияния Страленберга и Ломоносова Михаил Дмитриевич Чулков (1743—1792), по праву названный историками «Отцом русской коммерции» за создание своего интереснейшего фундаментального многотомного труда «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах… М.Д. Чулков, опираясь на известия византийского историка Лаоника Халкокондила (1430—1490), книгу далматинского историка Мавро Орбини (ум. 1614) «Славянское царство», произведения Снорри Стурлусона, Саксона Грамматика, а также — на упомянутых историков, представил живописную картину торговых отношений на Севере в древние времена.

Хотя Чулков, как и предыдущие авторы, является сторонником отождествления Биармии с Пермью, однако столицей древней Биармии у него являются наши Холмогоры: «*Славены-руссы производили торговлю мехами и прочими товарами на Белом море и по Северному океану еще до времен Рюрика. Пермия или Биармия далече простиралась от Белого моря вверх около Двины реки,*

где обитал народ чудской сильный, купечествовал дорогими звериными кожами с датчанами и другими норманд-цами. В Северную Двину реку входили с моря морскими судами, где летом бывало многолюдное и славное торжище. Без сомнения, где стоит город Холмогоры, бывший столицей древней Биармии».

Знакомы Чулкову и путешествия арабских купцов. Он подробно рассказывает о былом торговом величии Перми и значении ее столицы Чердыни, как связующего звена между торговцами из Персии, Индии и племенами, обитающими на побережье Ледовитого океана, а также говорит о древних водных путях, соединяющих юг и север Европы и Азии: «*Пермия имя сей стране осталось от древней северной области Биармии, которая до Рурика, праотца великих князей Российских, имела собственных своих государей, мужеством и воинами славных, и простиралась от рек Вишеры и Печеры к западу даже до Финляндии... Из древнего города Чердыни, или стоявшего от него в 25 верстах, на самом берегу реки Камы города, которого и ныне знатные развалины еще видимы*[1], *где находят множество золотых и серебряных вещей, из древних купеческих городов Волгары и других, яко центра европейской и азиатской торговли, в Северный океан рекою Печерою; а в залив онаго или Белое море Двиною, также и из Скифскаго и Белаго или Мурманскаго моря, в оные города ходили купеческие караваны. А иногда индийские и персидские куп-*

По мнению пермского исследователя И. Мосшега, этот город был разрушен войсками Ивана III в 1472 г. В одной из летописей город назван Анфалово. Это чисто русское имя, считал ученый, значит, поселение должно носить другое название: «*надо полагать, что этот город и был столицей коми народа во время его независимости, который, вероятно, и назывался Пермой или Пармой, откуда происходит название Пермия, Пермь Великая, пермяне, а на скандинавских языках — Биармия, биармийцы и т. д.*» (*Мосшег И.* Коми-народ, как участник в мировой торговле в прошлом // Коми-Му, №4, 1926. С. 34—37).

цы из Каспийскаго моря реками Волгою, Камою, Печерою и Двиною в Северный океан, или по тогдашнему названию в Скифское море, для торговли со Швециею, Норвегиею и прочими государствами приходили».

Конечно, трудно согласиться с таким утверждением историка, что индийские и персидские купцы от берегов Индийского океана доходили прямиком аж до самой северной оконечности Европы и торговали с Норвегией. Из рассказов самих же арабских путешественников известно, что севернее Чердыни они не поднимались. Столица Перми являлась тем главным конечным торговым перевалочным пунктом, где они продавали или обменивали свои товары северным племенам на мех и пушнину, моржовую и мамонтовую кость, а также другие товары, чем была богата тогда «полунощная» земля.

А то, что сквозные торговые пути реально существовали, не подлежит сомнению. Только персидские и индийские товары перевозились дальше на север по волокам и рекам не арабскими купцами, а северными племенами, теми самими биармами исландских саг. И свозились товары к другому важному торжищу на Севере, в селение, где позднее появились летописные Колмогоры или, может быть, в Пур-Наволок на берегу Северной Двины, где впоследствии на месте древнего биармийского святилища вырастет монастырь Святого Михаила Архангела.

Почти в одно время с М.Д. Чулковым, задумавшим написать книгу об истории российской торговли, в 1770 году в путешествие по Пермскому краю отправился Николай Петрович Рычков (1746—1784). Находясь на военной службе, капитан Н.П. Рычков принимал участие в экспедиции известного естествоиспытателя, академика П.С.

Палласа по Казанской, Оренбургской, Уфимской, Вятской и Пермской губерниям.

Побывав в Пермской губернии, Рычков стал считать Чердынь «*первенствующим и старейшим из всех селений Пермии*», хотя это, наверное, было очень смелое заявление, т. к. известно, что до прихода в эти края Стефана Пермского та не упоминалась в русских летописях. При описании Соликамской провинции Рычков, делая выкладки о древностях пермских, отождествил ее, как и предыдущие авторы, с Биармией, в которой «*обитали чюди, соединенные с некоторыми поколениями славянского народа*».

В своих «Записках» капитан Рычков уже не говорил так прямо о том, как предыдущий автор, что арабские купцы от Каспийского моря совершали торговые путешествия до Белого моря, он говорит о конечном пункте их поездок — Чердыни: «*Предания народные утверждают, что индианцы и персияна, приходя до устья реки Волги, оставя свои корабли, перегружались в такие суда, коими удобные можно пройти вверх по рекам Волге и Каме до города Чердыня. В чем состоял торг между древними народами, наверное, неизвестно; однакож можно думать, что индийцы привозили к ним золото, серебро, шелковые товары и т. п.; напротив того, здешние народы продавали им пушной товар, которым они в самой древности изобиловали паче всех других народов*».

Если же говорить о связях народов северо-востока со среднеазиатскими и восточными странами, то, по мнению исследователей, они существовали с мифических времен, с рубежа античного мира и раннего Средневековья. В ту пору существовало два вида основных торговых путей: водный — волжский и сухопутный — караванная дорога через Урал, Сибирь и Центральную Азию. Такие связи подтверждаются археологическими находками.

Более трех столетий назад появились первые сведения о том, что в северной части России и в прибалтийских странах иногда стали обнаруживать клады с монетами древнего Востока. Как они могли оказаться на севере Руси, откуда занесла их нелегкая в такие отдаленные края? У наших летописцев ничего не говорится о столь древних временах. История российская начинается, как вы знаете, с пришествия Рюрика со товарищи на новгородскую землю в 862 году, а найденные арабские монеты относились к периоду не только IX—X столетия, но даже к VII—VIII векам.

В 1846 году вышла книга молодого ориенталиста П.С. Савельева, в которой ученый представил все сведения о найденных в России кладах с арабскими или, как их еще называют, куфическими монетами. Долгое время нумизматы прошлых веков больше обращали внимание на римские или римско-византийские монеты и медали, незаслуженно обходя вниманием монеты мусульманских народов. А они все же были интереснее для науки, т. к. давали возможность четко фиксировать определенный период сношения между арабскими странами и теми государствами, где они найдены, по одной главной причине. При вступлении на престол каждый новый восточный правитель старался перечеканить монеты своих предшественников, заменяя их новыми с собственным именем и титулом, которые, в свою очередь, быстро вытесняли из обращения прежние.

В европейских странах ученые давно отметили эту особенность куфических монет. Поэтому, например, в Швеции государство с начала XVI века присвоило себе право на все клады, найденные на ее территории и тем самым сохранило их для науки. С 1547 года там начали описывать местонахождение отысканных кладов и их содержание. А в 1775 году ученый Ауривилиус сделал пер-

вое перечисление кладов с восточными монетами, открытых в Швеции.

В это же время стали поступать сведения из России о подобных находках с серебряными куфическими монетами. Именно тогда и возник вопрос, каким образом эти монеты появились на севере Европы. По мнению другого шведского ученого, Олофа Тихсена, куфические монеты были занесены в Швецию через Россию путем торговли, и именно посредством русских купцов, торговавших с арабами на берегах Каспийского и Черного морей.

Первое известие о кладе с арабскими монетами, найденном в России, относится к 1785 году. К сожалению, после него еще долгое время никто не обращал внимания ни на местонахождение кладов, ни на их содержание. Между тем большая часть кладов выкапывалась и частенько попросту уничтожалась путем переплавки монет в слитки у местных кузнецов, естественно, не оставляя следов для истории. Так, например, на берегу Ладожского озера, в 12 верстах от устья Волхова, был найден клад, оцененный в баснословную для тех лет сумму — более семи тысяч целковых. Подобный по стоимости клад был обнаружен и в Великих Луках. Однако вся эта огромная масса монет из бочонков быстро перекочевала в плавильные тигли.

Начало торговых отношений арабских стран с Северо-Восточной Европой можно определить только по монетам, находимым в кладах на упомянутой территории. Так как самые древние из этих монет принадлежали к концу VII века, то, следовательно, утверждал П.С. Савельев, исторически начало торговых отношений России с Востоком можно отнести к VII столетию, хотя позднее он пересмотрел свою точку зрения, обнаружив клад исключительно из серебряных сасанидских монет V и VI веков. Однако исследователи прошлого столетия высказали мысль, что связи Севера и Востока имеют более древнюю историю.

Польский ученый С. Пржеворский (1933) датировал начало торговых отношений более ранним временем, заметив, что «*торговые связи между Передней Азией и Восточной Европой можно проследить, начиная со второй половины III в. до н. э.*». Он утверждал, уже в начале нашей эры персидские купцы совершали торговые поездки на Север, за Волгу и Каму, «*в районы финно-русских племен, чтобы приобрести там меха*». Более того, по его данным, в Пермской губернии (недалеко от Гладенова) были найдены монеты основателя Кушанского государства (расположенного в верховьях реки Амударьи) — царя Кадфиза I, царствовавшего с 30-х гг. до н. э. по 10 г. н. э.

Сведения о торговых связях Востока и Севера можно найти в книгах арабских писателей. Арабы описали торговые операции своих современников, соотечественников-купцов, осуществляемых на крайнем северо-востоке Европы, целью которых было приобретение дорогих северных мехов, моржовой кости, соколов-кречетов, янтаря, жемчуга, воска, меда и прочих товаров, которыми была богата северная земля. Для их обмена использовались арабские деньги, что подтвердили позднее искатели подземных кладов. Кроме наличных монет, за все перечисленные товары жителей Севера арабы, персияне и хоремзцы платили традиционными восточными изделиями: драгоценными камнями, бисером, булатными клинками, шелковыми и шерстяными тканями, овощами, пряностями, вином, парчою, а также очень важным для северных зверобоев оружием — гарпунами и баграми, используемыми ими для рыбной и звериной ловли.

В 921 году Аббасидским халифом Муктадиром из Багдада на берега Волги в Булгар для проповедования мусульманской религии был отправлен посол Ахмед ибн-Фадлан ибн-аль-Аббас ибн Рашид ибн Хаммад.

Здесь речь ведется, конечно, не о современной Болгарии, а о Булгарском царстве, существовавшем в верховьях Волги в X—XIV веках. Столицей являлся город Булгар, позднее названный Биляром, расположенный в 14 верстах от Казани. По словам арабов, он являлся крупнейшим торговым городом Европы, где имели свои складочные места и фактории купцы со всех концов света. Сюда приезжали купцы из Западной Европы, из Скандинавии, из Новгорода и Киева. В особенно большом количестве приезжали сюда восточные купцы. Арабы достигли этого города, вероятней всего, по Волге, поднимаясь по реке против течения.

Естественно, торговые сношения булгар с арабскими купцами не носили постоянный характер, а совершались в одни и те же месяцы, обычно в летне-осеннее время, когда реки были не покрыты льдом. Вероятно, именно такие периодические встречи северных и восточных купцов, заранее знающих, что они продадут именно тот или иной товар и в определенное время, послужило прообразом будущих крупнейших ярмарок. В то же время справедливей было бы сказать, что все города IX и X веков, тот же Булгар, собственно были не городами в широком понимании этого слова, а носили характер меновых дворов кочевых народов.

В те времена город Булгар являлся самым северным пунктом непосредственной торговли Халифата и крайним пределом путешествий арабов, в том числе проповедника мусульманской религии ибн-Фадлана. По завершению своего путешествия все виденное и слышанное он изложил своему повелителю в «Донесении Ахмеда ибн-Фадлана, посланника Муктадира к государю славян».

Конечно, стоит сразу отметить, что не все товары, вывозимые из Булгара, были произведены в Волжской Булгарии — те же моржовые клыки, мамонтовая кость,

пушнина, другие товары могли быть добыты только на далеком Севере. Поэтому нетрудно предположить, что жители этого царства входили в торговые отношения с соседними странами северо-востока и северо-запада будущей России — Югрою, Биармией, Эрзою, Весью, может быть, и Муромой и Мерей.

Известная по древнерусским летописям Югра лежала за Уральским хребтом по обе стороны Оби и простиралась на восток до берегов реки Аян. По свидетельству арабских писателей, волжские булгары в X и XI веках производили меновой обмен с жителями Югорского края в какой-то одной точке Урала, не переходя горный хребет. Они выменивали привозимые ими клинки на шкурки пушных зверей.

Особый интерес вызывает сообщение о северном племени под названием *вису* и одноименной стране, о которых поведал арабскому путешественнику царь Булгарии. Наверное, не ошибемся в заявлении, что наша летописная Весь не что иное, как упоминаемая ибн-Фадланом народ и страна *Вису*. Она располагалась севернее от летописных *муромы* и *мери* (современные Владимирская и Ростовская области) и граничила на севере с Биармией. *Весь* также посещалась булгарскими купцами, которые ездили туда на ладьях по Волге и Шексне для закупки мехов. Через эту страну они проникали и в Биармию.

Торговую связь *веси* с булгарами подтверждают находки арабских монет на берегах Шексны и Мологи близ города Весьегонска в XIX столетии. Торговля с весью была исключительно меновая. Арабы называли ее немой, потому что при совершении торга ни продавец, ни покупатель не видели друг друга в глаза. О такой торговле арабский ученый Закария Казвини (умер в 1283 г.) сообщил следующее: «*Жители Булгара привозят туда свои товары и торгуют ими. Каждый оставляет свой товар на отве-*

денном для торговли месте, снабжает его своей меткой и уходит. Позднее он возвращается и находит рядом товары, нужные на его родине. Если он доволен ими, то забирает предложенные в обмен предметы и оставляет свои товары; в противном случае он уносит свои товары. При этом продавец и покупатель не видят друг друга».

Чуть позднее автор знаменитого географического трактата под названием «Перечень стран», арабский ученый Абу-л-Фида (около 1300 г.) сделал подобное сообщение о немой торговле, но только уже с обитателями берегов Северного Ледовитого океана. О поездках булгарских купцов на Крайний Север упоминает еще один арабский писатель — Ауфи (X в.).

После сокрушительного поражения волжских булгар от *русов* князя Святослава и разрушения последними в 969 году Булгара, другим центром арабской торговли становится столица древней Перми — Чердынь. Свидетельством обширной торговли пермяков с арабами служат найденные в Прикамье дорогие украшения из золота и серебра, из драгоценных камней, монеты-подвески, а также знаменитые сасанидские блюда. На территории Пермской области археологами найдено больше половины всех известных в мире иранских серебряных изделий. Это объясняется тем, что на Ближнем Востоке в VII—VIII веках распространялась мусульманская религия, запрещающая изображать людей и животных. И частенько сасанидские блюда, эти массивные серебряные с позолотой подносы с изображением животных и сцен из жизни царей, в большинстве случаев шли на переплавку. Население же северных областей употребляло сасанидские блюда как для украшения жилищ, так и для культовых целей. Их бережно хранили и передавали по наследству от поколения к поколению.

Стоит отметить главную особенность в восточной торговле с Севером. Рынки, подобно Булгару, кроме пермской Чердыни, в то время существовали на Ладоге (Алдейгьюборг), в Холмогорах (Колмогоры) на Северной Двине — столице Биармии, а также на Печоре.

Нахождение на реке Печоре кладов с восточными монетами, а также на берегу Северной Двины дают нам возможность предполагать, что волжские булгары, а позднее пермяки торговали с Биармией. Об этом свидетельствует найденный клад в низовьях реки Северной Двины в 1989 году. Около деревни Боры (Приморский район) на одном из дачных участков случайно был обнаружен глиняный кувшин, в котором находилось около двух тысяч серебряных монет и более десятка ювелирных изделий. Это теперь самая северная находка арабских монет. Специалисты определили, что нумизматическая часть клада представлена тремя саманидскими монетами VIII—IX веков, которые могли появиться с Востока, где они чеканились в городах Средней Азии. Основную же массу монет составляют западноевропейские денарии X—XI веков.

В начале 60-х годов прошлого столетия в ходе экспедиции в верховьях реки Печоры археологом В.И. Канивецом в береговой пещере под названием Канинская была найдена серебряная монета, копия драхмы Сасанидского царя Варахрама V, правившего в 420—430 гг. По определению специалистов, восточная монета принадлежала к одному из типов подражаний драхмам этого царя и чеканена в V—VII веках. Известны всего две точно такие монеты, хранящиеся одна — в Британском музее, другая в Эрмитаже. И до 1989 г. ученые считали, что Канинская пещера является самым северным пунктом находок монет сасанидского круга.

Плененный после Полтавского сражения шведский офицер Иоганн Филипп Страленберг провел в Сибири

более 13 лет (1709—1722). Любознательный швед не терял времени зря — изучал историю края, в котором вынужден был обитать, собирал материалы и после возвращения на родину издал книгу «Северная и восточная части Европы», которая долгое время служила основным источником сведений о Сибири. Так вот он в 1730 году писал, что «*на реке Печоре и, особенно у города Чордин (Чердынь), или Великая Пермь, в большом количестве встречаются монеты древних халифов*». Именно он высказал предположение, будто мнимые «индийцы», прибывшие в Галлию в 62 г. до н. э., о которых упоминал римский историк Тит Ливий, возможно, доходили по суше до самой Печоры, а уже оттуда добрались по морю в Западную Европу.

Конечно, было бы заманчиво для исследователей сделать предположение, что арабы доходили до берегов Белого моря и Северного Ледовитого океана. Ведь доказано наличие старинного волока Шексна — Кубенское озеро — Северная Двина, а также существование древнейшего пушного рынка в районе современных Холмогор (вспомните скандинавские саги).

Более того, имелись другие водные путь на Север. Поднимаясь по Волге, торговцы доходили до впадения Камы, из которой затем по Вишере, Колве и ее притоку Вишерке достигали озера Чусового. Потом из озера по Вогульке поднимались до речки Еловки, здесь выгружали товар и оттуда через горный кряж под названием Печорского волока, длиной до 4 верст, тащили груз до речки Волосницы, впадающей в Печору, и затем плыли к побережью Ледовитого океана.

Еще один путь из Камы шел вначале также по Вишере, Колве, Вишерке, через Чусовое озеро, а затем в речку Березовку до Бухонина волока, тянущегося на 7 верст. По другую сторону волока течет речка Кима, по которой спускались сначала в Вычегду, попадая затем в Северную Двину.

Однако до Холмогор и устья Печоры арабские купцы самостоятельно не доходили, т. к. по свидетельству большинства арабов, всех иностранцев, кто пытался самостоятельно торговать где-то за Булгаром, подстерегали какие-то страшные опасности. Например, арабский писатель Истахри, автор географического сочинения «Книга путей и царств», около 925 года писал: «*Никто из них не добирается дальше Эрты, ибо туземцы убивают всех чужестранцев и бросают их в воду*». Ему вторил другой арабский писатель Мукадасси: «*Ни одному чужестранцу не удается ступить на их землю, не поплатившись тотчас же за это своей жизнью*».

Об опасностях, подстерегающих всех, кто поедет дальше Булгара, предупреждал также Ибн-Хаукаль, арабский путешественник второй половины X века: «*По торговым делам никто не едет дальше Булгара; никто не едет до Эрзы* (Арса? — *Авт.), ибо тамошние жители убивают всех встречающихся им чужестранцев*».

О том, что арабские купцы не бывали выше Булгара, подтверждает свидетельство еще одного восточного писателя, Сихаба ибн-Фадла ал-Омари (1300—1348): «*Купцы наших стран не забираются дальше города Булгара; купцы булгарские ездят до Чулымана, а купцы Чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера… За Югрою живет на берегу морской народ, пребывающий в крайнем невежестве. Они часто ходят в море*».

Почему так были напуганы арабы, кто же мог на них нападать? По мнению некоторых исследователей, вероятно, это были выдумки местных торговцев, тех же булгар и пермяков. Чтобы избежать торговой конкуренции, отпугнуть чужеземных торговцев от основных районов торговли пушнины и сохранить их за собой, местные купцы придумывали жуткие истории о людях-чудовищах и людоедах, обитавших на Крайнем Севере. От арабов эти

фантастические сообщения перекочевали позднее в книги писателей Западной Европы.

Восточно-булгарская торговля доходила только до страны Веси (Вису). А выше начинались владения славянских племен, после X—XI веков проникших в Биармию. Подобно скандинавам, новгородцы, а позже и ростовцы-суздальцы вели с Биармией и торговлю и войну. Одну часть этой страны они называли Заволочьем, другую — Печорой, а самую дальнюю — Югорским краем (Югрою). Из Биармии как скандинавы, так и новгородцы вывозили дорогие меха, моржовые клыки, китовый ус и другие товары, которыми была богата здешняя земля.

Самым последним сообщением, свидетельствующим о восточной торговле мехами на Крайнем Севере, является описание великого арабского путешественника Ибн Баттуты (1304—1375), которое относится приблизительно к 1340 году, достигнувшего Булгара, с тем чтобы «*увидеть предельную краткость ночи*» в этих широтах. Ибн Баттута еще успел сообщить, какие бешеные деньги платили в Индии за горностаевый мех: четыреста динаров за одну шкурку! С тех пор в исторических источниках уже не найти сведений о проникновении арабов в Булгар и к таинственной стране Мрака и Тьмы.

Более 400 лет просуществовала эта необычная торговля. Почему и при каких обстоятельствах прекратились торговые связи между Востоком и Крайним Севером — уже никто никогда не узнает. Главной причиной, наверное, стало то обстоятельство, что все северные земли, в том числе и Югра и Биармия, стали данниками Великого Новгорода. Новгородцы становятся своего рода монополистами в обладании всех богатств Севера, особенно после разгрома татаро-монгольского ига. Поэтому арабам было значительно проще купить товары у тех же новгородских купцов и русов, приезжавших торговать к Каспийскому и

Черному морям, чем рисковать жизнью среди огромных просторов Крайнего Севера.

Более того, историками был отмечен очень интересный факт, что торговцы из арабских стран перестали посещать наш Север именно после Мамаева побоища на Куликовом поле 8 сентября 1380 года. Кроме того, известно еще одно любопытное свидетельство, на Куликовом поле видели нубийских верблюдов. Выходит, что на стороне Мамая воевала верблюжья кавалерия из Египта. Значит, у татар был заключен военный союз с египетскими мамлюками — династией каирских султанов. После разгрома татарского войска на Куликовом поле Дмитрий Донской, узнав об участии египтян в Мамаевом побоище, вероятно, принял соответствующие меры по запрету арабским купцам совершать поездки на Север. У победителя для этого были все возможности, т. к. в Булгаре был поставлен русский таможенный надсмотрщик, и до набегов хана Золотой Орды Тохтамыша вся Волжская Булгария долгое время была в полной зависимости от Москвы.

Завершая рассказ об арабских путешественниках и писателях, нельзя не упомянуть об одном древнем сочинителе — знаменитом арабском географе XII века ал-Идриси, жившего на Сицилии. По мнению ученых, его книга под названием «Развлечение истомленного в странствии по областям» (1154 г.) сопоставима с трудами Страбона и Птолемея в истории античной географии. Это энциклопедическое произведение, в котором ал-Идриси попытался свести воедино все географические знания, накопленные к середине XII в., является выдающимся памятником арабской географии.

Ал-Идриси дал подробное описание морей, омывающих землю. Вся северная половина Атлантического океа-

на, включая относящиеся к неи моря, считалась единым водным бассейном — морем Мрака. В произведении ал-Идриси имеется одно любопытное известие, в котором, по всей вероятности, отразились сведения о Белом море: «*Что касается западного края моря Мрака, то он граничит с северной [стороной страны] ар-Русийа, отклоняется в северном направлении, затем поворачивает на запад, а за этим поворотом уже нет никакого прохода [для мореплавателей]*».

Так как из других арабских источников ал-Идриси не мог таких сведений позаимствовать, то, судя по приведенному отрывку, в его распоряжении имелась часть какой-то лоции с описанием плавания от северного побережья Руси на северо-запад. Эти сведения он мог получить или от скандинавских информаторов, или от арабских купцов, активно посещавших северные края в то время, или даже от самих *русов*.

Стоит обратить внимание, приведенные маршрутные данные из этой лоции очень напоминают об одном отрезке пути, пройденного норвежским мореплавателем Оттаром, а именно от мыса Нордкап на восток и далее на юг вдоль побережья Кольского полуострова. Если проделать этот путь в обратном направлении, то придется идти сначала из Белого моря на север, а затем на запад, как указано в приведенном фрагменте текста. Сообщение арабского писателя, как считает комментатор его книги И.Г. Коновалова, конечно, восходит не непосредственно к рассказу Оттара, а к сообщениям об аналогичных плаваниях скандинавских мореходов, со слов которых географ мог записать также современные сведения о норвежском Финмарке и лежащих рядом северных областях.

На карте ал-Идриси, отнесенной к северной части Европы, помечены четыре реки, впадающие в *море Мрака*, т. е. в моря Северного Ледовитого океана. Особенно

привлекла внимание арабского географа, так называемая Русская река, которой он дал следующее описание: «*В упомянутую Русскую реку впадают шесть больших рек, берущих начало в горе Кукайа, а это большая гора, протянувшаяся от моря Мрака до края обитаемой земли. Эта гора простирается до страны Йаджуджа и Маджуджа на крайнем востоке и пересекает ее, проходя в южном направлении до темного, черного моря, называемого Смолистым. Это очень высокая гора; никто не может подняться на нее из-за сильного холода и глубокого вечного снега на ее вершине. В долинах этих рек живет народ, известный под именем ан-нибарийа (ан-н.барийа). У этого народа есть шесть укрепленных городов, расположенных между руслами этих рек, текущих, как мы уже сказали, с горы Кукайа. Никто не может покорить этих людей: у них принято не расставаться с оружием ни на миг, они чрезвычайно осторожны и осмотрительны*».

Под горой Кукайа, вероятно, арабский географ подразумевал Урал, восходящий к наименованию Рипейских (Рифейских) гор античных писателей. Судя по надписи на карте ал-Идриси, в нижнем течении Русской реки располагалась Кумания, а в верховьях — страна, названная по имени живущего там народа, ан-Нибарийа. Специалисты считают, что наряду с чтением Нибарийа, из-за особенностей письма арабского текста, возможно также прочтение как Бинарийа или Бийарийа.

Относительно идентификации этой реки, народа *ан-нибарийа* и принадлежащих ему городов учеными было высказано немало различных мнений, причем очень противоречивых. Мы не будем останавливаться на всех предположениях и суждениях ученых людей, но об одном из них все же скажем.

Финский исследователь О. Талльгрен-Туулио предположил, что конъектура *Б(и)йармийа* опирается на одно из

чтений названия страны на арабской карте — *Бийарийа*, где буква *йа* заменяется на *мим*, что переписчик мог довольно легко сделать. По мнению ученого, речь идет о Биармии (Bjarmaland), находившейся, по представлениям скандинавов, на севере Восточной Европы. Вероятно, финский историк исходил из расширительной трактовки древнескандинавского хоронима *Бьярмаланд* как собирательного понятия, которым обозначались обширные территории в северной части Восточной Европы от Кольского полуострова до Ладожского озера, населенные финно-угорскими племенами.

О. Талльгрен-Туулио полагал, что источником сведений для ал-Идриси об этой земле и ее народе послужили фрагменты скандинавских саг и скальдической поэзии, дошедшие до сицилийского географа в пересказе информаторов, от которых он получил данные о других народах Северной Европы. Возможность передачи таких сведений он видел в неплохой информированности ал-Идриси о тех районах Северной Европы, которые имели тесные связи с Биармией, например о Финнмарке. Вероятней всего, что информатором для арабского географа был какой-то заезжий скандинавский купец-путешественник, проехавший от Черного моря по рекам Восточной Европы в северные русские земли по наезженному пути «из варяг в греки». Мы бы, в свою очередь, добавили, что сведения о Руси и Русской реке ему могли предоставить арабские купцы и путешественники, добиравшиеся до крайних северных пределов, и не исключено, сами *русы*, прибывшие для торговли в Средиземное море.

И в заключение, вернемся к пограничным рубежам Руси, указанным арабским географом. Ал-Идриси северной границей Руси считал *море Мрака*, под которым имелись в виду моря Северного Ледовитого океана. Мы уже

выяснили, как географ мог получить эти сведения, из каких источников.

Поэтому, полагая, что если сообщение ал-Идриси опиралось на скандинавские источники, тогда, по мнению И.Г. Коноваловой (авторы книги с ней абсолютно солидарны), приморскими русскими землями в данном районе были те области Европейского Севера, с которыми скандинавы вели торговлю и которые в древнескандинавской географической традиции назывались Биармией. О большом интересе новгородских купцов XII века к богатым пушниной северным территориям свидетельствуют и археологические материалы. Они же говорят о том, что в XII веке Северный морской путь играл определенную роль в торговле между Северной Русью и Финнмарком Норвегии.

Более того, сведения ал-Идриси о том, что северной границей Руси были моря Северного Ледовитого океана, можно рассматривать в одном ряду со сведениями древнескандинавских источников («Описание Земли I» и «Грипла»[1]) о зависимости Биармии от Руси и считать, по мнению этой исследовательницы, сообщение ал-Идриси хронологически первым свидетельством о существовании такой зависимости. Только вот от Руси ли? Мы бы не стали делать такой однозначный вывод.

«Описание Земли I» — самое раннее древнескандинавское географическое сочинение с описанием северных европейских стран, в том числе и Руси, составленное в XII в. Это название условное, предложенное Е.А. Мельниковой, вычленившей это географическое сочинение как самостоятельное (см.: *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М., Наука, 1986 г.). Исследователям известны также «Описание Земли II» и «Описание Земли III» более позднего происхождения. «Грипла» — еще один древнескандинавский географический трактат с описанием северных европейских стран, дошедший в составе двух поздних сборников (начало XIV в.) Текст «Гриплы» в значительной части близок «Описанию Земли I» (См.: *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М., Наука, 1986).

Не обошел вниманием легендарную Биармию и знаменитый русский писатель, великий историк, автор одного из значительных трудов в Российской историографии, фундаментального 12 томного произведения «История государства Российского» — Николай Михайлович Карамзин (1766—1826).

В первом томе «Истории» Карамзин дал описание северных областей России и того, какие в древности народы заселяли эти земли. Он как бы признает факт реального существования Биармии и приводит описание ее границ и стран, соседствующих с нею. Однако, выполняя основной постулат — подходить ко всему критически,— Карамзин недоверчиво относится к сообщениям скандинавских саг, тем более к известиям о загадочной и таинственной Биармии. Одновременно историк, знакомый с сочинениями Страленберга и Татищева, также безоговорочно высказывается за отождествление Биармии и Перми, обманутый, как и они, их звуковым сходством: «*Биармиею называли скандинавы всю обширную страну от Северной Двины и Белого моря до реки Печоры, за которой они воображали Иотунгейм, отчизну ужасов природы и злого чародейства. Имя нашей Перми есть одно с именем древней Биармии, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская губернии. Исландские повести наполнены сказаниями о сей великой финской области; но баснословие их может быть любопытно для одних легковерных*».

Во втором томе «Истории» Карамзин вновь возвращается к Биармии, ссылаясь опять на исландские саги, при этом не забывая все время указывать на их «баснословие». Одновременно историк и не отвергает вероятности торговых сношений между норвежцами и биармами, указав на

возможность их торговли с Пермью и камской Булгарией: «*Россиянам надлежало прежде овладеть всеми ближайшими местами Архангельской и Вологодской губернии, древним отечеством народов чудских, славным в северных летописях под именем Биармии. Там, на берегах Двины, в начале XI века, по сказанию исландцев, был торговый город, где съезжались летом купцы скандинавские и где норвежцы, отправленные в Биармию Св. Олофом, Ярославовым современником, ограбили кладбище и похитили украшение финского идола Йомалы. Баснословие их Стихотворцев о чудесном великолепии сего храма и богатстве жителей не входит в историю; но жители Биармии могли некоторыми произведениями земли своей, солью, железом, мехами торговать с норвежцами, открывшими в IX веке путь к устью Двины, и даже с камскими болгарами, посредством рек судоходных. Занимаясь рыбною и звериною ловлею, огражденные с одной стороны морями хладными, а с другой лесами дремучими, они* (биармы. — *Авт.) спокойно наслаждались независимостью, до самого того времени, как смелые и предприимчивые новгородцы сблизились с ними чрез область Белозерскую и покорили их, в княжение Владимира или Ярослава. Сия земля, от Белаозера до реки Печоры, была названа Заволочьем и мало-помалу населена выходцами новгородскими*».

Норвежцы до XIII века ходили на кораблях в Биармию, пишет далее Карамзин, ссылаясь на шведского историка Далина. Поэтому Белое море и часть Ледовитого океана, прилежащего к Архангельской губернии, в России долго назывались *Мурманским*, т. е. *Норманнским* или *Норвежским,* морем. Хотя Карамзин не исключал возможности происхождения названия *Мурманского моря* от другого слова — *поморский*, т. к. Татищев считал, что *маурена* обозначала на сарматском языке (финно-угорском. — *Авт.*) — *поморье.*

Название Заволочье, считает Карамзин, произошло от слова *волок,* означающего пространство между судоходными реками, через которое перевозили или перетаскивали суда. Заволочье имело и другое значение — это могло быть закрытое, лесное, так называемое *заволоченное* место. В прежние времена вся Двинская земля носила название — Заволочье.

В третьем томе Карамзин последний раз упоминает о Биармии, о ее угасающей славе, ставшей к тому времени данником Великого Новгорода, почерпнув сведения из Норвежской истории Торфея и Шведской — Далина, основных его источников о существовании страны биармов: «*Древняя Биармия, уже давно область Новогородская, все еще славилась торговлею, и корабли шведские, норвежские не преставали до самого XIII века ходить к устью Северной Двины. Летописцы скандинавские повествуют, что в 1216 году знаменитый купец их, Гелге Богрансон, имев несчастную ссору с биармским начальником, был там умерщвлен вместе со всеми товарищами, кроме одного, именем Огмунда, ушедшего в Новгород. Сей Огмунд ездил из России в Иерусалим и, возвратясь в отечество, рассказал о жалостной кончине Богрансона. Норвежцы хотели мстить за то биармским жителям и, в 1222 году прибыв к ним на четырех кораблях, ограбили их землю, взяли в добычу множество клейменного серебра, мехов бельих, и прочее*».

Здесь Карамзин пересказал содержание «Саги о конунге Хаконе», составленной в XIII веке исландцем Стурлой Тордарсоном, повествующей о последнем походе скандинавов в Биармию. Кроме того, в этой саге имеется и любопытное сообщение о таинственном появлении биармов в Норвегии, обосновавшихся в норвежском Тромсе, «*которые бежали с востока, прогнанные набегами татар*». Для жительства королем Хаконом им был уступлен залив Малангер.

Вопрос о том, как они могли добраться из Биармии в Норвегию, кажется, мы уже выяснили. Теперь хотелось бы ответить на другой не менее важный вопрос, а кем вообще могли быть эти *биармы*, что это был за народ, каковы причины появления их в Норвегии? Ведь не для крещения же, уверены, они пришли на судах к местному священнику. Почему именно в Норвегию, а ни в какое другое место или страну, добрались эти люди, спасаясь от кривых сабель беспощадных татар?

Но все по порядку. В «Саге о Хаконе Хаконарсоне» (правившем в Норвегии с 1218 по 1263 год) сообщаются любопытные факты, имеющие отношение к истории Руси. Сага, написанная в 1265 году исландцем Стурлой, сыном Торда и племянником небезызвестного Снорри Стурлусона, носит документальный характер. Считается, что автор саги пользовался архивными документами и устными сообщениями своих современников — короля Хакона и его сына Магнуса, с которыми он был близок.

Конечно, наибольший интерес представляет сообщение о переговорах короля Хакона с новгородским князем Александром Невским в 1251 году:

«В ту зиму, когда Хакон конунг сидел в Трандхейме, прибыли с востока из Гардарики послы Александра, конунга Хольмгарда. Звался Микьял и был рыцарь тот, кто стоял во главе их. Жаловались они на то, что делали между собой чиновники Хакона конунга и его сына на севере в Марке (Финмаркен. — *Авт.) и с востока Кирьялы, те, что платили дань конунгу Хольмгардов, потому что между ними постоянно было немирье — грабежи и убийства. Были тогда совещания, и было решено, как этому положить конец. Им было также поручено повидать госпо-*

жу Кристиан, дочь Хакона конунга, потому что конунг Хольмгардов велел им узнать у конунга, не отдаст ли он госпожу ту замуж за сына Александра конунга. Хакон конунг решил так — послал мужей из Трандхейма весной, и поехали на восток в Хольмгард вместе с послами Александра конунга. Стояли во главе их Виглейк, сын священника, и Боргар. Поехали они в Бьюргюн (ныне Берген. — *Авт.), а оттуда Восточным путем. Прибыли они летом в Хольмгард. И конунг принял их хорошо; и установили они тут же мир между своими данническими землями так, чтобы не нападали друг на друга ни Кирьялы, ни Финны; и продержалось с тех пор это соглашение недолго. В то время было немирье великое в Хольмгарде; напали татары на землю конунга Хольмгардов. И по этой причине не поминали больше о сватовстве том, которое велел начать конунг Хольмгарда. И после того, как они исполнили порученное им дело, поехали они с востока обратно с почетными дарами, которые конунг Хольмгарда послал Хакону конунгу. Прибыли они с востока зимой и встретились с Хаконом конунгом в Вике*».

Итак, вероятно, в 1251 году между Александром Невским и норвежским королем Хаконом был заключен, по мнению специалистов (И.П. Шаскольского, Е.А. Рыдзевской, других), какой-то не дошедший до нас, *первый* (?) русско-норвежский договор. Одновременно Александр Невский не упустил возможности породниться с норвежским королем, решив женить сына на его красавице дочери. Но как видно из текста саги, из-за набега татар на новгородские земли сватовство не состоялась. Правдиво ли это сообщение саги? Обратимся к отечественным историкам.

К сожалению, В.Н. Татищев ничего не сообщил о переговорах русского и норвежского правителей, а вот Н.М. Карамзин очень подробно рассказал о поездке новгородского посольства в Норвегию: «*Александр выздо-*

ровел, желая оградить безопасностию северную область Новогородскую, отправил посольство к норвежскому королю Гакону в Дронтгейм, предлагая ему, чтобы он запретил финмарским своим подданным грабить нашу Лопь и Корелию. Послам российским велено было также узнать лично Гаконову дочь, именем Христину, на коей Александр думал женить сына своего, Василия. Король норвежский, согласный на то и другое, послал в Новгород собственных вельмож, которые заключили мир и возвратились к Гакону с богатыми дарами; но с обеих сторон желаемый брак не мог тогда совершиться, ибо Александр, сведав о новых несчастиях Владимирского княжения, отложил семейственное дело до иного, благоприятнейшего времени и спешил в Орду, чтобы прекратить сии бедствия».

Из содержания приведенного текста можно сделать вывод, что в 1251 году действительно между российской и норвежской сторонами был заключен какой-то мирный договор («мир»), вероятно, определяющий границы двух государств, ставших соседями на далеком Севере в районе Финмарка и Лапландии, входившей к тому времени в состав Новгородского княжества. В указанных районах происходили постоянные стычки между сборщиками дани норвежских посыльных и саамами и карелами — *даньщиками* Великого Новгорода. Вероятно, иногда случались «грабежи», наоборот, и со стороны карел, выражающиеся попытками отбора пушнины у норвежских сборщиков дани. Поэтому потребовалось срочное государственное урегулирование отношений между северными странами.

Далее в «Саге о конунге Хаконе» говорится: «*Князь суздальский Андрей, брат Александра, князя Хольмгардского, бежал (1252) с востока, прогнанный татарами, сначала в Хольмгард (Новгород), потом через Ревель в Швецию, к Биргеру ярлу…*

Великий князь Владимирский и Суздальский Андрей Ярославич (1221—1264) и великий князь Новгородский и Владимирский Александр Ярославич (Невский, 1221—1263), хотя и были братьями, постоянно соперничали. После неожиданной смерти отца Ярослава Всеволодовича в 1246 году, которому накануне от хана Батыя был вручен ярлык великого князя Владимирского на управление покоренными русскими землями, Андрея и Александра вызвали в ставку Золотой Орды. С 1249 года Александр Невский получил в управление опустошенную набегами татар южную Русь и Киев, а младший брат Андрей получил ярлык великого князя Владимирского. Александр, затаив обиду, в свои владения не поехал, а вернулся обратно в Новгород, где тяжело заболел. После выздоровления отправил посольство в Норвегию, о котором уже говорилось.

Андре́й, зять Даниила Галицкого, отправился во Владимир и спокойно княжил здесь два года. Как пишет Карамзин, Андрей «*имел душу благородную, но ум ветреный и неспособный отличать истинное величие от ложного*», занимался больше охотой, чем управлением княжеством. Он был честным, прямым, ненавидел прямое угодничество старшего брата перед ханом, не смирился, но и не мог избавиться от зависимости татарского ярма. Поэтому неисправно платил дань Орде, совместно с Даниилом Галицким, чуть ли не открыто стал выказывать признаки неповиновения татарам. Старший брат князя Андрея решил не упустить момента, в 1252 году отправился к хану и пожаловался на него.

В результате своего прошения Александр от татар получил великое княжение Владимирское. А 24 июля 1252 года произошло великое сражение у Переславля, на Клещине озере, где князь Андрей потерпел поражение и был наголову разбит. По свидетельству Карамзина, обрадованные случаем отомстить мятежникам за непослуша-

ние, орды татар рассыпались по суздальским и владимирским землям, сея всюду смерть и ужас. Охваченные страхом люди бросали свои жилища и бежали подальше в леса и болота, где их не могла достать татарская конница.

Великий князь Андрей Ярославич сам едва спасся, ушел с остатками своей дружины на Новгород, но жители отказали ему в прибежище, посчитав за заклятого врага новгородского князя Александра Невского. Дождавшись свою княгиню в Пскове, пошел оттуда на Колывань или Ревель, а затем через Ригу отбыл на судне в Швецию, и как отметил Татищев, «*там местер встретил его, и принял его с великою честию*». И не удивительно, как еще его мог встретить правитель страны Биргер-ярл, заклятый враг князя Александра, сам в 1240 году чудом оставшийся в живых при избиении шведов в устье Ижоры, когда те пытались захватить Великий Новгород. По свидетельству летописца, в бою Александр Невский нагнал Биргера и хватил его острым копьем по голове, «*возложив ему печать на лицо*».

Кстати, в «Саге о конунге Хаконе» есть еще один фрагмент, представляющий интерес для историков, т. к. нижеприведенных сведений о деятельности за рубежом князя Андрея Ярославича, мы не найдем ни в одной русской летописи: «*Когда Хакон конунг стоял у Линдисхольма, Биргер ярл был к востоку от реки со своим войском близ Guiibergseid. У ярла было 5000 человек. Там было с ним много знатных мужей <…> и многие другие знатные вожди из Швеции. Там был также с ярлом Андрес, конунг Surdalir* (Суздаля. — *Авт.), брат Александра, конунга Хольмгарда; он бежал с востока от татар*».

Выяснилось, что в Швеции он стал служить в войске правителя страны, Биргера-ярла, и участвовал в военных действиях против Норвегии. По свидетельству Татищева, князь Андрей Ярославич три года находился у шведов, а

затем был прощен братом и в 1255 году вернулся на Русь, где до своей кончины княжил в Суздале.

Давайте вернемся к нашим *биармам*. В «Саге о конунге Хаконе» после всех указанных событий имеется еще одно интересное сообщение, цитированное нами. В саге этот текст не датирован, находится в заключительной главе, где дается обзор деятельности норвежского короля Хакона, в основном строительной. Именно в этом фрагменте саги находятся сведения об удивительном крещении биармов в Норвегии: «*Хакон конунг <...> велел построить церковь на севере в Трумсе и окрестил весь тот приход. К нему пришло много бьярмов, бежавших с востока от нашествия татар, и окрестил он их, и дал им фьорд, называемый Малангр*».

Норвежские историки П. Мунк, О. Йонсен и другие обычно относят это известие к 1238 году, поскольку в нем упоминается нашествие татар, происшедшее именно в это время на Владимиро-Суздальскую и Новгородскую земли. Однако точность подобной датировки сомнительна, совершенно справедливо заметила Е.А. Рыдзевская, т. к. помимо этого нападения татары и позднее появлялись в северной половине Восточной Европы, например, в 1252 году.

Прежде всего, исследовательницу волновал вопрос, кто подразумевался под именем сбежавших от татар «бьармов». Это были явно не саамы и не карелы, — автор саги их хорошо знал и обязательно бы назвал своими именами, — а какое-то совершенно другое племя, жившее на севере Восточной Европы. Тогда это *биармы*, жители Биармии скандинавских саг, т. е. скорее всего Подвинья? — справедливо задает она вопрос. Историка смутило одно обстоятельство, уважаемая Елена Александровна посчитала, что они бежали за несколько тысяч верст по суше через северные леса и горы в Норвегию от татар, кстати, не заходивших севернее Суздальской и Новгородской земли.

Поэтому она не могла с полной уверенностью сказать, что действительно эти люди (биармы) могли бежать с указанных мест. А Рыдзевская была очень близка к отгадке.

В 1252 году, когда бежал князь Андрей, татары беспощадно расправились с населением владимиро-суздальской земли. Бросив скот и пожитки, люди ушли в непроходимые леса и болота, куда не мог добраться конный татарин.

Многие подались на Север, пробираясь туда древними водными путями, проложенными предками, — по рекам, волокам, до самой Северной Двины, к побережью Белого моря. Узнавшее от беженцев о нашествии татар, жестокости и беспощадности кочевников, местное население — жители Подвинья — биармы скандинавских саг, сразу врало в панику. Некоторые из них, не выдержав, в страхе собирали свой нехитрый скарб, грузили в ладьи и уходили в Белое море. Издревле знакомым для них маршрутом шли вдоль восточного берега Терского наволока, огибали Нордкап и, оставляя слева по борту Финмарк, приходили к Тромсе.

Нельзя исключить и того, что биармам, как данникам Великого Новгорода, было известно о заключении накануне, в 1251 году, мирного договора между королем Хаконом и новгородским князем Александром Невским. Следует указать на еще один момент: коренные жители Подвинья (биармы или летописная чудь заволоцкая) могли быть проводниками в морском походе княжеского посольства в Норвегию, т. к. это был самый безопасный путь к королю Хакону. Давайте вспомним, в каких «дружеских» отношениях в это время находились два правителя — Александр Невский на Руси и Биргер-ярл в Швеции. Наверняка второй воспользовался бы возможностью захватить в Балтийском море посольские суда русского князя и отомстить. Причем Швеция, как выше упо-

миналось, в это время находилась в состоянии войны и с Норвегией.

Кого-то, может быть, смутило то обстоятельство, что посольство Александра Невского, как в саге говорится, прибыло в Норвегию зимой. Как же можно добраться до Норвегии в такую стужу? Но именно это сообщение саги как раз и подтверждает вероятность нашей гипотезы. Ведь посланцы Александра Невского могли спокойно добраться на санях и на оленьих упряжках по зимнику до Колы, а оттуда (из не замерзающего круглый год Кольского залива) уже на морских судах отправиться к норвежскому конунгу Хакону.

Н.М. Карамзин через Тормода Торфея знал о приходе и крещении биармов в Норвегии. К сожалению, как сторонник отождествления Биармии и Перми, он невольно ввел читателей своего бессмертного труда в заблуждение. Подводя итоги княжения Святослава Всеволодовича, Александра Невского и Алексея Ярославича, в 4-м томе историк указал на распространение завоеваний татарской Орды. При этом, ссылаясь на «Историю Норвегии», он уверенно написал, что «*моголы более и более распространяли свои завоевания и чрез Казанскую Болгарию дошли до самой Перми, откуда многие жители, ими утесненные, бежали в Норвегию, где король Гакон обратил их в веру христианскую и дал им земли да поселения*». Но в «Истории Норвегии» нет упоминаний о Перми, там говорится о Биармии.

Ошибся великий историк, не было такого, — севернее Владимира и Суздаля татары земель не завоевывали (за исключением Великого Устюга, где иногда собирали дань) и до Перми никогда не доходили. Не могли норвежские писатели указать в своих сагах и нашу летописную Пермь, т. к. они такого топонима и тем более этнонима не знали. Неверное отождествление Биармии и Перми привело

Карамзина к ошибочному выводу, что татары так далеко проникали на Север и чуть ли не покорили Пермь, жителям которой якобы пришлось спасаться в Норвегии.

В 1834 году в очень популярном ежемесячном журнале «Библиотека для Чтения» была опубликована статья Осипа (Юлиана) Ивановича Сенковского (1800—1858) известного русского писателя, литературного критика, блестящего ученого-лингвиста и востоковеда, под названием «О значении скандинавских саг для русской истории». Это был период, когда после выхода исторического труда Карамзина возродился интерес к истории России, в этой связи начали появляться первые переводы скандинавских саг на русский язык и комментарии к ним — о влиянии их на историю нашего государства, особенно историю его древнейшего периода, так туманно и противоречиво изображенного летописцами.

В этой статье также говорилось и о Биармии, ее географическом положении: «*Бярмия иногда принимается в общем значении северо-восточной части нынешней России <...> Бярмия была совсем не то, что полагал о ней Карамзин. Бярмия еще в XI веке считалась многолюдным и сильным государством и производила значительную торговлю. <...> Скандинавские саги наполнены с VIII столетия известиями о набегах на Austurweg и Бярмию, т. е. на нынешнюю Россию*».

Сенковский призывает ученых серьезнее отнестись к известиям скандинавских саг, касающихся истории нашего государства, одновременно сетуя на то, что «*если бы могли знать все скандинавские саги того времени, или, по крайней мере, все уцелевшие, но досель неизданные, верно нашли бы в них источник многих событий, приводимых нашим летописцем*».

Особенно он просил обратить внимание на «Сагу об Эймунде», составленную в 1387 году и, по его словам, *«столь любопытную во всех своих частях, новым и прекрасным светом озаряющую наш XI век»*, и, как оказывается, не зря. Остановимся поподробнее на содержание саги, т. к. в ней имеются любопытные сведения, значительно отличающиеся от сообщенных нашими летописями.

Действие происходит в Гардарики (якобы так называли скандинавы нашу Русь), и главным содержанием саги является вражда двух исторических персонажей — братьев Ярислейфа (Jarisleifr) и Бурислейфа (Burisleifr). Большинство историков считает, здесь речь идет о великом князе Киевском Ярославе Мудром (978—1054) и его старшем брате, князе туровском и киевском Святополке Окаянном (980—1019), якобы прозванном так народом за убийство своих братьев Бориса, Глеба и Святослава.

Хотя сразу бросается в глаза такое разночтение в именах русских братьев-князей, но, судя по тем событиям, которые описываются в саге, и как считают наши историки, повторимся, в ней говорится о Святополке I. Хотя авторы настоящей книги в этом глубоко сомневаются, полагая, что скандинавские писатели запечатлели в саге фрагменты борьбы между братьями Ярославом Мудрым и князем Борисом, а не со Святополком.

Как гласит официальная история, после гибели трех братьев от руки своего старшего брата Святополка, Ярослав Мудрый решил изгнать его из Руси. В это время в Гардарики находился герой саги Эймунд со своим войском норманнов.

Он предложил Ярислейфу помощь в сражениях с Бурислейфом. В первом бою при значительной поддержке норманнского войска Ярислейф одержал внушительную победу над ратью старшего брата. По мнению оте-

чественных историков, это сражение произошло поздней осенью 1016 года у городка Любеча.

Хотя никто не видел мертвым Буриславейфа, однако все говорили, что он погиб в том бою. Но это были непроверенные слухи. На самом же деле Буриславейф бежал и зимой стал собирать новое войско.

Как говорится в саге, успокоившийся Ярислейф правил своими княжествами «по совету и разуму Эймунда конунга», а норманны были в большой чести и уважении у Великого князя. Однако пришло время платить норманнскому войску за услуги по защите княжества. Русский князь, думая, что началась спокойная мирная жизнь, решил отказаться от услуг скандинавов. Оказалось, что рано. Ярислейфу «*Эймунд отвечает: «Мне говорили, что Буриславейф конунг жил в Биармаланде зимой, и узнали мы, наверное, что он собирает против тебя великое множество людей, и это вернее*».

Получив такое известие, Ярислейф тут же нашел деньги и заключил с норманнами договор о сотрудничестве еще на двенадцать месяцев. Сразу стали укреплять город. Затем Ярислейф приказал вывести всех женщин на городские стены со своими драгоценностями и насадить на шесты толстые золотые кольца и парчу, тканную золотом, чтобы их было далеко видно. Посчитав, что биармы очень жадны до драгоценностей, князь был уверен, что они обязательно нападут на город. Буриславейф вышел со своей ратью к городу, биармы пошли в атаку, и, не заметив глубокого рва перед стенами из-за выставленного на обозрение золота, часть их обрушилась в него и погибла.

Собрав остатки войска, биармы снова пошли на приступ городских стен и, несмотря на большие потери, ворвались внутрь города. Когда Эймунд с большим отрядом увидел, что биармы уже вошли в город (тут как обычно во всех скандинавских сагах, герои которых никогда не

знают горечь поражения), он разгромил нападавшее войско: «*И побежали из города все бьярмы, которые еще уцелели, и бежит теперь Бурислейф конунг с большими потерями людей. А Эймунд и его люди гнались за беглецами до леса и убили знаменщика конунга, и снова был слух, что конунг пал…*

В свое время между исследователями возник спор, где же Святополк мог собрать свое новое войско для борьбы с братом. По мнению некоторых ученых, под биармийцами здесь надо понимать печенегов, т. к. первые якобы являются вымыслом автора саги, который был больше знаком с биармами, чем с печенегами. Однако с этим заявлением трудно согласиться, печенеги, представлявшие собой объединения тюркских племен, были скотоводами-кочевниками и располагались не на севере и даже не на северо-востоке нынешней России, а на юге или юго-востоке, поэтому, как справедливо заметила знаток скандинавских саг Т.Н. Джаксон, биармийцев никак не следует отождествлять с печенегами. Составители саги знали, что Святополк сбежал в какие-то отдаленные земли, а для них территорией, граничившей с Гардарики, выступала как раз Биармия. О.И. Сенковский тоже был твердо уверен, что «*Святополк ушел от Любича к Северу, к финским племенам, обитавшим в той стороне, частью в земледельческом, частью в кочевом состоянии. <…> Печенеги у нас и бярмийцы у норманнов нередко означали разные поколения, обитавшие в восточной России, которые теперь ученым образом называем мы финскими*».

Абсолютно был прав Сенковский и в том, когда призывал исследователей обратить серьезное внимание на содержание «Саги об Эймунде». Действительно, ученые давно заметили несоответствие некоторых событий, описанных в наших летописях и указанной скандинавской саге. Кроме того, историков смутило то обстоятельство, что

имя брата Ярослава — Бурислейф, никак не похожее на имя Святополка. В Бурислейфе можно скорее узнать искаженное скандинавами имя Бориса — Борислава, старшего брата Ярослава и Святополка. Тогда получается, что Ярослав воевал не со Святополком, а с Борисом?

А что же говорят нам отечественные историки об упомянутых персонажах этой саги? Татищев пишет, что в 1010 году великий князь Владимир роздал во владения своим сыновьям следующие города: Ярославу — Новгород, Борису — Ростов, бывшую вотчину Ярослава, Глебу — Муром, бывшую вотчину Бориса, который, подчеркнул Татищев, «*пребывал при отце неотлучно*». А о Святополке историк пока не упомянул, сообщение о нем появится чуть позднее.

В 1014 году киевский князь Владимир решил отправить войско в воспитательных целях против окончательно отбившегося от рук сына Ярослава, засевшего в Великом Новгороде и отказавшегося платить отцу ежегодную дань в размере 3000 гривен. Но к тому времени Владимир, обиженный сыном, заболел и отказался от своей затеи. Убоявшись нападения отца, Ярослав именно тогда послал своих людей к варягам за подмогой, и те не замедлили явиться в Новгород с большим войском, как упоминается в саге об Эймунде.

Кроме болезни Владимира, выдвижению карательного войска из Киева помешало еще одно обстоятельство, — в 1015 году на Русь пошли печенеги, и надо было защищать киевскую землю. Владимир послал против них войско под водительством сына Бориса. Но вскоре, не справившись с недугом, великий князь Владимир умирает в возрасте 67 лет.

Как пишет Татищев, в это же время Святополк находился в Киеве по своим делам. Именно он предотвратил попытку княжеского окружения скрыть факт смерти

Владимира: те, завернув тело в ковер, вынесли на улицу и положили около церкви, не сказав, кто там лежит. Узнав о таком издевательстве над покойным, Святополк приказал привезти тело в Киев и положить его в церкви Пресвятой Богородицы, которую Владимир сам построил.

Далее Татищев сообщает, что Святополк якобы захотел овладеть Киевом в отсутствие брата Бориса, зная о том, что Владимир завещал тому весь город «*со всею принадлежащею к нему областию*». Борис же, не найдя почему-то внезапно исчезнувших печенегов, повернул обратно домой и по дороге, получив известие о смерти отца, «*весьма опечалился и большую часть войска распустил*». Затем, как повествует историк, Святополк решил избавиться от брата, подослав к нему наемных убийц. Якобы он сказал им: «*Убейте Бориса, чтоб никто не сведал*». Наемники немедля собрались и отправились навстречу Борису, у которого уже не было войска. Его шатер стоял на берегу реки Ольты.

И тут в летописях начинается что-то непонятное и мало объяснимое с точки зрения логики. Один из подручных Бориса предупредил его, что пришли наемные убийцы и хотят его погубить. Но, что удивительно, тот смиренно помолился и лег в постель. Естественно, подосланные убийцы, не встретив достойного отпора, быстро окружили шатер и закололи Бориса, а заодно умертвили его слуг. Затем Бориса, оказавшегося почему-то живым, замотали в ковер и привезли в Вышгород. Святополк якобы, узнав, что Борис жив, послал снова двух варягов добить его, которые завершили свое черное дело, проколов Бориса мечом пониже сердца. Так, ссылаясь на летописи, писал Татищев.

И все же тут есть какая-то нестыковка. Почему же Борис, смирено, как бычок, пошел под нож убийц, ведь про него не скажешь, что он был трусом. Накануне он

лихо скакал со своим войском сражаться с печенегами, а тут как смиренный раб подчинился злой воле брата. Но только вот — какого брата?

Теперь снова вернемся к содержанию «Саги об Эймунде». В ней говорится о двух норвежских ярлах, Эймунде и Рагнаре, которые, будучи изгнанными из Норвегии, пришли в Гардарики и нанялись на службу к конунгу Ярислейфу (Ярославу). Пришли они к нему по одной причине: узнав о распрях сыновей Владимира, решили подзаработать воинской службой у одного из них, причем у самого сильного. Об этом герой саги Эймунд сам говорит: *«Я скажу вам мое мнение, если вы желаете: я узнал о кончине конунга Вальдамара (Владимира), на востоке, в Гардарике, и теперь это владение держат три его сына, мужи самые доблестные. Но он разделил владение свое между ними едва ли поровну, потому что один из них имеет областей более, нежели два другие. Один называется Бурислейф и получил самую большую часть отцовского наследства: он же и самый старший между ними; другому имя Ярислейф; третьему Вратилаф. Бурислейф имеет Кенугард (Киев), Ярислейф — Гольмгард (Новгород), а третий правит Палтеском (Полоцком)… Теперь мне пришло в голову: не покажется ли вам удобным, чтоб мы отправились туда, и повидались с теми конунгами, да пристали б к какому-нибудь из них, а всего лучше к тому, кто хочет удержать свое владение за собою и доволен так, как отец поразделил между ними?»* (Эймундова сага, перевод О.Н. Сенковского).

Большинство исследователей, да и сам Сенковский считал, что под Бурислейфом надо подразумевать Святополка. Но это неправильное суждение, в саге четко указано, что Бурислейф был старшим сыном, а Святополк считался младшим сыном (вернее, даже пасынком). Это также противоречит содержанию летописей, да и нашим

именитым историкам. Татищев утверждает, что Борис у князя Владимира «*пребывал неотлучно*», значит, все это время находился в Киеве. О Святополке он пока подозрительно умалчивает. А Ярослав стал собирать войско против князя Владимира, намереваясь дать отпор, когда тот потребовал непосильную дань, и при этом Ярослав наверняка «не задыхался» от любви к своему брату Борису, занявшего сторону отца.

Далее в саге говорится, что однажды к Ярислейфу пришло письмо от брата Бурислейфа, в котором тот требовал передать в его владения несколько деревень, удобных для сбора налогов (дани). Естественно, Ярислейф ответил отказом на требования брата и стал готовиться к войне. (Очень похоже на изложение наших летописей, только где тут Святополк?)

Тогда оба конунга Гардарики созвали своих людей и встретились, как повествует сага, у речки с большим лесом. Простояв четыре дня в полной боевой готовности, братья все же решились на битву. К тому времени варяги зашли с тыла, и рать Бурислейфа была сломлена, его люди разбежались по полю. Пронесся слух, что сам Бурислейф убит, Ярислейф взял огромную добычу после этого сражения. (Здесь речь идет о сражении при Любече в 1016 году.)

Слухи о смерти Бурислейфа оказались ложными. Герой саги Эймунд откуда-то узнал, что этот конунг после битвы бежал и всю зиму прожил в Биармии. Бурислейф там собрал большое войско, готовое снова выдвинуться на Ярислейфа. Потом произошло второе сражение, обо всем этом выше уже упоминалось. При попытке взять приступом город Ярислейфа, войско Бурислейфа вторично, и не без помощи норманнов, потерпело сокрушительное поражение, а сам он едва спасся бегством.

Вскоре пронесся слух, что конунг Бурислейф снова «*вошел в Гардарик с огромною ратию и многими злыми народами*». Эймунд со своим родственником Рагнаром и десятью варягами направились ему навстречу. В лесу, когда наступила ночь, они подкрались к шатру Бурислейфа, где тот отдыхал, и как сообщает сага: «*Эймунд еще с вечера тщательно затвердил в памяти то место, где конунг спит в своей палатке: он двинулся туда и быстрыми ударами нанес смерть ему и многим другим. Достав Бурислейфову голову в свои руки, он пустился бежать в лес, — мужи его за ним, — и их не отыскали. Оставшиеся в живых Бурислейфовы мужи были поражены ужасным испугом от этого страшного приключения, а Эймунд со своими людьми ускакали прочь. Они прибыли домой утром, очень рано, и пошли прямо в присутствие конунга Ярислейфа, которому наконец донесли с достоверностью о кончине конунга Бурислейфа*».

Все прекрасно знают из истории, что Святополк подобным образом не погибал и сам себя «не заказывал» летописным киллерам. Зато в древнерусских источниках, а также у Татищева и Карамзина, можно найти подобную картину смерти другого великого князя — Бориса: «*И се нападоша акы зверье дивии около шатра. И насунуша и копьи, и прободоша Бориса и слугу его*» (1015 г. Лаврентьевская летопись, ПСРЛ, т. 1.).

Выходит, все же о Борисе говорится в саге. Действительно, историки уже давно стали склоняться к мысли, что Бурислейф саги это не Святополк, а Борис. Тогда получается, что Бориса приказал убить прославленный в веках летописцами Ярослав Мудрый, а на бедного Святополка навесили «всех собак». Давайте разберемся, мог ли вообще Святополк воевать с Ярославом и быть убийцей своих сводных братьев.

Недавно появился полный перевод «Хроники» Титмара Мерзебургского из Саксонии, освещающей, в том числе и годы правления Владимира. Его современник епископ Титмар (он работал над хроникой в 1012—1018 гг.), представил уникальные сведения о Древней Руси, имеющие огромное значение в ее изучении. Специалисты считают, что заключительная часть правления Владимира очень скупо освещена древнерусскими источниками. Все, что известно об этом периоде из «Повести временных лет», исчерпывается несколькими скудными записями, поэтому исследователям при написании истории Российского государства приходится зачастую даже импровизировать. Не избежали этого, кажется, и наши известные историки Татищев и Карамзин.

А в «Хронике» Титмара из Мерзебурга сообщается следующее: «*VII, 72. Идя далее в своем повествовании, я расскажу ради осуждения об образе действий короля Русского Владимира. Взяв себе из Греции жену, по имени Елена, которая была просватана за Оттона III, но коварным образом отнята у него, он по ее убеждению принял святую веру, которую не украсил праведными трудами. Ведь он был без меры чувственен и свиреп, причинив изнеженным данайцам много вреда. Имея трех сыновей, он отдал в жены одному из них дочь князя Болеслава* (польского князя Болеслава I. — *Авт.*). <…> *Названный король, услышав, что сын его, подстрекаемый Болеславом, тайно готовится восстать против него, схватил его вместе с женой и названым отцом и заключил их, отдельно друг от друга, под стражу.* <…> *VII, 73.После этого дни короля истекли, и он умер, оставив все наследство двум своим сыновьям; третий сын тогда находился в тюрьме, откуда позже, улизнув, бежал к тестю; в тюрьме, правда, осталась его жена».*

Не будем останавливаться на некоторых неточностях Титмара: он неверно называет жену-гречанку Владимира Еленой вместо Анны, не знает, что у Владимира было не три сына, а двенадцать. Но стоит, конечно, обратить внимание на уникальные сведения о женитьбе младшего сына (вернее пасынка) Владимира на дочери польского короля Болеслава (позднее выясняется, что это именно Святополк), а также о его заключении в темницу вместе с женой. Этих сведений мы не найдем ни в одной древнерусской летописи.

Как видно из сообщения Титмара, после смерти Владимира наследство досталось двум братьям, и конечно не Святополку, томящемуся в темнице, а Борису и Ярославу. И наверняка из-за наследства между ними возникла борьба не на жизнь, а на смерть. Святополку же ничего не оставалось делать, как срочно бежать к своему тестю, польскому королю Болеславу, оставив даже свою жену в заключении. Появился он на Руси позднее вместе с Болеславом, только в 1018 году. А, как известно из летописей, к тому времени уже были убиты его сводные братья Борис, Глеб, Святослав. Позднее летописцы свалили всю вину на Святополка и обозвали его Окаянным, стараясь обелить Ярослава Мудрого.

В 1015 году, после смерти Владимира и бегства Святополка в Польшу, в Киеве утвердился Борис, опиравшийся на союз, по одной версии, с печенегами (это противоречивое утверждение, в это время, по летописным данным, он активно воевал с ними), по версии же авторов книги, — это были действительно жители неведомой страны — Биармии, обиженные на великого князя за плату неимоверно высокой дани Новгороду. А Ярослав, в свою очередь, как уже известно, заключил союз с варягами — выходцами из Норвегии. Между братьями началась междоусобица, закончившаяся гибелью Бориса. Захватив

Киев, Ярослав чувствует себя там неуверенно и после поражения на Буге в 1018 году бежит не в Киев, а в родной Новгород. Только после этого в Киеве утверждается Святополк, правивший в нем всего 11 месяцев, а затем снова изгнанный братом Ярославом.

Исследователи подметили одну странность в этой истории — спустя много десятилетий потомки Ярослава Мудрого продолжали называть своих сынов Святополками. Имя того, кто заклеймен как убийца первых русских святых, носил внук Ярослава, сын Изяслава Ярославича (скончался почти через сто лет после Окаянного тезки, в 1112 году), в той же ветви Ярославичей еще через три поколения появляется новый Святополк (умер в 1190 году); праправнук Ярослава — потомок другого его сына, Всеволода, также носит имя «святоубийцы» (умер в 1154 году). Только после этого Святополки исчезают из великокняжеских родословных.

Почему князья продолжали называть своих сынов именем человека, преданного летописцами анафеме? Сам Ярослав Святополка братоубийцей никогда не называл, вероятно, дали ему прозвище Окаянный не сразу, а позднее, ориентировочно с середины XII века.

По одной версии, творцом легенды об Окаянном Святополке можно считать Владимира Мономаха (1053—1125), при котором игумен Сильвестр составил вторую версию «Повести временных лет», т. к. именно после правления Мономаха имя Святополк исчезает из княжеского именослова. Прозвище Окаянный он присвоил не брату своего деда Ярослава Мудрого, а двоюродному брату Святополку Изяславичу, поднявшему руку на родственника, двоюродного племянника теребольского князя Василька Ростиславича, ослепив его.

По другой версии, Святополк был причислен к религиозным противникам греческого духовенства, имев-

шим в то время большое влияние на Руси. Это они присвоили ему страшное прозвище Окаянный, означающее по церковным понятиям «злой дух, нечистый, сатана». Его посчитали противником христианства, попытавшегося восстановить позиции языческой веры. Именно поэтому Святополк был задним числом дискредитирован как братоубийца и навеки проклят.

К числу следующих апологетов Биармии — Перми можно смело отнести историка и востоковеда, известного археолога и знатока нумизматики Павла Степановича Савельева (1814—1859). В 1846 году появился его, увенчанный Демидовской премией и сообщавший немало новых сведений по древней русской истории, капитальный труд «Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории».

В своей книге П.С. Савельев отождествляет Пермь с древней Биармией, располагая ее в северо-восточной России, от Белого моря до Уральских гор. Для Савельева *беормы* норвежского путешественника Оттара однозначно — *пермяки*, а Vina скандинавских саг — река Двина.

У него появляются сомнения в правдивости саг, и, находя известия скандинавов крайне преувеличенными, Савельев, тем не менее, признает историческим фактом существование торговых связей норманнов с Биармией, по крайней мере, начиная с IX века. Монеты, похищенные норвежцами из храма Йомалы, Савельев считает куфическими, монеты могли попасть в Биармию лишь благодаря сношениям с булгарами. Одним из первых Савельев указывает на связи новгородцев с биармами, которые первоначально были очень сложными: «*Подобно скандинавам новгородцы вели с Биармией и торговлю, и войну*».

Путь из Новгорода на Восток, считал ученый, шел тогда Северной Двиной, Вычегдой, Печорой через Камень на Урал. Новгородцы ходили туда Пермью, Печорой и Югрой. Другого удобного пути за Урал в то время еще не знали. А в Заволочье, уверял он, новгородцы проникли еще раньше.

По свидетельству летописей, в XII веке югорцы уже были данниками новгородскими, а если в более раннюю пору туда совершали походы, то, значит, считал Савельев, эта страна была достаточно знакома и безопасна для новгородцев. Торговые отношения с Биармией, по его мнению, начались еще в глубокой древности, и существовали не только в VIII—X вв., но даже в VI веке.

Позднее Савельева поддержал исследователь из Перми А.А. Дмитриев. «*Надо оставить все сомнения,* — говорил он, — *в существовании торгового пути из волжско-камской Булгарии в Пермь Великую и далее — в Пермь Вычегодскую и на устья Северной Двины, в Заволочье-Биармию. В Булгарию же этот путь шел через Хозарию с юга, из Азии, как положительно свидетельствуют находки монет и разных ценных вещей, имеющих явное происхождение с Востока*».

По свидетельству А.А. Дмитриева, на развалинах древнего Булгара на Волге уже давно находили множество восточных монет и разных драгоценных вещей: золотых, серебряных и бирюзовых серег, браслетов и перстней, части металлических зеркал, бус, металлических украшений конской упряжи и т. д. Древнего серебра в Булгаре находили так много, что, по откровенному признанию одного казанского купца, торговавшего в «серебряном ряду» на рынке, «на своем веку» он один переплавил до 8 пудов булгарских серебряных монет и всяких древних вещей.

П.С. Савельев своими авторитетными работами по археологии и нумизматике еще раз убедил ученых: ис-

ториков, археологов, этнологов, что Биармия и древняя Пермь — это одно то же понятие, что в скандинавских сагах под названием Бьярмаланда прославлялся именно Пермский край со своей столицей Чердынью.

Заметное влияние на русских историков в части изучения Биармии, ее локализации и отождествления с Пермью оказали финские ученые начала и середины XIX века. Одним из них был филолог и лингвист Иоганн Андреас Шёгрен (1794—1855), впоследствии ставший академиком Российской Императорской академии наук.

В начале XIX века среди финской интеллигенции резко возрос интерес к своим этническим корням, а, следовательно, к истории народов, говорящих на финно-угорских языках. Присоединение Финляндии к России открыло для финнов новые возможности исторических, лингвистических, фольклорных и других исследований. Огромный вклад в их развитие внес и финский ученый А.И. Шёгрен.

Являясь сторонником отожествления Биармии и Перми, Шёгрен утверждал, что *Пермь* является просто новгородской переработкой слова *Биармия*. Пытаясь выяснить значение слова *Пермь*, он выводил его происхождение от *финско-зырянско-пермяцких* корней. Он же является автором идеи, что *Пермь* получила свое название от финского слова *Perätaa,* означающее *задняя сторона* или *задняя земля.*

По инициативе Шёгрена, другой известный финский ученый, знаменитый лингвист и путешественник Матиас Александр Кастрен (1813—1852), начиная с 1838 года, предпринял ряд экспедиций по Северной Европе, Уралу, Сибири и Дальнему Востоку с целью изучения этногра-

фии северных народов, доказательства родства самодийских языков с финским.

Путешествуя по Северу, Кастрен становится убежденным сторонником существования Биармии, являющейся, по его мнению, центром высокой культуры и богатой торговли. Кастрен напишет позднее следующее: «*По крайней мере, о Великой Пермии и Великой Булгарии будут помнить до тех пор, пока Россия будет иметь историю, потому что древняя история Восточной России есть ее история <…> Что же касается до торговли Бьярмаландии и Булгарии, то о значении ее единогласно свидетельствуют историки многих стран. В высшей степени вероятно, что торговый путь от Белого к Каспийскому морю пролегал по владениям пермяков, булгар и хазар и что этот путь продолжался до Норвегии, к югу до Индии. Такие торговые сношения были возможны вследствие больших рек, прорезывающих Восточную Россию*».

Из вышеприведенного текста можно сделать вывод, что для финского ученого Великая Пермь и Биармия — это одно и то же понятие, он не разделял их. Далее Кастрен еще раз подчеркивает тождество Биармии с Пермью, представляя размещение племен на севере России: «*Пермское племя занимало речную область Камы и Двины, карелы жили прежде по Двине и Белому морю, весь — по Онеге и Белому озеру*». Таким образом, Кастрен считал, что пермяки жили по всей Двине, значит, именно они являлись биармийцами скандинавских саг, с чем, конечно, невозможно согласиться.

Это было не единственное мнение финского ученого о местоположении Биармии. Путешествуя по Карелии, которую он делил на две части — «лопарскую и русскую Карелию», Кастрен пришел еще к одному выводу: «*Приходы Рованиеми и Кеми, которые в старину тоже были населены лопарями, впоследствии большую часть*

своего населения получали из русской Карелии или из древней Биармии <...> Крестьяне в Кеми и Рованиеми наследовали от отцов и дедов своих, так называемых Биармийцев, большую охоту к торговым предприятиям».

Оказавшись в Архангельской губернии, Кастрен, тут уже противореча себе, становится убежденным сторонником любопытной идеи, что Холмогоры — это столица и крепость древних биармийцев.

Хотя местные сказания относят пермяков, зырян, корелов и другие народы к чудскому племени, по словам Кастрена, их всегда отличали от той настоящей древней чуди, давно вымершей. На Севере повсюду, особенно по Северной Двине и южному берегу Белого моря, у местного населения были распространены сказания, что в древности, до прихода в эти места новгородцев, тут жил языческий народ — *чудь белоглазая*, в летописях получившая название *чудь заволочская*. Архангельские старожилы поведали Кастрену, что богатства чуди были неизмеримы; обычно они хранили их, зарывая в землю. Об этой привычке биармийцев, как мы знаем, повествуют и скандинавские саги. По мнению ученого, хотя все приведенные описания древнего народа свойственны финнам, тем не менее, существует большое совпадение местных преданий с известиями саг о биармах.

Отождествляя древнее население Севера с биармами, а последних — с карелами и, используя топонимические данные, позднее он доказал, что прибалтийско-финские племена жили когда-то не только по Северной Двине, но и по Мезени.

На основании всех этих данных, Кастрен сделал вывод, что древние обитатели Двинской земли, *чудь* по народным преданиям, по летописям — *Заволочская чудь*, в сагах — *бьярмы*, были не только финского происхождения, но «самые настоящие финны».

Далее, установив по А. Шёгрену положение Заволочья, Кастрен развивает мысль о местонахождении Биармии и приходит к окончательному выводу: «*Стало быть, Заволочье совпадает с так называемой Биармией скандинавов, потому что, сколько бы скандинавские саги ни выражались неопределенно о границах Биармии, не подлежит сомнению, что по Двине лежала значительнейшая часть той страны. Именно сюда стремились викинги с целью грабежа, здесь нашли они народ, богатый золотом и разными сокровищами*».

Однако, как выяснилось позже, это было не окончательное мнение Кастрена о Биармии. По его словам, большинство писателей, говоривших о Биармии, основываясь на сходстве слов Биармия и Пермь, сделали один народ из биармийцев и пермяков. На это, говорит Кастрен, они имели право потому, что древняя Биармаландия заключала в своих пределах Пермскую область, или все пространство от Белого моря до берегов Камы. А что это население состояло из финнов, доказывается скандинавскими сагами, именно сказанием Оттара и сагой о Карли и Торере Собаке, которые утверждали, что язык биармийцев походил на финский и, более того, у биармийцев был бог Jumal. Даже одно это название бога, считал Кастрен, указывает на принадлежность биармийцев к финскому племени, ибо из всех так называемых чудских племен только у финнов бог назывался *Юмала*. Стало быть, заключил он, принадлежность биармийцев к финскому племени несомненна.

Другой финский ученый, археолог Иоганн Рейнгольд Аспелин (1842—1915), продолжил начатое Кастреном дело, но пошел дальше, опираясь на лингвистические и этнографические аргументы своего соотечественника и собственные археологические находки.

Путешествуя по Пермскому краю, ученый не мог упустить возможности поинтересоваться чудскими древностями, о которых он был прекрасно осведомлен из трудов своих предшественников. Археологические находки на севере России позволили Аспелину подтвердить существование торгового пути, по которому волжские булгары ходили с товарами в Чердынь через Красноуфимский, Кунгурский и Пермский уезды на северо-восток. По-видимому, ему же принадлежит пальма первенства в подаче идеи о проникновении восточных (персидских) изделий в Пермский край не через Каспийское море, по Волге и Каме, а совершенно по другому пути: мимо Аральского моря, степями, а затем — по Иртышу, Туре и Тавде. Самое важное, после своего путешествия профессор Аспелин категорически заявил, что Биармия, «*бывшая доселе ничем не подтвержденной гипотезой, в результате упомянутых выше археологических открытий становится бесспорным фактом*».

Вместе с тем финский археолог, как и его соотечественники, еще более расширил значение пермско-биармийской культуры, отождествляя при этом Биармию и Пермь. Он считал, что пермяки-биармийцы в глубокой древности имели хорошо развитые торговые отношения с Востоком. Более того, Аспелин допустил мысль о местном изготовлении многих серебряных и золотых пермских находок. По его мнению, даже менее искусно сделанные серебряные блюда — это продукт местных мастеров, что, конечно, как увидим дальше, не бесспорно.

С выходом в свет книги «Северно-русские народоправства» в 1863 году гипотеза о тождестве Перми и Биармии приобрела еще одного сторонника в лице знаменитого русско-украинского историка и писателя, чле-

на-корреспондента Академии наук Николая Ивановича Костомарова (1817—1885).

Представив картину заселения Севера различными финскими племенами, Костомаров уточнил, что главными обитателями территорий, в которые входили Вологодская и Пермская губернии, были пермяки и зыряне, отнесенные им к одному племени. Первоначально они жили на Каме, а затем, по мнению историка, в глубокой древности продвинулись на Север и расселились по Вычегде, Сысоле, Ижме, Печоре и другим рекам. В наших летописях, указал он, в перечислении народов, обитавших «на русском материке», они называют Пермь. Более того, эта страна и народ были знакомы не только нашим летописцам, но и скандинавским мореходам: «*В глубокой древности Пермский край был известен скандинавам, и в путешествии Отера называется Биармос, испорченное название Пермь, Перемь*».

Не мудрствуя лукаво, Костомаров производил название страны и народа скандинавских саг — *Биармии* и *биармийцев* (*биармов*) от *Перми* и *пермяков*, вероятно, посчитав последних за основу в образовании имени неизвестного варягам северного народа. Не ошибемся, сделав предположение, что Костомаров, как и его предшественники, думали, что норманнам, услышавшим от аборигенов название своего племени Пермь с глухим согласным *П*, было проще прозвать этот неведомый народ — *бермами* или *беормами* со звонкой *Б*, вероятно, из-за преимущества в древнескандинавском языке в отличие от финского твердых согласных перед мягкими.

Но прежде чем завершить рассказ о сторонниках отождествления Перми и Биармии, а это не один десяток ученых, представим вашему вниманию еще одного редкого и

самобытного человека, жившего в начале прошлого века в нашей северной глубинке.

Выше говорилось, что историк Н.И. Костомаров считал, будто Пермь — это искаженное скандинавами слово Биармия. Точно такого же мнения придерживался исследователь северной старины — Александр Федорович Орлов (1855—1940), мало известный широкому кругу ученых по одной простой причине — этот самобытный человек был не профессионалом, а занимался историей, находясь, как и В.Н. Татищев, на государевой службе, погружаясь в ее изучение в свободное от работы время. Поэтому Орлова, к сожалению, мало цитируют, хотя из-под его пера вышла интереснейшая книга по топонимике и этнографии. И этот человек был когда-то в Архангельском крае управляющим всеми лесами северных губерний.

Что же его заставило написать книгу? Известно, что Орлов был отнюдь не кабинетный работник, он никогда не сидел на месте и прошел свои «владения» вдоль и поперек, где пешком, где на лодке или на плоту. Во время таких ежегодных продолжительных походов по лесам бассейна Северной Двины и ее притоков, у Орлова, вероятно, и возникла мысль о том, что на Севере и население, и села получили свое название от рек. В 1906 году А.Ф. Орлов начал писать об этом, на следующий год в типографии города Вельска была напечатана книга «Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен, местностей», вышедшая, к сожалению, небольшим тиражом. По тем временам это было событием в топонимике, хотя автор этого слова никогда не употреблял.

Основной мыслью исследователя было то, что с древнейших времен по рекам шло расселение людей, около них охотились и тут же рыбачили, по рекам проходили основные пути сообщения. Поэтому реки обожествлялись, по

ним стали называть племена, обитающие в этих местах. Позднее у него появилась небольшая рукописная работа, в которой показано, как многие речные названия оказались тождественными именам местных божеств: «*Почитание рек-богов ведет начало с глубокой древности, но в других местах оно дожило до наших дней. Мною рассмотрено 400 богов Малой Азии, Финикии, Индии, Греции, Западной и Восточной Европы*».

Уже в преклонном возрасте А.Ф. Орлов не оставил своего любимого занятия и продолжал интересоваться географическими названиями. В 30-х годах прошлого столетия он подготовил свою книгу ко второму изданию, значительно дополненную и снабженную обширным указателем использованной литературы, но обновленная рукопись так и не была напечатана. Этому помешал известный востоковед и языковед, академик Н.Я. Марр (1864—1934). Он воспротивился ее изданию, т. к. по своему содержанию книга якобы противоречила только что выдвинутой им так называемой «яфитической теории», или «Новому учению о языке», кстати, научно не обоснованной. К великому сожалению, можно констатировать, что авторитет известного академика незаслуженно победил скромного лесничего и преподавателя из Вельска.

А.Ф. Орлов проделал огромную работу над картографическим материалом не только России, но и Западной Европы, Малой Азии и Индии. Не забыл он упомянуть и Биармию, точнее Пермь, когда давал объяснения названий племен, обитающих на Севере. Он правильно обратил внимание, что ученых всегда смущало название Перми — *Биармия.* В скандинавских сагах, пишет Орлов, под этим именем описывалась сказочная страна с богатыми храмами, с высокой культурой и обширной торговлей. Поэтому все искали Биармию со следами такой культуры. Но потом пришли к заключению, что: «*Имя Пермь — одно из названий*

Биармии; высокой культуры там не было, а торговля была, конечно, большая, мехами — с Персией по реке Каме, а может быть, и с Византией. По моему, название «Биармия» есть просто искаженное скандинавами слово Пермь».

И привел примеры, как татары произносят русские слова: *Буртасы* говорили с твердым *Д*, т. е. *Бурдасы* или *Бердасы*. Немцы изрекали *боловина*, вместо *половина*, переводя глухую согласную *П* в звонкую — *Б*, поэтому, делает вывод Орлов, скандинавы совершенно так же слово Пермь или *Пярмь*, переделали в *Биарм*.

Сторонниками Биармии — Перми, помимо упомянутых историков, были Ф.А. Эмин, А.К. Шторх, И.И. Лепехин, О.И. Сенковский, А. фон Пошман, К.С. Молчанов, А.М. Стриннгольм, Д.А. Хвольсон, П.С. Ефименко, П.Н. Полевой, Е.Е. Замысловский, Н.П. Кондаков и многие-многие другие исследователи.

Однако хотели бы отметить одну важную особенность в изучении данной проблемы. Все вышеназванные писатели, отождествлявшие Пермь и Биармию, не были единодушны в вопросе о локализации последней. Для одних историков это была просто территория — Пермь Великая, Пермь Вычегодская, для других же — название народа, который мог жить где угодно. Знатоки древнескандинавской истории Т.Н. Джаксон и Г.В. Глазырина подметили еще одну интересную деталь: локализация Биармии зависела от того, знал ли каждый из приведенных выше историков скандинавские письменные источники. Те, кто знали из содержания саг Биармию (Бьярмаланд) на реке Вине, располагали ее в бассейне реки Северной Двины, или в других случаях их Биармия вырастала до огромных размеров, захватывая территорию от Беломорья до

Карелии и Пермского края. Наконец, авторитет одних историков мог сказаться на мнении других, что и происходило в большинстве случаев у более поздних исследователей. Например, знание трудов Страленберга повлияло, как отмечалось, на ряд историков, таких как М.В. Ломоносов, Н.П. Рычков, М.Д. Чулков, Н.И. Костомаров, Д.А. Хвольсон и другие, которые пришли к выводу, что столицей Биармии была Чердынь, являвшаяся якобы на определенном историческом отрезке времени центром европейской и азиатской торговли. Другие же историки утверждали, что главным городом Биармии были Холмогоры.

Постепенно у некоторых историков появляются сомнения в существовании версии, где главенствует Пермь, и они становятся противниками отождествления Биармии и Перми. По их мнению, это две различные, соседние страны, и что некоторые случайные созвучия в их названиях ни в коем случае не доказывают их идентичности. При этом на вооружение они взяли, в первую очередь, не содержание скандинавских источников, а данные по археологии Пермской губернии.

ЧАСТЬ 5

ПРОТИВНИКИ БИАРМИИ — ПЕРМИ

Одним из первых, кто заронил нотку сомнения в тождественность биармийцев и пермяков, был не кто иной, как Август Людвиг Шлёцер (1735—1809), одиозная и одновременно очень интересная фигура в нашей истории, преданная когда-то обструкции советскими учеными из-за своей приверженности к так называемой норманнской теории происхождения Руси.

Немец по национальности, попав в милость при дворе Екатерины II, быстро стал профессором истории, получил доступ к русским летописям и возможность их копировать. Позже получил разрешение на их вывоз в Германию, где до конца жизни изучал их. Плодом его исследований стал фундаментальный многотомный труд под названием «Нестор».

Великий скептик по натуре, Шлёцер подверг резкой критике возможность существования древних торговых связей восточных стран с народами Севера. Ссылаясь на известия Н.П. Рычкова о торговле пермяков с персиянами, а также на его упоминания о *«развалинах бывших городов сей северной страны»,* Шлёцер возмущенно возглашает: *«Все это совершенный вздор! Где доказательство*

торговли между восточною Индиею и Ледовитым морем? Также никто не видал и развалин знатных городов, а есть кое-где остатки разрушенных острóгов».

Так же резко он отзывался и о древнескандинавских произведениях, что «*исландские россказни... все это не что иное, как глупые выдумки*». Шлёцер прекрасно знал о походе Оттара в Биармию, но говорит, что из рассказа норманна ничего нельзя вынести, ибо описываются одни берега, а «*не внутренность земель*». При этом ученый одновременно как бы отождествляет Биармию с Пермью, точнее, пермяков с биармами, хотя не верит в это, т. к. пермяки, по его мнению, все же обитали далеко от описываемых норвежским путешественником мест: «*Пермь, у Отера Beormos, некогда самобытный, великий, долгое время свободный и не совсем непросвещенный народ: можно ли ожидать сего в таком отдаленном уголке мира*?» Справедливо задает он вопрос в конце тирады. Под «соусом» отрицания существования древних торговых связей арабов и индийцев с автохтонами Севера, Шлёцер одним из первых, на наш взгляд, хотя и косвенно, подверг сомнению тождество Биармии и Перми, их обитателей, т. к. действительно, неведомые племена Оттара должны были все же располагаться вблизи моря, а не в таком отдаленном от него месте, как Пермский край.

Участник первого русского кругосветного плавания на корабле «Нева» под руководством Ю.Ф. Лисянского, известный историк флота и географ Василий Николаевич Берх (1781—1834), как ни удивительно, тоже имеет отношение к изучению Биармии. После трехгодичного плавания по морям и океанам судьба забросила В.Н. Берха в Пермский край, где бывший моряк активно стал заниматься его историей.

Он сделал вывод, что баснословные богатства Биармии, описанные предыдущими писателями — это

вымысел, поэтому абсолютно абсурдно отождествлять Пермь и страну биармов. Во всяком случае, считал историк, она должна располагаться где угодно, только не на территории Пермской губернии: «*Все почти историки наши, сочинители географических словарей <…> утверждают единогласно, или, лучше сказать, повторяют без всякого изыскания, что нынешняя Пермь есть Биармия древних <…> Удивляюсь столь неосновательным заключениям*!», которые «*полагают, что Великою названа Пермия по своей знаменитости, но едва ли сие заключение справедливо <…> как неопределительны настоящие границы бывшей Биармии… К сильнейшему сомнению, что нынешняя Пермь не есть Биармия, побуждают все более часто встречаемые противоречия*».

В числе первых, кто усомнился в однозначном отождествлении Биармии и Перми, был Евлампий Кириллович Огородников (1816—1884). Автор двух очень интересных трудов по описанию Мурманского и Терского берегов, приводит интересные сведения о расположении Биармии, границы которой значительно расширил: «*Здесь необходимо сказать несколько слов о географическом значении Биармии и о связи этого значения с Пермской землей <…> очевидно, под нею нельзя разуметь только Пермь, т. е. приблизительно определяемую область, которую можно отвести для этого племени, согласно указаниям Нестора на восток от Северной Двины. Название Биармии придавалось Скандинавами не только этому пространству, но распространялось и далее на запад. Таким образом, Биармия узнается в древней Карелии, которой главный город Карелы (Кексгольм) назывался также Бярмы, а по замечаниям финнологов, в русской Карелии еще и доселе встречаются следы Биармийцев в смешении с другими племенами. Так как Карелы очень рано заняли все пространство от Ладожского озера до Белого моря и следы их пре-*

бывания доселе сохранились у берегов Двины, то можно думать, что Пермь заодно с Карелией носила имя баснословной Биармии, исчезнувшей или, скорее, скрывшейся под названием Заволоцкой Чуди».

Название *Биармийцев* (*Biarmar* у скандинавов, *Beormas* у англосаксов, *Permii* — у византийцев и *Пермь* — в русских летописях), считал Огородников, не следует приурочивать исключительно к *пермякам*, т. к. название Пермь нарицательное, а не собственное.

Подверг сомнению тождество Биармии — Перми и высокую культуру последней известный русский историк и публицист Дмитрий Иванович Иловайский (1832—1920). В своем труде под названием «Становление Руси» Иловайский говорит о племенах, обитающих на Севере, и приходит, как В.Н. Берх, к такому же выводу, что Пермь и Биармия — это две различные страны.

Историк справедливо полагал, что неведомая страна скандинавских саг должна располагаться в прибрежных морских районах, где обитала Чудь Заволоцкая, а не в далеких и глухих местах внутри материка, где размещалась Пермь. Ученый также сомневается в высокой культуре финских народов, к которым относились *пермяцко-зырянские племена* и *биармийцы*, а также в их богатстве, воспетом в отдельных скандинавских сагах. Причем Иловайский просил обратить внимание на тот факт, что монеты и изделия из драгоценных металлов, находимые в Пермском крае, в большинстве случаев не местного происхождения, а завозимые с помощью иноземных торговцев.

В то же время, подчеркнул Иловайский, уже в XI—XIII веках, к которым относятся известия скандинавских саг, эти окраины и другие, более отдаленные северные районы посещались новгородцами, сборщиками дани. От них первые летописцы, справедливо заметил он, «*могли бы полу-*

чить сведения о землях и племенах, обитающих на Севере, но, как ни странно, в летописях не найдешь подтверждений о существовании Биармийского государства или высокой биармийской культуры».

Несколько пермских исследователей в то же время прямо заявили, что отождествление Биармии и Перми является явной ошибкой.

Вначале с этим заявлением выступил действительный член Казанского общества естествоиспытателей Александр Петрович Иванов после завершения научной экспедиции по Пермскому краю, в ходе которой он производил археологические раскопки на камских городищах. Позднее такой же категоричной точки зрения придерживались и другие пермские исследователи — А.А. Дмитриев и И.Н. Смирнов.

Александр Алексеевич Дмитриев (род. 1854), является, не ошибемся, самым авторитетным и крупнейшим историком Пермского края. Он тут родился, жил и работал всю жизнь, занимаясь сбором материалов о древностях родного края. Главным трудом его жизни стало написание нескольких сборников «Пермской старины», где Дмитриев представил свою точку зрения на проблему отождествления Биармии и Перми.

Столь значительные богатства, справедливо замечает Дмитриев, завезенные в местные края восточными торговцами, легко могли сделаться источником известных преданий о «*закамском серебре*», «*главных недоразумений в вопросе о древней Перми*» и отождествления ее с Биармией. А большое количество серебряных и других вещей, шедших через Пермь с юга на север и частью каким-то образом оставшихся в пределах Пермского края и теперь случайно открываемых учеными, по словам Дмитриева: «*Подало повод слагателям скандинавских саг воспеть древнюю Биармию, как какую-то необыкновен-*

ную богатую страну. Торговый путь из Хазарии, Булгарии и Перми пролегал далее на Север до берегов Белого моря и устья Северной Двины, именно куда приезжали норманны для меновой торговли, а в былые времена первые мореходы Западной Европы <...> Следовательно, в вопросе о древней Перми, с которой эти ученые отождествляли Биармию, скандинавские саги послужили таким же источником недоразумений».

Дмитриев сразу заявляет о той путанице в решении данного вопроса, которую в значительной степени можно объяснить тем, что: «*Название Пермь, и без того употреблявшееся в неодинаковом каждый раз смысле* [Пермь Старая, Великая, Малая и т.д. — *Авт.*], *многие ученые, вздумали сближать и даже отождествлять со скандинавским словом Биармия, смысл которого для нас, конечно, еще более темен и загадочен. Другой причиной запутанности вопроса о древней Перми служило то обстоятельство, что ученые старались одновременно решить две задачи, действительно имеющие между собою близкое соотношение — что такое была Пермь как страна и Пермь как народ? В каких границах заключалась эта страна с одноименным ей населением?*»

Чтобы поставить окончательную точку в дискуссии о тождестве Биармии и Перми, Дмитриев сделал окончательный вывод по данному вопросу: «*Так как ни в древнейших местных источниках письменных и вещественных, ни в местных преданиях нет никакого упоминания о баснословной Биармии, даже никакого намека на нее, то мы оставим ее в стороне, как область древней Заволочской Чуди, а не Перми*».

Таким образом, авторитетный исследователь полагал, что Биармию надо искать не в его родных пермских местах, а там, где обитала Чудь Заволоцкая — на берегах Северной Двины и в Обонежье.

Профессор И.Н. Смирнов был более категоричен в своих суждениях по запутанному вопросу, отрицая в своей монографии «Пермяки» тождество Биармии с Пермью, указав при этом, что: «*Этот народ, культура которого обрисовывается пред нами в сагах — эти Bjarmas не были нашими Пермяками и Зырянами. Почитание Юмала, курганное погребение, согласно с известиями Отера и филологическими данными, которые констатированы Кастреном, Шегреном и Веске относительно древнего населения Подвинья, заставляют нас считать древних Биармийцев представителями западно-финской ветви*».

Автор нашумевшей в свое время статьи «К вопросу о Биармии» Степан Кирович Кузнецов (1854—1913) ушел в другую крайность. Он утверждал, что Биармия не только в «*пределах Перми Великой есть мираж*», но ее даже не существовало на берегах Северной Двины. Маститый этнограф поместил Биармию на Мурманском берегу Кольского полуострова, считая, что скандинавы на своих судах никогда не заходили дальше горла Белого моря.

Одним из главных аргументов того, что Биармию нельзя располагать не только в Перми, но даже в Заволочье, у Кузнецова служило предположение, что Оттар никогда не бывал в Белом море, т. к. ту «*большую реку*», о которой говорил норвежский путешественник, многие историки ошибочно отождествляли с Северной Двиной. Авторы настоящей книги уже останавливались на этой проблеме и доказали обратное, что это возможно из-за великолепных мореходных качеств норманнских судов. Однако, по мнению Кузнецова, река скандинавских саг должна находиться где-то на Мурманском или Терском берегах Кольского полуострова. Одновременно уважаемый историк впадает, мягко говоря, в другую крайность — он, ссылаясь на сказочную сагу «История Хиалмара, царя биармаландского», предлагает искать Биармию в каком-нибудь другом месте,

«поблизости от легендарного острова Туле, но только не при устье Северной Двины». А кто сейчас может сказать, где находился этот мифический остров Туле?

В чем Кузнецов абсолютно прав, так это в отсутствии сведений о Биармии в наших летописях. Данные скандинавских саг показывают, справедливо замечает ученый, что визиты норманнов в Биармию продолжались с половины IX века по 1222 год, и чем ближе подходило время к XIII веку, тем чаще совершались эти походы. В это же время, с одной стороны, процветала торговля Булгара с Чердынью, с другой — новгородцы, судя по летописям, уже в 1032 году совершили поход в Заволочье, а в 1096 году состоялся поход Гюряты Роговича, после которого Югра начала платить дань Новгороду. Поэтому, если бы скандинавы совершали походы в Пермский край, подразумевая под ним Биармию, делает историк окончательный и совершенно правильный вывод, то неизбежно путь их пересекал бы путь новгородцев. Тогда обязательно должны были бы иметь место конфликты, которые наверняка отразили бы в своих писаниях как скандинавские, так и отечественные летописцы.

Поэтому заключил С.К. Кузнецов: «*Нет оснований отождествлять Биармию с Пермью, потому что границы Перми никогда не доходили до морского берега, а попасть из устья Северной Двины в Вишеру и Каму скандинавам было решительно невозможно: тяжелая переправа чрез волоки, связанная с построением новых судов, отняла бы у них много времени, и разве через год могли бы они вернуться из Чердыни к устью Северной Двины*».

Несмотря на свое категорическое суждение, что «*Биармия на берегах Северной Двины и в пределах Перми Великой есть мираж, научное заблуждение, с которым пора покончить раз и навсегда*», за которое уцепились некоторые современные исследователи, в конце концов,

С.К. Кузнецов все же позволил Биармии, «*как стране, действительно тут существовавшей*», разместиться на Мурманском берегу.

Он был не одинок в своих суждениях, сторонники локализации Биармии на Кольском полуострове были до него, например, Н. Дергачев со своей книгой «Русская Лапландия», они появятся и позднее, уже в наше время.

Кроме того, С.К. Кузнецову, вероятно, не пришлось ознакомиться с интересной работой Д.П. Европеуса о северных народах, написанной за полвека до появления его знаменитой статьи о Биармии, иначе у него, вероятно, изменилось бы суждение о локализации этой страны. Европеус считал, что Биармия находилась в низовьях Северной Двины, а *биармами* были финские племена карел, обитающих в устье главной северной реки.

Такого же мнения придерживался Герман Федорович Гебель (1844—1910). Этот патриот Севера никогда не сомневался в местоположении Биармии: «*Не подлежит сомнению, что Биармия старых Норманнов была расположена по обеим сторонам нижнего течения Северной Двины*», заявил он, когда к нему в руки, правда, значительно позднее, попала работа С.К. Кузнецова. Гебель живо отозвался на нее своей разгромной статьей «Биармия и низовья Северной Двины», где дал достойную отповедь московскому этнографу как в части его сомнений о прекрасных мореходных качествах скандинавских судов и их быстроходности, существования древних торговых путей, так и в части локализации самой Биармии.

Через двадцать лет эту же точку зрения высказал еще один известный академик, Александр Александрович Кизеветтер (1866—1933), безоговорочно расположивший Биармию в низовьях Северной Двины, одновременно отождествив биармийцев с обитающей на Двине Заволоцкой Чудью.

В начале прошлого столетия в фундаментальном труде по внешней торговле России была выражена, наверное, коллективная точка зрения авторитетных российских историков о местонахождении Биармии. Авторы сочинения во главе с академиком В.И. Покровским (1839—1915) поместили эту загадочную страну к северу от Булгарской земли на обширной территории, захватывающей Пермскую, Вятскую, Вологодскую и Архангельскую губернии, т. е. от Кольского полуострова до Урала.

Дискуссии о месторасположении легендарной северной страны продолжились и после большевистской революции в России 1917 года, они не утихали в течение прошлого столетия и длятся до сих пор. Как известно, в решении этого очень острого исторического (превращающегося в отдельные годы в политический) вопроса ученые так и не пришли к единому мнению.

В этой связи хотелось бы представить точку зрения по существу указанной проблемы некоторых «историков-большевиков», как они сами себя называли, появившихся сразу после Октябрьской революции. Их критика существования и былого величия Биармии основывалась, как они сами говорили, на «*марксистско-ленинско-сталинском*» учении. К этой поразительно своеобразной когорте советских ученых относился Николай Иванович Ульянов. Сразу хотим оговориться, что он никакого отношения не имеет к своему знаменитому однофамильцу — вождю пролетариата В.И. Ульянову-Ленину. В России его имя неизвестно, поэтому хотелось бы привлечь ваше внимание к удивительной и одновременно тяжелой судьбе этого человека, кстати, типичной для большинства людей, живших в те страшные времена в советском государстве.

Н.И. Ульянов (к сожалению, год рождения пока не удалось установить) после окончания историко-филологического факультета Петроградского университета в 1927 году работал в Институте истории, в постоянной историко-археологической комиссии при Академии наук в Ленинграде. Став кандидатом наук, опубликовал в те годы шесть исследовательских работ по истории России, в том числе «Очерки истории народа коми-зырян», изданных Партиздатом в 1932 году. Именно в этой работе он подверг резкой критике «миф» о Биармии, посвятив этому «разоблачению» почти две главы. По содержанию книги можно сделать вывод, что она носила тенденциозный характер. Трудно осуждать людей той эпохи, особенно историков. Для того чтобы выжить, им постоянно приходилось балансировать между истиной и откровенной ложью.

Он обвинил в «великофинском шовинизме» «буржуазных историков», для которых «туман древности всегда был удобен для протаскивания своих политических тенденций», особенно досталось Шегрену, Кастрену, Аспелину и Европеусу. По их «вине», заметил «историк-большевик» (может, даже и справедливо), многие считают, что финны в древности представляли могущественный народ, занимавший необъятную территорию, включавшую в себя не только весь Север, но и значительную часть России. Ими установлена высокая культура этого древнего народа в «лице могущественной Биармии», а племена Севера были окрещены как «народы биармийской группы». Поэтому, искренне тревожился большевистский историк, возникал «заманчивый мираж огромной финской империи», вызывающий в умах соседнего народа «идею Великой Финляндии».

В декабре 1917 года была провозглашена независимость Финляндии (до этого она находилась в составе

царской России), поэтому Сталину при создании СССР очень хотелось вернуть непокорную страну обратно. Нагнеталась антифинская истерия, закончившаяся нападением на Финляндию в 1939 году со стороны советского государства[1].

Поэтому, откровенно заявил Н.И. Ульянов, при написании истории коми-народа он не мог обойти стороной вопрос Биармии, который приобрел «в данный момент острое политическое значение». Дело в том, продолжил ученый, что кое-где Биармия расценивается не как миф, не как «научное заблуждение», а как исторический факт. И сведения, поступающие из «белой Финляндии», довольно недвусмысленно показывают, что там готовится «нечто вроде реставрации Биармии». По самым «скромным» мечтам финских националистов, пишет далее он, «Великая Финляндия должна простираться от Ботнического залива до Уральских гор», поэтому «мы, во всяком случае, не можем позволить, чтобы пища для этого бреда подготовлялась внутри нашего государства». И делает категорическое заключение: «Толки о Великой Биармии, как научно ни на чем не основанные и политически вредные, должны быть оставлены».

Проявив усердие и призвав на помощь упоминавшегося выше С.К. Кузнецова, он старательно «изобличил» придуманную проклятыми норманнами Биармию и ее жителей, при этом заодно разгромил отца «русской коммерции» Чулкова, нашего знаменитого земляка Ломоносова, автора описания Архангельской губернии Козьму Молчанова, и даже Костомарова, обвинив их… как ни странно, в «излишнем патриотизме». Неизвестно, что

Участвовал в финской войне отец автора книги, где получил ранение в ногу, позже долго валялся по госпиталям, оставшись инвалидом на всю жизнь. По его словам, немного славы эта война нам принесла, погибло много его земляков.

повлияло на «компетентные органы» страны, то ли изрядная критика великого русского ученого Ломоносова в этой работе, то ли, наоборот, восхваление «отца норманизма» немца Шлецера, а может, еще какие-то неизвестные нам причины, но тем не менее в 1936 году Н.И. Ульянов был арестован по обвинению в контрреволюционной пропаганде и приговорен к пяти годам концлагерей. Срок отбывал сначала на Соловках, а потом в Норильском лагере.

По иронии судьбы освободился он в 1941 году и сразу оказался на окопных работах под Вязьмой. Там после вяземского разгрома советских войск попал в плен к немцам, сумел бежать, прошел около тысячи километров по немецким тылам и пробрался под осажденный Ленинград. Там же, в захваченном немцами пригороде, нашел свою жену.

Затем судьба снова сыграла злую шутку, а может, преподнесла подарок — трудно однозначно судить с позиции сегодняшнего дня. В 1943 году оккупационные власти отправили Ульяновых, как «остарбайтеров», на работы в Германию. В лагере под Мюнхеном он стал сварщиком.

После войны они, справедливо не надеясь на милость советских властей, благополучно эмигрировали в Марокко. В городе Касабланка он устроился на работу сварщиком и снова стал публиковать статьи по русской истории и литературе. В 1953 году Ульяновы переехали в Канаду, затем в США, где Николай Иванович долгие годы преподавал в Йельском университете.

Из-под пера талантливого писателя, начиная с пятидесятых годов и до самой смерти в 1985 году, вышло одиннадцать книг и множество статей в научных сборниках. К сожалению, с содержанием этих книг нам навряд ли когда-либо удастся познакомиться. По свидетельству тех, кто его знал, Николай Иванович был глубоким и тонким мыслителем, безупречным стилистом. Указанная работа по истории коми-зырян, несмотря на свою тенденциоз-

ность, написана прекрасным языком и богата интересным историческим материалом[1].

В конце войны (1944 год) в Коми-Пермяцком округе бывшей Молотовской области работала комплексная экспедиция Института географии АН СССР по изучению природных и климатических условий округа, его этногеографии. Среди ее участников был научный сотрудник, кандидат наук Николай Иванович Шишкин. Итогом его работы стал отчет об историческом пути развития коми-пермяцкого народа, вызвавший у института значительный научный интерес, и было принято решение об издании его отдельной книгой.

Молодой ученый подверг резкой критике работу Н.И. Ульянова. Отметив детальный анализ источников о Биармии и то, что его книга послужила в свое время хорошим оружием против националистических теорий в научной среде, Шишкин в то же время посетовал на автора, умудрившегося «выкинуть вместе с критикой самую Биармию» из истории народов Севера и не сумевшего «объяснить биармийский вопрос». Ульянов действительно очень путано заявил: «*Если Биармия существовала, то это не была область коми; если же область коми была Биармия, то это не была Биармия в обычном о ней представлении*».

Сам же Н.И. Шишкин, считая, что Пермь — это Биармия, уверенно утверждал: «*Пермь, или Биармия, была известна далеко за пределами Восточной Европы, и описания быта жителей ее в скандинавских сагах не представля-*

Поражает то обстоятельство, что этой книгой вообще никогда не пользовались. Мы обнаружили ее в одной из центральных библиотек Архангельска, и выяснилось, что книгу Н.И. Ульянова с момента издания (1932 год) никто не открывал, т. к. страницы в ней оказались даже не разрезаны из-за типографского брака, поэтому не было возможности не только ее читать, но и просто листать.

ют ничего удивительного». Парадоксально, но интересную работу Н.И. Шишкина постигла такая же участь, как и у предыдущего автора. После смерти Сталина книга ученого да и сам Шишкин подверглись жесточайшей критике со стороны «прогрессивно» думающего научного сообщества, даже теми учеными (как, например, Н.П. Чебоксаров), которые раньше его поддерживали и давали положительную рецензию на его книгу о коми-зырянах.

В 1928 году в Петербурге вышли «Очерки по истории колонизации Севера», написанные двумя авторитетными историками, академиком Сергеем Федоровичем Платоновым (1860—1933) и профессором Александром Игнатьевичем Андреевым (1887—1959).

С.Ф. Платонов сейчас вновь стал популярным историком, известным по своим недавно изданным «Лекциям по русской истории». В советские времена он на долгие годы был предан забвению, т. к. этот умнейший человек, интеллигент, председатель знаменитой Археографической комиссии, будучи уже академиком вначале Российской АН (1920) и позже АН СССР (1925), попал в 30-е годы в страшную мясорубку сталинских репрессий. А.И. Андрееву повезло больше, он дожил до преклонных лет, написал много научных трудов по истории Русского Севера, исторической географии, истории русской науки.

Так вот эти два уважаемых ученых в своих «Очерках» представили подробную и очень любопытную картину заселения Севера. Описывая плавание Оттара в Биармию и считая его за «наиболее достоверное сведение о русских на Севере», без всякого сомнения полагали, что норвежский мореплаватель дошел до устья Северной Двины, где обнаружил многочисленный народ, занимавшийся судоходством, ловлей морских зверей и земледелием:

«*По сказаниям исландцев начала XI века, на берегах Двины стоял уже большой торговый город, куда летом*

приезжали на ярмарку купцы из Скандинавии; недалеко от города было богатое кладбище, посреди которого стоял истукан бога Иомалы, украшенный золотом и драгоценными камнями; одежда бога представляла своею ценою груз трех самых богатейших кораблей. <...> До начала XIII века (1222 г.) норвежцы продолжали ходить на своих кораблях к берегам Двины. Если справедливо крайнее мнение, что саги скандинавских скальдов дают только поэтизированную идею факта, то несомненно во всяком случае, что задолго до так называемого образования Русского государства Биармия была известна скандинавам, как страна богатая и торговая, с которой они, западные европейцы, торговали не только непосредственно, но и транзитом с камскими болгарами, и чрез них с Востоком, как о том свидетельствуют местные находки англо-саксонских и немецких монет X—XI столетия и сасанидских V и VI вв.».

Самое важное, содержание очерка позволяет сделать заключение, что отечественные историки размещали Биармию не на Кольском полуострове, а в низовьях Северной Двины.

Итак, если подвести некоторый итог представленных суждений, то они позволяют сделать вывод, что Биармия и Пермь — это действительно две различные, соседние страны и что некоторые случайные созвучия в их названиях ни в коем случае не доказывают их тождества. Огромную роль в сближении Перми и Биармии сыграло фонетическое сходство топонимов, и как следствие, похожесть их производных — этнонимов.

По справедливому замечанию современного пермского ученого В.В. Абашева, независимо от *научного* (под-

черкнуто им. — *Авт.*) решения этого вопроса, историко-культурная традиция приурочила Биармию к Прикамью, и представление о биармийском прошлом Перми прочно укоренилось в культурном сознании людей. Ученый поведал и о причинах привлекательности этой идеи, существующей до настоящего времени. Идея отождествления Биармии и Перми льстила национальному самосознанию, т. к. в этом случае корни Великой Перми, о которой впервые упоминается в русских летописях только в XIV веке, уходили еще в дорюриковскую эпоху, и в таком случае она как бы являлась преемницей древнего северного царства, воспетого скандинавскими составителями саг. Действительно, было приятно приобщиться к некогда процветающей древней стране, через которую проходил торговый путь, соединявший в незапамятные времена Индийский океан с Ледовитым, а народы северной Европы с народами Востока, к этой таинственной стране, впоследствии почти бесследно исчезнувшей. Поэтому всегда, когда заводили речь о Перми, вспоминали о Биармии. И это происходит по сей день.

К сожалению, почему-то здравые мысли пермских исследователей В.Н. Берха, И.Н. Смирнова, А.П. Иванова, других историков, особенно авторитетного ученого А.Д. Дмитриева, которому-то, по логике, надо было больше всех защищать греющую самосознание идею о причастности родного края к Биармии, так и не были услышаны большинством современных исследователей.

ЧАСТЬ 6

СОВРЕМЕННИКИ О ЛОКАЛИЗАЦИИ БИАРМИИ

Где же размещают Биармию современные ученые? Их мнения, как и много веков назад, также разделяются на два полюса: сторонников и противников Биармии-Перми.

Известная скандинавистка, крупнейший знаток древнескандинавской литературы Елена Александровна Рыдзевская, анализируя текст «Саги о короле Хаконе», безоговорочно определяла Подвинье (или шире: Беломорское побережье) как землю, где обитало «*загадочное племя бьярмов*».

Думаем, по существу рассматриваемого вопроса будет интересно мнение выдающегося чешского археолога-славяноведа и историка Любора Нидерле (1865—1944), автора обширного энциклопедического труда «Славянские древности». Его можно смело отнести к апологетам Биармии — Перми, хотя прямо об этом ученый не заявляет. Представляя древние торговые пути и торговлю славян и русских, Нидерле упомянул Биармию, ее географическое положение: «*Рынки Булгарии…служили одновременно главными рынками так называемой Биармии (Biarmaland сканд. саг), земли, известной своей торговлей мехами и дорогими металлами (главным образом серебром) и расположенной на территории, покрытой большой водной сетью,*

образуемой реками Вычегдой, Печорой, Камой и Вяткой с центром на Каме и ее притоках».

Вся жизнь известного исследователя и путешественника Владимира Юльевича Визе (1886—1954) была связана с Севером, с изучением полярных морей. Ему удалось участвовать в беспримерной экспедиции Г.Я. Седова, которая, как известно, так и не достигла намеченной цели дойти до Северного полюса Земли. Из-под его пера вышло несколько книг об освоении Арктики, в том числе под названием «Моря Советской Арктики», в которой при описании древнейшего периода истории Севера он рассказал о знаменитом плавании Оттара и кратко остановился на походах викингов в Белое море: «*История скандинавов упоминает о двух особенно холодных странах: Кариаландии и Биармии (Великая Пермь). Первая якобы лежала от Финского залива до Белого моря. Вторая — Биармия — граничила с Кириаландией и являлась обширной страной. Она простиралась от Северной Двины и Белого моря до реки Печоры и была защищена на севере холодными морями, а на юге — дремучими лесами. Позже границы Биармии еще более расширились и включили в себя нынешнюю Вологодскую, Кировскую, Пермскую области*».

Как видно из текста, Визе был сторонником отождествления Биармии и Перми, однако локализовал первую на обширной территории северо-восточной части Европы.

Позднее у некоторых исследователей постепенно стало снова меняться отношение к устоявшейся и будто бы безупречной версии локализации Биармии, — расположении ее именно в Подвинье. Сомнения выразил в 50-х годах прошлого столетия историк Михаил Иванович Белов (1916—1981). Хорошо известный по своим археологическим экспедициям в «златокипящую» Мангазею на Оби и научным трудам по истории освоения Северного морского пути, этот географ и полярный исследователь

продемонстрировал свое отношение к местоположению Биармии, сделав авторитетное заявление, что Оттар не мог достичь Белого моря и Северной Двины, поскольку его плавание должно было закончиться у берегов Кольской губы. Вероятно, заметное влияние на него оказало изображение Биармии на Кольском полуострове, показанное на картах Олауса Магнуса и Герарда Меркатора, с которыми он познакомился по географической книге В. Кордта.

В комментариях к переводу «Орозия короля Альфреда», включающему, как уже знаем, знаменитое путешествие Оттара в Белое море, исследовательница английских средневековых источников В.И. Матузова попыталась указать то место, куда, по ее мнению, дошел норвежский мореплаватель, и какое географическое положение могла занимать страна биармов. Однако по этому поводу у нее своего мнения так и не сложилось. На помощь она призвала финских историков К. Алениуса и А.М. Таллгрена. Первый, основываясь на том, что на протяжении всего путешествия Оттар «*никогда не удалялся от побережья в открытое морское пространство*», пришел к выводу, что путешественник «*не мог достичь Двины, но, несомненно, приплыл в Кандалакшский залив Белого моря, к какой-то впадающей в него реке, стекающей с горного массива внутренней части Кольского полуострова*». Только вот откуда Алениус взял эту реку, стекающую с гор, непонятно. Таллгрен же, анализируя рассказ Оттара, пришел к выводу, что «*река, у устья которой закончилось его путешествие… должно быть, где-то на Кольском полуострове; он не пересекал открытое море*». В.И. Матузова, не зная, где располагалась Биармия, снова сослалась на Таллгрена, который считал, что «*Бьярмия занимала первоначальное неопределенное пространство между Финляндией, Белым морем, Онежским и Ладожским озерами*». Однако, опираясь на данные археологии, позднее тот все же попытался

уточнить географическое положение Биармии, утверждая, что эта страна «*была заселена карелами (и вепсами?) лесной зоны, обращенной к берегам Ладоги, и, возможно, областью к востоку от Ладожского озера до Вологды*».

Мысль о том, что *биармы* были *карелами* или, по крайней мере, их корни следует искать в окрестностях Ладожского озера, для многих финских исследователей была не нова, они придерживались такой точки зрения давно и настойчиво ее пропагандировали. Этот вопрос приобрел для них даже какую-то романтическую окраску, т. к. финны пытались обнаружить в древнескандинавских сагах с известиями о Биармии, по выражению ученого из Финляндии К.Ф. Мейнандера, «*отголоски воображаемого величия финно-угорской первобытной эпохи*».

Этот историк, указав, что знания о *биармах* основывались исключительно на исландских сагах, и, находя их достоверными историческими источниками, признавал, что морские походы скандинавов совершались «*всегда на север вдоль норвежского побережья и заканчивались в устье реки Северная Двина*». Тем не менее, это не помешало Мейнандеру посчитать, что истинная родина биармов располагалась не на Белом море. Тогда где же?

При попытке найти таинственную страну биармов финский ученый вспомнил своих предшественников А.М. Талльгрена и норвежского археолога А.В. Броггера, который, по его словам, опираясь только на найденные в Норвегии предметы восточного происхождения, истолковал их как свидетельство норвежских торговых и грабительских походов в Биармию. Что же касается Талльгрена, то тот, как известно, занимался изучением найденных в 1920-е годы археологических находок по всей Арктике, в том числе и на Белом море. А так как они были незначительны, ученый сделал вывод, что население, с которым норвежцы вступали в контакты, иногда посещало

Арктику и саму страну Биармов следует искать в более южных местностях.

По мнению Талльгрена, существовало только две возможности для локализации Биармии, — это была или теперешняя Пермь в верховьях Камы, или Приладожье. Поскольку в Перми не были обнаружены скандинавские находки, которые могли бы быть свидетельством посещения этих мест норвежцами, то Талльгрен заключил, что Биармия должна находиться в Приладожье и, следовательно, как уже упоминалось, биармы были карелами. При этом он имел в виду область юго-восточнее Ладоги и часть Карелии на северном побережье Ладожского озера. Позднее у Талльгрена нашлось много последователей, таких как шведский ученый В.И. Равдоникас (1930-е годы), советские — Л.А. Голубева (1962), С.И. Кочкуркина (1973), В.И. Матузова (1979) и другие, хотя они называли население Приладожья то *вепсами* или *весью*, то *водью*.

Под влиянием Талльгрена Мейнандер сделал неожиданный вывод, что Биармия по названным причинам не могла располагаться на берегах Северной Двины. Он указал на так называемые «пермские» предметы, обнаруженные в Финляндии и северной Скандинавии, и, ссылаясь на них, финский историк полагал, что эти находки не все относятся к самой Перми, т. е. к бассейну нижней и средней Камы, а происходят и из среднего Поволжья. Раньше считалось, что найденные женские пояса, относящиеся ко времени около 700 г., завозились домой самими финскими купцами. Однако, по мнению ученого, более правдоподобным является противоположное мнение, а именно что доставило их сюда население, якобы пришедшее с востока. Более того, в Финляндии были найдены металлические фибулы или подвески — украшения для женщин, произведенные, по мнению ученых, в VIII веке в древних мастерских Центральной России.

Примечательней всех были находки, обнаруженные в курганах VIII—IX вв. на Аландских островах, которые в то время были густо заселены. Речь идет о глиняных лапах, оказавшихся в могильниках еще до времен «эпохи викингов». Изготовленные из глины, затем обожженные на огне, размером не больше человеческой руки, эти странные изделия представляли собой изображение лап медведя. По утверждению Мейнандера, в Финляндии, Восточной Прибалтике и Карелии они абсолютно неизвестны, а в Швеции найдена только одна такая «лапа».

Как известно, в могильниках Ярославского Поволжья археологами было найдено огромное количество идентичных глиняных лап медведя. Бронзовые украшения — фибулы, обнаруженные в скандинавских странах, оказывается, изготовлялись не только в Прикамье, но и в Ярославской области. Поэтому Мейнандер сделал вывод, что где-то на средней Волге находилась местность, откуда в течение столетий в период раннего Средневековья активно поддерживались контакты с населением северо-западных территорий. Группы торговых людей, или *коробейников*, якобы приходили с Волги в Южную Финляндию и в Лапландию, принося с собой указанный товар, и производили обмен на пушнину.

Далее ученый приводит непонятно откуда взятое сопоставление. Будто бы в финском языке имеется «специальное слово» для обозначения этих коробейников, бродячих торговцев, а именно «перми» (permi), что фонетически, по его мнению(?), хорошо соответствует скандинавскому слову «биарм» (bjarm). Очень смелое утверждение, вернее сопоставление, при этом он еще умудрился упрекнуть «кареловедов» за то, что незнание этого удивительного сравнения помешало их «правильному пониманию вопроса о биармах».

В заключение Мейнандер приходит к суждению, что центральный район страны биармов находился на территории теперешнего Ярославля, откуда жители Биармии совершали дальние путешествия к побережью Ледовитого океана и в северную Скандинавию. Рискованное заявление, хотя доля правды в нем есть. Главная ошибка ученого заключалась, на наш взгляд, в том, что Ярославль никогда не был главным «центральным» местом Биармии. Такого же мнения придерживалась исследователь древностей карельского народа С.И. Кочкуркина (1986).

Она полагала, что приведенные Мейнандером сведения о найденных на севере Финляндии «пермских предметах» не подтверждают связи Ярославля с побережьем Ледовитого океана. Аналогии зооморфным украшениям можно найти значительно ближе — в юго-восточном Приладожье.

В 80-х годах прошлого столетия другой финский историк, Х. Киркинен, отстаивал традиционный взгляд на Биармию, страну не локальную, а представляющую собой обширную территорию в североевропейской части России. Он считал, что все известные источники позволяют заключить, что «*Биармия располагалась и в устье Северной Двины, и на южном побережье Кольского полуострова, главным образом в низовьях рек Умбы и Варзуги, а также на территории важнейших погостов Прионежья*».

В тех же 80-х годах советская исследовательница древнескандинавских географических сочинений Е.А. Мельникова подвергла резкой критике попытку К. Мейнандера приурочить Биармию к Ярославскому Поволжью, посчитав аргументы финского ученого не убедительными, т. к., по ее мнению, в Скандинавии известны предметы, причем не в малом количестве, имеющие свое происхождение из бассейна Камы, из Карелии и других областей европейского северо-востока. Мельникова про-

сила обратить серьезное внимание еще на один аспект — историко-географический, — который, по ее мнению, необходимо учитывать при решении вопроса о Биармии. Исследование внескандинавской топонимики в древнескандинавских источниках, как считала она, показывают, что далеко не все топонимы местного происхождения были однозначны или сохраняли строго фиксированное значение на всем протяжении своего существования, например, такой как Хольмгард (Holmgardr). И особенно подвижны были, по ее мнению, топонимы скандинавского происхождения, служащие для обозначения земель на краю скандинавской ойкумены, земель, посещавшихся скандинавами очень редко и представления о которых поэтому были особенно нечетки и неопределенны. И в первую очередь, к этой категории она относила хороним *Bjarmaland*.

Е.А. Мельникова полагала, что доказательством этому служит неустойчивость его локализации в тех источниках, которые содержат достаточно данных, и общее неопределенное отнесение его к северо-востоку Европы в остальных. Поэтому можно предположить, что название Биармаланд в представлениях древних скандинавов было связано не с ограниченной, четко очерченной территорией, а с обширным регионом, «*куда скандинавы попадали преимущественно морским путем, огибая Скандинавию с севера, в первую очередь с той ее частью, которую заселяли финно-язычные народы*», заключила она.

Е.А. Мельникова, наверное, одна из первых подметила одну особенность топонима — его широкое и расплывчатое значение, имеющее тенденцию к постепенному смещению на запад в XIII—XV вв. Так, в период интенсивных связей скандинавов с севером Восточной Европы, в X—XI вв., когда походы в Биармию были наиболее часты, хороним имел максимально широкое значение. Источники,

отражающие географическую традицию конца эпохи викингов, характеризуют Биармию как крайнюю северо-восточную область Европы. Однако по мере сокращения числа поездок на северо-восток, ослабления связей с этими территориями, постепенно осваиваемыми новгородцами и суздальцами, хороним приурочивается, подметила исследовательница, уже «*ко все более западным территориям*». В конце концов, заключает она, на картах XV—XVI вв. Биармия появляется исключительно на Кольском полуострове.

Современные исследователи древнескандинавской письменности Т.Н. Джаксон и Г.В. Глазырина сделали очередную попытку локализовать Биармию. По их мнению, *Бьярмаланд* (Bjarmaland) — топоним, не поддающийся однозначному толкованию. По данным всех древнескандинавских источников, им обозначаются обширные территории севера Европейской части России, однако каждый источник говорит о своей Биармии, в более узком значении. Отсюда и множественность точек зрения в историографии. Эти ученые, проведя в конце 80-х годов анализ указанных источников, сделали заключение, что в «*данном контексте*» *Bjarmaland означает Подвинье, но включает в себя не только низовья Северной Двины, но и те районы Заволочья, куда проникала ростовско-суздальская дань*».

Спустя несколько лет, уже в середине 90-х годов, Г.В. Глазырина уточнила свою точку зрения о местоположении Биармии. Еще раз тщательным образом проанализировав сообщение норвежского путешественника Оттара, и почти разгадав секрет упоминания пресловутой «большой реки», исследовательница неожиданно сделала вывод, что отважный мореплаватель никогда не пересекал горла Белого моря. По-видимому, посчитала Г.В. Глазырина, «*Оттар остановился где-то на Терском берегу, возможно, в самой узкой части Горла напротив мыса Воронов, где он*

и обнаружил заселенную биармами землю». Таким образом, заключила она, земля *биармов* Оттара может быть локализована на южной оконечности Кольского полуострова — на Терском берегу Белого моря. Но это не значит, далее поправилась уважаемая исследовательница, что Биармия находилась на Кольском полуострове, просто сюда в летний период прибывали *биармы* для рыбного промысла и меновой торговли. Во времена Оттара появление здесь в большом количестве населения — *биармов* — носило временный сезонный характер, а по представлению скандинавов *Бьярмаланд* находился в Подвинье. Более того, сделав анализ «Саги о Хальвдане», Г.В. Глазырина пришла к выводу об иной локализации Биармии — в Приладожье. Таким образом, по ее мнению, саги описывают два региона — Беломорье и окрестности Ладоги, называя население каждого из этих регионов одним термином — *биармы*.

Другой известный упомянутый знаток скандинавский саг, Т.Н. Джаксон, к началу XXI столетия также существенно изменила свое мнение о локализации Биармии. Более того, она склонилась к мысли, что существовала не одна, а две Биармии (северная и южная), разделенные Белым морем и его Кандалакшским заливом. По ее мнению, изначально топоним *Bjarmaland* служил для обозначения всей западной половины Беломорья между реками Онега и Стрельна (или Варзуга) на Терском берегу Кольского полуострова. Видимо, считает она, эту область имеют в виду и договорные грамоты Новгорода с великими князьями в 1264 и 1304—1305 гг., когда называют между *Заволочьем* (куда входило и нижнее течение Северной Двины) и *Тре* (Терским берегом, начинающимся к востоку от Варзуги) волость *Колопермь/Голопермь*, во второй части которой (*-перемь*) можно усмотреть тот же корень, что и в *beormas* Оттара и в *bjarmar* скандинавских источников. К сожалению, уважаемая Т.Н. Джаксон, как и мно-

гие предыдущие исследователи, оказалась жертвой ошибочной трактовки топонима *Biarmia*, считавших, что он произошел от слова *Пермь*.

Однако она не исключала того, что «*в ряде случаев название Бьярмаланд могло применяться к низовьям Северной Двины*». Изначальное «соединение» племен *биармов*, считает Джаксон, помещаемых большинством источников на Кольском полуострове и в западном Беломорье (откуда она это взяла?) и реки *Вины*, нередко выступающей в скальдике в качестве метафорического обозначения реки вообще, было осуществлено, по ее мнению, скальдом Глумом Гейрасоном. Изменение семантики топонима Bjarmaland, по сравнению с рассказом Оттара и другими источниками, могло произойти в королевских сагах и сагах о древних временах, вероятней всего, как следствие соотнесения скальдической реки *Вины* с реальной рекой Северной Двиной, ставшего возможным, как считала исследовательница, в результате участившихся плаваний скандинавов в Белое море и их знакомства с Северной Двиной. Вот так изящно уважаемому историку удалось все же, в конце концов, опять переместить Биармию с Кольского полуострова в низовья Северной Двины.

Но, самое главное (с чем категорически все время не может согласиться ее главный оппонент, историк и писатель А.Л. Никитин), она справедливо полагала, что саги, как правило, описывают естественный для норвежцев *северный* морской путь в Биармию, говоря о пути «***на север** в Финмарк и дальше вплоть до Бьярмаланда*», называя в качестве промежуточных точек несколько островов у северо-западного побережья Норвегии и у побережья Финмарка. Обратный путь описывается у них как путь «*с севера*»; героям саг приходится плыть по Гандвику; они попадают из Бьярмаланда «назад в Финмарк», а оттуда в Норвегию. Не подлежит сомнению, что Биармия

(Bjarmaland скандинавских саг) находилась именно на Европейском Севере.

Хотя относительно недавно (около тридцати лет назад) появилась другое, почти на грани фантастики, особое мнение, и что интересно, превалирующее в настоящее время над указанными выше точками зрения о месторасположении Биармии.

В 1976 году в журнале «Вопросы истории» вышла любопытнейшая статья А.Л. Никитина под названием «Биармия и Древняя Русь». Своей работой московский историк наделал много шума среди ученых-скандинавистов, т. к. в ней попытался разрушить устоявшиеся представления о географическом положении Биармии. Он утверждал, что Биармии никогда не было не только у Белого моря, но даже на Кольском полуострове, а она находилась на побережье Рижского залива, в устье Западной Двины. По мнению Никитина, английский король Альфред Великий не сам записывал знаменитый рассказ Оттара, а это делал придворный писец. И самое главное, при беседе якобы присутствовал еще один путешественник, Вульфстан, совершивший накануне плавание из Дании в Финский залив. Король расспрашивал их одновременно, так утверждал А.Л. Никитин, а писец механически все фиксировал, в результате получилось искусственное соединение двух рассказов. Как же историк пришел к такому суждению?

В своей книге «Королевская сага» А.Л. Никитин подробно рассказал об этом. В 60-е и в начале 70-х годов прошлого столетия ему часто приходилось бывать в Беломорском крае. Никитин посетил Онежский район, Терский берег Белого моря, где молодой ученый занимался археологическими поисками. После одной из таких по-

ездок на Север из-под пера талантливого писателя вышла замечательная книга «Остановка Чапома», рассказывающая о наших земляках, простых людях Беломорья, поморах.

В то лето он прошел, где пешком, где на лодке, почти весь знаменитый *Тре*, так называли в древнерусских летописях юго-западный берег Кольского полуострова. Начитавшись скандинавских саг, молодой романтик мучился одной мыслью — обязательно разыскать следы пребывания викингов на побережье Белого моря, ну хотя бы «найти какие-либо остатки их факторий», а на худой конец, ни много ни мало «раскопать и курган одного из древних «рыцарей удачи». В конце своего путешествия, когда он улетал на «кукурузнике» из Пялицы, соседней с Чапомой деревни, в окно иллюминатора ему удалось разглядеть недалеко от какого-то кургана четырехугольный контур якобы развалин «усадьбы — земляного дома похороненного здесь викинга».

На следующее лето с группой курсантов Архангельского мореходного училища и московских киношников, прибывших в Пялицу на учебной шхуне «Запад» (на той самой, которая стоит на набережной Двины), Никитин приступил к археологическим раскопкам злополучного кургана, считая, «что это, безусловно, гробница викинга», в котором они, конечно, ничего не нашли. Это было естественное образование, причуда природы, каких на побережье Белого моря можно обнаружить сотни, поморы их еще называют *сопками*.

Разочарованный неудачей, по его словам, Никитин потерял последнюю надежду найти доказательство плаваний скандинавов в Белое море. Невдомек ему было, что викинги никогда не хоронили своих коллег на чужой территории, а предпочитали погребать их в море. Даже в безвыходном положении все равно не оставляли убитых на

поле боя, подбирали и бросали мертвецов позднее в воду, главное, чтобы, как они считали, души погибших соотечественников не попали в руки врагов. Об этом хорошо сказано в саге «Об Одде Стреле». Более того, ни в одном скандинавском произведении не говорится о гибели норвежских или шведских королей (конунгов) в Биармии (рядовых викингов никогда не хоронили в курганах, этой чести удостаивались только верховные вожди, знатные люди). И если бы это произошло, то такое знаменательное событие обязательно оказалось отраженным в сагах. Причем, из саг известно, в этой северной стране побывали всего лишь два норвежских конунга — Эрик Кровавая Секира и Гаральд Серая Шкура, так что очень сомнительно было искать на территории Кольского полуострова какие-нибудь викингские захоронения.

Оттуда и начались у молодого археолога все «беды». Уже в Москве, сочиняя сагу для своего какого-то фантастического рассказа, А.Л. Никитин неожиданно пришел к мысли, что скандинавы никогда не бывали в Белом море, «*не бывали — и все тут*!».

Вот так неожиданно на людей находит странное и удивительное «озарение». В результате долгих путаных измышлений, пересмотра текстов путешествия Оттара и других норвежцев, Никитин, в конце концов, пришел к мысли, что Биармия не могла быть не только в Беломорье, но и даже на Кольском полуострове, а она располагалась, по его мнению, исключительно на побережье Рижского залива Балтийского моря. Не будем анализировать его дальнейшие мучения по пересмотру данной проблемы: желающие прочувствовать терзания молодого разочарованного историка могут все это узнать из книги «Королевская сага». Однако из нее же напрашивается вывод, что Никитин не самостоятельно, как он утверждает, пришел к такому заключению.

Автором мысли, что Биармия якобы не могла находиться на берегах Белого моря и Северной Двины, считавшаяся «миражом, научным заблуждением, с которым пора покончить раз и навсегда», как уже упоминалось, был небезызвестный К.С. Кузнецов — автор знаменитой статьи «Вопрос о Биармии». Этому этнографу в тиши московского институтского кабинета, по его мысли, удалось развенчать легенду о таинственной Биармии, которой якобы никогда не существовало ни в Перми, ни в Заволочье. В конце концов, Кузнецов позволил разместиться ей на севере Кольского полуострова. Как видно из содержания статьи, для него не было авторитетов, часто в пренебрежительной, иногда откровенно насмешливой форме Кузнецов делал «опровержения» своих коллег, ученых-историков, иногда искренне ошибающихся в своих суждениях.

Это делалось с одной-единственной целью: будучи ярым *антинорманистом* (противником *норманнской* теории образования Руси), Кузнецов даже мысли не мог допустить, чтобы Биармия, которую постоянно грабили скандинавы и в которой ненавистные ему норманны в отдельные годы постоянно жили, уж никак не могла находиться на территории центра Русского Севера. В крайнем случае, пусть хоть тогда она будет расположена на самом севере Скандинавии, на спорной русско-норвежской территории Варангер-фьорда, где обитали дикие лопари.

Не объективностью, а тенденциозностью была пропитана эта статья, к сожалению, именно с этой целью, а не научной наверняка она и писалась. Хотя за перевод многих саг низкий ему поклон от потомков.

Никитин же пошел дальше. Восхитившись работой Кузнецова, назвав его крупнейшим специалистом по исторической географии и одновременно пожурив за не-

компетентность К.-Ф. Тиандера — автора книги «Поездки скандинавов в Белое море» и за то, что тот не был историком и географом, а обыкновенным филологом (что с него взять!), Никитин поставил под сомнение путешествие Оттара в Беломорье. Одним из главных аргументов был факт, что, по его мнению (а точнее Кузнецова), Оттар за пятнадцать *дней* своего путешествия мог дойти только до Нордкапа и не далее. Причем ученый делал упор именно на пятнадцать *дней*, а не *суток*. Уж кому-кому надо объяснять, только не ему, бывшему путешественнику по Северу, что в хорошую летнюю погоду, когда стояли тихие светлые, как день, ночи, суда древних мореходов шли без остановки и на них велась круглосуточная вахта. Или уважаемый Никитин думал, что после 8 часов вечера норвежцы приставали к берегу и до 8 утра давали «храпака», а затем завтракали и шли дальше. Не подлежит сомнению, о чем говорилось выше и приводились аргументы, что Оттар побывал именно в Белом море.

Далее Никитин дает клятву «продолжить то, что не успел завершить Кузнецов: подвергнуть внимательному анализу те письменные источники, на которые указал ученый». Снова в очередной раз, перечитав рассказ о путешествии Оттара, упрямый историк выдвинул свою «концепцию», суть которой заключалась в следующем. Подвергнув, по его словам, «структурному анализу тексты и вычленив из них историко-географические реалии», ученый сделал предположения (обратите внимание — только предположения!), что, во-первых, Оттар и Вульфстан совершили совместное путешествие в Восточную Прибалтику, во-вторых, в момент беседы с королем Альфредом Великим находился не один Оттар, но и его товарищ Вульфстан, которые одновременно(?) рассказали о своих путешествиях — один на север, а другой — на восток по Балтийскому

морю, и, в-третьих, самое главное, при записи сведений норвежских путешественников якобы могла произойти путаница, выразившаяся в перестановке отрывков сообщений из одного в другой. То есть, не мудрствуя лукаво, Никитин фрагменты текста исторического источника переставлял местами, как ему было удобней, сделав после этого очередное предположение(!), что писец (или сам король) неправильно(?) записал последовательность рассказа Оттара и Вульфстана. В результате получилась интересная картина — все сведения о «беормах» оказались у Никитина в рассказе Вульфстана, совершившего путешествие в восточные страны, а Оттара, который странствовал на север, оставил без них. В результате такого «препарирования» старинного текста у А.Л. Никитина Биармия очутилась на побережье Балтийского моря.

Вот это и есть так называемый «структурный анализ» древних текстов и «вычленение из них историко-географические реалий». Полнейший абсурд, если мы будем так изучать историю, основываясь на своих эмоциях и необоснованных предположениях, то ее надо каждый раз заново переписывать.

Еще в начале 80-х годах заблудившегося историка очень вежливо пытался урезонить финский ученый Хейкки Киркинен: по его словам, «*автор статьи весьма свободно толкует скандинавские саги, причем метод их толкований не имеет достаточных обоснований*», «*доводы, приводимые А.Л. Никитиным, весьма недостаточны, неопределенны и частично ошибочны, поэтому эта теория должна быть отвергнута как не выдерживающая критики… В то же время средневековые русские, скандинавские и финские источники говорят в пользу представления, согласно которому Биармия находилась в районе Беломорского побережья*».

Почти тридцать лет продолжается этот бессмысленный спор, не стоящий выеденного яйца. В ход даже пошли оскорбления почтенных ученых и обвинения чуть ли не в политических доносах. Правильно заметил умнейший интернетовский оппонент Никитина, что он «сознательно дезинформирует читателя, пытаясь выдать свои предположения (точнее — голые фантазии) за нечто, что реально известно исторической науке». Откройте сайт со словом «Биармия», вы можете поучаствовать в увлекательном споре некоего Элекса, под именем которого быстро узнаете самого Никитина, и его оппонента — очень эрудированного и уравновешенного некоего Colonela Huntera, и все станет на свои места. Хотя в настоящее время появилось много сторонников Никитина, считающих, что он является той «последней инстанцией» в этом, повторяем, бессмысленном, специально им затеянном споре.

Самое интересное, Никитин приписывает себе авторство в части локализации Бьярмаланда на Рижском взморье, однако, как оказывается, это не соответствует действительности. Отзываясь о своих работах, посвященных вопросу Биармии, уважаемый историк, не боясь задохнуться от скромности, говорит, что «*они остаются единственными по полноте рассмотрения вопроса о Биармии с точки зрения накопленного на сегодняшний день археологического, этнографического, лингвистического и географического материла для обоснования местоположения данного фантома*» и перечисляет авторов, освещавших биармийскую проблематику в разное время. Однако почему-то он не назвал (или забыл это сделать) одну фамилию — речь идет об известном советском географе Иосифе Петровиче Магидовиче (1889—1976). Именно в год его кончины вышла нашумевшая статья Никитина в журнале «Вопросы

истории», где он представил «свою концепцию» искусного препарирования древних текстов, умудрившись при этом поместить Биармию на Рижском взморье, в устье Западной Двины.

И.П. Магидович хорошо известен широкому кругу специалистов как автор многотомного труда по истории географических открытий и исследований, начиная от возникновения древнейших цивилизаций до нашего времени. Еще в 50-е годы вышла его книга о древних путешественниках, не забыл он рассказать и о знаменитом плавании Оттара. Именно Магидовичу принадлежит идея, что река Вина, протекающая по Биармии, не что иное, как Западная Двина (Даугава), он пишет: «*Об особенностях р. Вину, протекающей по Биармии, можно получить представление из древних саг. Река впадает в море одним устьем, а на ее холмистых берегах растет смешанный лес, высокий и густой. Эта скупая характеристика в сочетании с упоминанием о многочисленном населении и обработанных полях не оставляет места сомнениям: речь идет о Западной Двине (Даугаве). Подтверждением такого вывода служит свидетельство Саксона Грамматика о походе датчан в Биармию. Они пересекли всю Центральную Европу и напали на биармийцев. Потерпев поражение, датчане отступили «в землю куров (куршей) и зембов (земгалов)», т. е. в области Средней и Западной Латвии, где жили эти древнелатышские племена. Иными словами, Биармия занимала территорию Эстонии, Северной и Восточной Латвии*».

И.П. Магидович с сыном, комментируя рассказ о путешествии Оттара, сделали предположение(!), что норвежский мореплаватель представил английскому королю только часть правдивых сведений. Когда норвежец стал говорить ему о биармах, здесь произошло, по их мнению, «какое-то недоразумение»(?), т. к. Биармии в тех местах не могло быть по вышеуказанной причине — и все. Но

Магидовичи не отрицали другого момента — Оттар мог побывать в Белом море. По словам ученых, «*всего вероятнее, что он дошел до горла Белого моря и пристал к юго-восточному берегу Кольского полуострова, а может быть, достиг Кандалакшской губы*».

Магидович и вместе с ним Никитин глубоко заблуждались в одном, именно Прибалтику скандинавы прекрасно знали и поэтому не могли спутать хорошо знакомые им прибалтийские страны, например, как указано в одном древнескандинавском географическом трактате XII века: «*Вирланд, Эйстланд, Ливланд, Курланд, Эрмланд, Пулиналанд, Виндланд — самый западный перед Данией*», с далекой и труднодоступной Биармией. Более того, как подметил неутомимый интернетовский Colonela Huntera, «*хорошо знали скандинавы прибалтийские племена — куршей, ливов, земгалов и др., ни в одном источнике они не смешиваются и не сопоставляются с бьярмами. Точно так же никогда не смешивалась с рекой Виной в Бьярмаланде хорошо знакомая скандинавам Дюна — Западная Двина, именно под этим названием неоднократно упомянутая в рунических надписях, географических трактатах, текстах саг*». И самое главное, в географическом трактате «Великие реки» начала XIV века Вина и Дюна упоминаются вообще раздельно, т. е. это, безусловно, две разные реки.

Следует отметить, окончательно «добивает» оппонент А.Л. Никитина, что лучше всего скандинавам был известен как раз район Дюны — Западной Двины: скандинавские источники хорошо знают острова и мысы в Рижском заливе, прибрежные племена и т. д. «*Каким образом в столь хорошо известной скандинавам Восточной Прибалтике мог оказаться «появляющийся и исчезающий Бьярмаланд» — остается на совести А.Л. Никитина*». Совершенно невозможно представить, почему при активных и непрерывных контактах скандинавов с наро-

дами Восточной Прибалтики они вдруг внезапно «потеряли» Бьярмаланд, полностью «забыли» о его местоположении — и, более того, «перенесли» его на север. Предположение А.Л. Никитина не только не находит подтверждения ни в одном историческом документе, но и противоречит, как вы сами убедились, всем без исключения упоминаниям *Биармии* (*Бьярмаланда*) в исторических источниках.

Именно поэтому фантом Рижского залива под названием *Биармия*, искусственно рожденный двумя исследователями, справедливо должен исчезнуть с географических карт древности.

ЧАСТЬ 7

НАРОД ЛЕГЕНДАРНОЙ СТРАНЫ

Так к какому же народу — *этникону* относились коренные жители легендарной страны — *биармы* или *биармийцы* (beormas — у англосаксов и *biarmar* — у скандинавов), к какой этнической группе их можно причислить? На этот вопрос, как и на вопрос о названии таинственной страны, ученые тоже не могут найти ответа в течение нескольких столетий.

Начнем с Иоганна Шеффера. Как уже знаем, он полагал, что одна и та же страна на Севере у скандинавских и исландских составителей саг называлась Биармией, а у западноевропейских писателей — Скридфиннией, Скритифиннией. В результате чего сделал очень интересный вывод, что биармы, вначале существовавшие отдельно, участвуя в различных войнах, уменьшались в количестве и затем, постепенно ассимилируясь с лапландцами, окончательно исчезли.

Составитель сборника скандинавских саг о Биармии, Рафн, отождествляя ее с Пермью, сделал предположение о том, что если, по словам Оттара, финны (т. е. *лопари*, обитатели Кольского полуострова) говорили почти тем же языком с *биармийцами* и в рассказе о походе Торира Собаки называли своего бога *Jomala* (а это вполне отве-

чает *квенскому Jumala*), то отсюда напрашивается вывод, как правильно считал С.К. Кузнецов, о «ничтожной диалектической разности пермяцкого и биармийского языков», т. е. *пермяки* — это *биармы*.

Однако, по замечанию ученого из Екатеринбурга А.В. Головнева, созвучные теонимы распространены не только у *финнов* и *карел* (*Jumala* — бог), но также далеко на восток — от *саамов* через народности *мари* и *коми*, где имя божества звучит в различных вариантах, как *Yibmel, Imbel, Yumala, Yummal, Yeu, Yuma, Yumal,* до *ненцев* (*Явмал*) и *хантов* (*Йем* в значении «священный»). Таким образом, сделал заключение исследователь, пространство Биармии этнически явно не замыкается на прибалтийских финнах, как некоторые думают. Более того, по мнению сибирского историка в сюжете скандинавских саг об ограблении викингами капища Йомали «*речь идет, скорее всего, о Северной Двине (Vina) — условном пограничье саамских и самодийских территорий*».

А.М. Кастрен отождествил все древнее население Севера (финские племена) с *биармами*, а последних — с *карелами*. Кроме того, он сделал вывод, что к финским племенам относятся и древние обитатели Двинской земли, *чудь* по народным преданиям, по летописям — *Заволочская чудь*, значит они, в свою очередь, не кто иные, как *биармы* скандинавских саг.

Признавая тождественность Биармии и Перми, архангельскоий исследователь П.С. Ефименко все же выражает сомнения в том, что Биармию должны заселять исключительно *пермяки* или *зыряне*. По его мнению, т. к. Биармия занимала огромную территорию на северо-востоке Европейской России и даже часть Сибири, то она должна заключать в своих пределах много различных финских племен, в том числе и *пермяков* и *зырян*. Но, вероятно, они занимали только восточную часть Биармии. На берегах же Северной Двины, был твердо убежден Ефименко, под име-

нем *биармийцев* скрывается давно исчезнувший народ — *чудь*, названный летописцами *Заволоцкой Чудью*.

Такого же мнения придерживался другой известный исследователь Севера Е.К. Огородников. Соглашаясь с суждением пермского историка П.С. Савельева, что название *биармийцев* (Biarmar у скандинавов, Beormas у англосаксов, Permii — у византийцев и Пермь — в русских летописях) не следует приурочивать исключительно к *пермякам*, т. к. «название Пермь нарицательное, а не собственное», поэтому, кроме них, под обитателями Биармии можно понимать и *корел*, очень рано занявших пространство от Ладожского озера до Белого моря и Северной Двины. По предположению Огородникова, *пермь* вместе с *корелами* носила имя баснословных *биармийцев*, исчезнувших или, скорее, скрывшихся под названием *заволочской чуди*.

Несмотря на то что «пермяцко-зырянское племя» большинство историков отождествляло с *биармийцами* скандинавских саг, тем не менее, Д.И. Иловайский и вместе с ним известный исследователь пермской старины А.А. Дмитриев справедливо полагали, что *биармы* должны обитать в прибрежьях Белого моря, на Северной Двине, там, где была *древняя заволочская чудь*.

Ссылаясь на часто встречающиеся названия поселений «Корелы», «Корельская», расположенные в низовьях Северной Двины, Д.П. Европеус полагал, что под *биармийцами* надо понимать обитавшие в те времена в устье Двины финские племена, причем именно *корел*.

По-иному думал знаток древнеарабских рукописей Д.А. Хвольсон, который отнес древнейшее население — *биармийцев*, правда, посчитав их ошибочно за жителей Перми, к предкам одного из племени Руссов (Руси), которое обитало далеко на Севере.

Наших современных ученых также интересовал вопрос этнической принадлежности *биармов* или *биармий-*

цев. Так Е.А. Рыдзевская при анализе скандинавских саг с целью выяснить, какие племена надо подразумевать под именем сбежавших от татар «бьармов» в Норвегию, пришла к выводу, что это были явно не *саамы* и не *карелы*, которых авторы саг хорошо знали, а наверняка другие племена, вероятней всего, жители Подвинья.

Такой же точки зрения придерживался и И.П. Шаскольский, считавший, что Биармия находилась на берегах Северной Двины, поэтому *биармы* должны были составлять основное население Подвинья IX—XIII вв. Русская начальная летопись помещает там *чудь заволочскую* — «загадочное племя, после XII в. исчезнувшее из русских источников». В таком случае *биармы* и *чудь заволочская* — это один народ.

Иного мнения придерживались финские ученые. Один из них А.М. Талльгрен, поскольку в Перми не были обнаружены скандинавские находки, сделал заключение, что Биармия должна находиться в Приладожье и, следовательно, *биармы* были *карелами*. Как уже упоминалось, позднее у Талльгрена нашлось много последователей, таких, как шведский ученый В.И. Равдоникас и советские Л.А. Голубева, С.И. Кочкуркина, В.И. Матузова и другие.

Финский ученый-лингвист К. Вилкуна сделал попытку установить этническую принадлежность *биармов*. Вероятно, под влиянием того же Мейнандера или других источников, Вилкуна пришел к выводу, что *пермь* — это название профессии, поэтому Биармию следует понимать как организацию купцов, а не государства, а *биармов* — как северных бродячих торговцев-коробейников, которые поддерживали торговые связи на больших территориях. По его мнению, жители Биармии были этнически неоднородны, под которыми могли подразумеваться многие северные народы, но говорили они на своем родном языке: карельском, коми, саамском, вепском и даже русском.

В 80-х годах прошлого столетия еще один финский исследователь, Х. Киркинен, как и предыдущие историки, название *биармов* выводил из термина *permi — перми, пермь*. Он полагал, что вначале *пермью*, или *биармами*, возможно, считали жителей Верхней Волги финно-угорского происхождения, занимавшихся торговлей пушниной, но затем к *биармам* стали относить население карельского и вепского происхождения, центральными районами расселения которых были «*огромные пространства за верховьем Северной Двины, а также низовья Северной Двины и Онеги, южное побережье Кольского полуострова и, наконец, важнейшие погосты Прионежья*».

Как видно из вышеприведенного, эти объяснения являются издержками той самой искусственной и в корне неверной, на наш взгляд, мнимой теории о фонетической тождественности названий Биармии и Перми.

Итак, вам был представлен в основном весь спектр мнений об этнической принадлежности жителей загадочной страны Биармии. Наши современные исследователи не ушли далеко, основная масса придерживается точки зрения, что *биармы* — это племена *чуди заволочской* и *карел (корел)*, обитавшие когда-то на берегах Северной Двины и Белого моря, другая часть историков причисляет к ним *пермяков, зырян, вепсов* или *весь, водь*, другие племена, населявшие север Европейской части современной России.

В заключение приводим наиболее интересное, на наш взгляд, суждение по существу данного вопроса, высказанное Д.В. Бубрихом в середине прошлого столетия. Он писал: «*Заволоцкая Чудь — нечто созерцаемое со стороны западного и юго-западного входа в Заволочье; Biarmaland, Beormas — то же самое, созерцаемое со стороны Белого моря*». Думается, точнее не скажешь.

Часть 8

Поиски происхождения названия Биармии

За время многовекового спора о тождественности Биармии (Биармаланда) и Перми исследователями делались и неоднократные попытки объяснить происхождение названия загадочной страны.

Если следовать хронологии, то, вероятно, немецкий филолог Иоганн Шеффер в своем труде под названием «Лаппония» (1673) первым сделал попытку отыскать корни происхождения названия Biarmia, однако незнание финских языков, в конце концов, заставило его обратиться к трудам другого ученого, Буреуса (Buraeus), и согласиться с его мнением, что это название происходит от финского слова *warama (wara — гора* и *та — страна),* т. е. «*гористая страна*». Кроме того, описывая административное деление Лаппонии на округа, Шеффер сообщил очень любопытную подробность, что округа эти делились на крупные участки, называемые *byar (бияр),* на которых располагалось по несколько селений или кочевий. Из подобных бияров выделялся земельный надел со всякими угодьями для каждой семьи. Конечно, было бы заманчиво так запросто объяснить название страны скандинавских саг, однако на этом не настаивал и сам Шеффер.

Составитель двухтомного сборника «Русские древности» Рафн (Rafn) (1850) полагал, что форма *Beormas* в записи англосакса короля Альфреда Великого вполне соответствует *Biarmar* норренского (древненорвежского) языка. Обе эти формы Рафн признавал переходными, а их первоначальным видом считал слово *Birm* или *Birmr*, который как нельзя более, по его мнению, соответствует слову *Пермь (Biarmar = Permiens-пермяки)*. Его современник, автор «Кельтского словаря» Обермюллер, объяснял этимологию этого слова от *bior = вода (скандинавское — пиво) + та = страна, место*, т. е. выходит *водная (пивная) страна* или *страна при воде*. Согласитесь, странное получается объяснение.

Как уже указывалось, первыми, вначале Бангерт, а затем независимо от него Страленберг, отождествили Биармию и Пермь, тем самым признав, что имя первой страны произошло от названия второй. Повторимся, авторитет шведского историка повлиял на многие поколения последующих исследователей, его мнение было принято отечественными и зарубежными историками безоговорочно, как нечто, не требующее доказательств. Не стал исключением и наш знаменитый летописец В.Н. Татищев.

Кстати, в отличие от многих исследователей этого запутанного вопроса, он, один из немногих, дал объяснение названия *Биармаланда*. В.Н. Татищев, не мудрствуя лукаво, полагал, что в имени *Биармия* (*Бярмия*, как он называл), являющемся, по его мнению, словом *сарматским* (финно-угорским или чудским. — *Авт.*), местными финскими племенами вместо буквы Б употреблялось мягкое П, поэтому «*Бярмия*» есть не что иное, как «*Пярмия*». Как полагал историк, *Пермь* или «*Периама*» означала «*вольная земля* или *республика*». Более того, Татищев дал еще одно очень интересное объяснение названия *Перми*, к которому мы обязательно вернемся, полагая, что «*Уберма*

или *Пеурма*» переводится с туземного языка как «*Оленья земля*».

Другие сторонники отожествления Биармии и Перми, такие как Шёгрен, Савельев, Лыткин, утверждали, что *Пермь* является просто новгородской переработкой слова *Биармия*. Пытаясь выяснить значение слова *Пермь*, они выводили его происхождение от финско-зырянско-пермяцких корней.

Так, А.М. Шёгрен полагал, что скандинавы узнали о Биармаланде от местного населения, когда прибыли на Русь. Для объяснения толкования этого слова он сделал несколько предположений: во-первых, в этих местах в те времена жили три разных народа, обитающих друг за другом по направлению к востоку: вначале какие-то неизвестные племена, затем финны и, наконец, пермяки, которые сами себя называли другим именем. Во-вторых, когда пермяки соседствовали с финским племенем, то они называли эту область по одному варианту — финским словом Perämaa, означающем *задняя сторона* или *земля,* и по другому — зырянским Perjema, т. е. *отнятая земля*» и Perimä — *унаследованная земля*. Поэтому резонно возникает вопрос, справедливо заметил впоследствии Тиандер, как пермяки могли назвать свою землю *унаследованной*, тем более *отнятой* и *задней*. Более того, имена Perjema и Perimä в звуковом отношении далеко не тождественны, считал ученый-лингвист, и поэтому переход их в *Пермь* почти невозможен.

Знаток арабской нумизматики П.С. Савельев (1852) и вместе с ним исследователь народа коми, известный археолог и историк Павел Иванович Савваитов (1815—1895) производили Пермь и Биармию от пермяцкого слова *Päärma*, якобы имеющего одинаковое значение со словом коми языка *syrja* или *syrjä* и переводимого как *украина*, т. е. она снова была представлена в значении *крайней*

или *задней* земли. При всем к ним уважении, следует признать их попытку объяснить таким образом значение слова Пермь, как производной названия Биармии, несостоятельной.

Два других исследователя — пермяцкого языка Николай Абрамович Рогов (1825—1905) и коми языка Георгий Степанович Лыткин (1835—1907) производили *Пермь* и *Beormas* из зырянского слова *parma — поросшая лесом возвышенность*. Тиандер когда-то справедливо сомневался в возможности вывести из формы *Parma* скандинавское слово *Bjarmir,* т. к. абсолютно не существует этимологической связи между этими словами. Хотя, кстати, недалеко от Чердыни, на реке Зуле, действительно была деревня *Парма*, имелись и другие места в Пермском крае с таким названием.

Еще один исследователь пермской старины, Ф.А. Теплоухов (1895), справедливо полагая, что корни *Bjarm* и *Beorm* имеют скандинавское происхождение, считал, что именно норманны, с чем согласны и авторы книги, занесли на Русь название Биармии, из которого «*посредством порчи получилось Пермь*». Далее ученый пояснил свою мысль. По его мнению, новгородцы, узнав по слухам о существовании на востоке богатой Биармии, могли принять за нее первую же страну, в которой они нашли возможным приобретать серебро, ценные меха и прочее, а затем присвоили ей название Биармии, преобразовав его позднее в Пермь.

Были и другие попытки, иногда даже наивные, объяснить название Биармии, однако они не выдерживают никакой критики. Так, например, архимандрит Макарий при написании труда о житии святого Стефана Пермского (1856), в патриотическом порыве попытался объяснить скандинавское название *Биармия* образованным только из пермяцких слов. Причем он представил несколько словопроизводств:

Би (огонь) + *ур* (белка) + *му* (земля) *Биурму — «страна огненной (красной) белки»*;

Би (огонь) + *ар* (год) + *му* (земля) = *Биарму — «страна годового огня»*;

Би (огонь) + *югер* (луч) + *му* (земля) = *Биугерму — «страна огненных лучей»*.

Думается, следует отметить неуемную удивительную фантазию и богатое воображение этого духовного лица.

К числу такого же наивного объяснения названия легендарной и таинственной страны можно отнести и «толкование слова Biarmia», представленное С.К. Кузнецовым (1905) в своей известной одноименной статье, как он осторожно выразился, «только в виде слабой догадки». Ученый, по его словам, «позволил себе допустить предположение», что слово «Биармия» могло произойти из объединения или слияния двух древнесеверных слов: *by — «город»* и *armr — «рука, рукав, бухта, залив»*. А уже из *byarmr, «путем постепенного развития в bijarmr и bjarmr, легко могло получиться Bjarm, т. е. та форма, в которой мы встречаем название загадочной страны — Bjarm + land или Bjarmaland»*. По объяснению Кузнецова, слово *Byarmr* означал бы *«город при заливе или бухте»*. И тут же сам засомневался в таком объяснении, т. к., по его мнению, *«все же трудно говорить о каком-то городе при устье Северной Двины»*. Это еще раз говорит о том, что он даже мысли не мог допустить, не отступая от своих принципов, расположить Биармию в низовьях Северной Двины.

Вопрос о происхождении названия Биармии и Перми в частности, по словам автора книги «Поездки скандинавов в Белое море» К.-Ф. Тиандера (1906), явился для него «чисто лингвистическим экскурсом». И неудивительно,

Тиандер был известным докой в своем любимом деле — лингвистике.

Сравнив скандинавские названия племен, населявших таинственную страну, которые обычно встречаются в исландских сагах во множественном числе: *Bjarmar* — жители Биармаланда (единственное число — *Bjarmir*) и англосаксонское — *Beormas*, ученый подчеркнул, что эти слова разнятся только на первый взгляд. Если учесть так называемый «закон преломления», существовавший в древнегерманских языках, то это различие легко устраняется, т. к. звукосочетаниям *ea (ia)* — в скандинавском языке и *eo (io)* — англосаксонском предшествовало прагерманское *e*. В силу этого закона Тиандер на основании норвежской формы *Bjarmir* восстановил первоначальное, более древнее слово *Bearmir*, соответственно англосаксонское *Beormas* должно было иметь прежнюю форму *Bermas*. Из них Тиандер легко получил корень *berm* и затем, используя так называемое «действие перебоя» — основу *bherm*. Как сами видите, на что обратил внимание и наш исследователь, полученное слово уж очень напоминало русское и финское название *Perm* (Пермь).

Разбираясь в соотношении этих названий, Тиандер справедливо сделал предположение, что эти слова могли иметь различное происхождение. Если исходить из случая, что указанный корень *perm* было русского или финского, т. е. местного, происхождения, то невозможно было бы объяснить перехода в скандинавское *berm* — т. к., (обратите внимание!) при заимствовании чужих слов звук *p* в скандинавском языке обязательно сохраняется. Значит, если бы Perm (Пермь) перешло в скандинавский язык из какого-нибудь любого иностранного (не только русского, финского) языка, подчеркнул Тиандер эту важную мысль, то непременно сохранился бы первый звук *p*. Тем более,

далее развил ученый мысль, «нет никакого основания думать, чтобы скандинавское *b*, при переходе в русский язык, превратился в *p*», т. к. при заимствовании иностранных слов звук *b* в русском языке неизменно сохраняется. Поэтому нет оснований предполагать, что скандинавское *berm* когда-нибудь могло дать русское *perm* (*пермь*).

Что касается заимствования скандинавского корня *berm* самими финнами, то там действительно встречается отсутствие звука *b* в начале слова. Поэтому в финском языке все заимствования слова, имеющего *b*, меняются на *p*. Например, древнесеверное слово *barm* у финнов звучит и пишется как *parma*. Из вышеизложенных лингвистических рассуждений Тиандер сделал следующие выводы.

Во-первых, скандинавское название Биармии (Biarmaland) образовалось из корня *berm* Финские племена (сами биармийцы? — *Авт.*), обитающие в здешних местах, изменили корень *berm* — в *perm*. При колонизации Севера новгородцы узнали о Перми не от скандинавов, а от финнов, поэтому у русских явилась форма Пермь, к которой ими приурочивается значительная часть населения Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской губерний.

Во-вторых, ссылаясь на существование в прагерманском языке корней *bherem — bherm — bhrem*, Тиандер сделал однозначный вывод, что они являются основой для образования и названия Перми. Подтверждение этому он нашел по форме ее упоминаний в древних новгородских грамотах, где она постоянно писалась как *Перемь*.

Для справки, впервые слово *Пермь* встречается в IV Новгородской летописи под 6695 (1187) г.: «*того же лета избьени быша даньники Перемьскии и Югорскии*». В договорных грамотах Новгорода с тверским князем Ярославом 1263 г. Пермская область названа *Перемь*.

Затем Тиандер попытался из слов различных языков германской группы (английского, норвежского, голландского, исландского, немецкого и др.), восходящих к основе *bherem* — восстановить ее значение. Итогом этой лингвистической работы стал вывод, что из указанного корня могло образоваться слово *berm — береговая полоса,* из которого и сформировалось название легендарной северной страны.

По мнению Тиандера, скандинавы (тот же Оттар), впервые посетившие Северную Двину и увидевшие поселения неизвестного им народа, тянувшиеся вдоль берега, назвали эту местность *Berema* или *Berma*. Туземцы тут же, причем, усвоив не одно, а оба эти варианта, назвали народ (сами себя? — *Авт.*) и местность *Перема*. А новгородцы якобы переняли от финнов сокращенную форму этого слова *Пермь*. Скандинавы позднее из *Berma* образовали *Bearmir, Bjarmir*. Когда название *Пермь* уже стало этническим, уверял в начале прошлого столетия Тиандер, то оно было перенесено ими на ту местность, где бывали, если и не жили, биармийцы. Таким образом и образовались местные названия, сделал заключение ученый.

Позднее многие исследователи (не стали исключением и известные современные ученые) использовали в своих трудах именно такое объяснение названия Биармии, в чем они, как окажется, вместе с Тиандером глубоко заблуждались.

Другие же современные ученые, не ошибемся, если скажем — большинство из них, в настоящее время наиболее приемлемой считают гипотезу исследователя карельского народа середины прошлого столетия Д.В. Бубриха, согласно которой название страны *Bjarmaland* и наро-

да *Bjarmar* берет происхождение от карело-вепсского *perämaa — задняя земля* или *земля за рубежом*. Этот термин якобы отразился позднее в русском *Перемь, Пермь*. Хотя, как мы уже знаем, это не его собственное предположение, а заслуга финского ученого Шёгрена.

Осталась не забытой современниками и попытка двух исследователей зырянского края Н.А. Рогова и Г.С. Лыткина объяснить образование названий *Пермь* и *Beormas* из зырянского слова *parma* — переводимая в настоящее время как *густой сосновый лес*. Только ссылаются наши ученые уже не на них, а на известного филолога конца девятнадцатого века А.И. Соболевского (1856—1929), который полагал, что загадочная Биармия связана с «*русским названием северного народа Перьмь, Перьмы, Перем*». А якобы произнесенное скандинавами на свой манер слово *парма* будет звучать не иначе как *Биармия*.

Попытки некоторых ученых объяснить название Биармии «заносят» их иногда так далеко, что просто удивляешься поразительной неуемной фантазии людей. Так, например, абсолютно случайно наткнулись на одну статью в Интернете под названием «Великая Булгария в Поволжье», где автор вполне серьезно, с налетом научности, доказывает наивному читателю, что «*не позже середины VII века в Волго-Камье образовалось государство Биармия (Биарым, Биармаланд)*». Воспетая в скандинавских сагах, утверждает автор, в VIII веке это была уже богатая и экономически развитая страна, которая (обратите внимание!) «*одно время участвовала в военных действиях против скандинавов на стороне новгородцев*», но это было, скромно заявляет автор статьи, эпизодическим случаем. И так далее. Но самое главное, у него население Биармии принадлежало к каким-то племенам *биаров* (*битеров, биляров, буляров*), основную часть которых, оказывается, составляли *тюрки* и *кыпчаки*. Название пле-

мени «биар» (*бей, бай-ар*) соответствует значению «богатый, высокого положения человек». От них страна стала называться Биармией. Прямым преемником Биармии стала Великая Булгария в Поволжье. Биармийцы же, без нотки сомнения пишет автор, «*остались в истории как миролюбивые предки современных татар, башкир и* (оставляет нам надежду писатель!) *некоторых других народов*». Вот такой околонаучный вздор, иначе не назовешь.

Существуют и другие, более фантастические, буквально «высосанные из пальца» объяснения названия Биармии. Сейчас ведь появилось много желающих приобщиться к Биармии, попытаться найти свои истоки, корни в истории этой древней, удивительной и загадочной страны и ее народа. Однако приведенных примеров, думаем, будет уже достаточно.

И, наконец, как бы подводя итог всему выше сказанному, наверное, имеет смысл представить и авторскую точку зрения по этому очень непростому и острому вопросу, — откуда появилось и что означает слово *Биармия (Биармаланд)*.

Прежде чем рассмотреть указанный вопрос, хотели бы представить еще одну версию происхождения слова *пермь, Пермь*, с которой в настоящее время почти все исследователи отождествляют *Биармию*, хотя, по нашему твердому убеждению, это абсолютно неправильное суждение.

Основой подобного толкования указанного термина послужила так называемая *яфитическая* теория языка выдающегося лингвиста, академика Николая Яковлевича Марра (1865—1934), на наш взгляд, незаслуженно преданного «анафеме» в начале пятидесятых годов «вож-

дем всех народов», своим земляком и прежним почитателем И.В. Сталиным. Именно по этой причине тексты Н.Я. Марра, после издания в 1933—1937 гг. пятитомника его избранных работ, практически не только не печатались, но исчезли совсем и хранятся в запасниках, а где-то просто оказались списанными из библиотечных фондов и сожжены. И сегодня произведения Марра даже в крупнейших библиотеках можно найти с большим трудом, с чем авторы настоящей книги сами столкнулись. Только благодаря помощи сотрудников Библиотеки им. Добролюбова в г. Архангельске нам удалось познакомиться с первыми четырьмя томами избранных работ забытого ученого.

В судьбе этого человеке все было удивительным: сын шотландца, переселившегося в XIX веке в Грузию, и грузинки — не очень образованной гурийки; говорили, что он мог выучить новый язык за один день, поэтому позднее коллеги его называли гением за потрясающие знания восточных языков. Поразительно, когда-то при поступлении в Петербургский университет на факультет восточных языков Николай Марр записался изучать сразу все языки Ближнего Востока и Кавказа. Такого в истории университета еще не бывало! И он действительно выучил все эти языки, изумив видавших виды профессоров. Именно тогда, на студенческой скамье, ему впервые пришла в голову идея о родстве ряда грузинских и семитских языков, которую он начал культивировать. Он поставил себе задачу — доказать великое мировое прошлое народов Кавказа. В результате чего и родилась пресловутая *яфитическая* теория.

Согласно Библии, Яфет (Иафет) был одним из сыновей праотца Ноя, потомство которого имело отношение к Кавказу. Еще на университетской скамье Марр изобрел термин *яфетические языки* сначала для обозначения родственности грузинского, сванского, мегрельского

и чанского языков с семитскими и хамитскими (от Сима и Хама — других сыновей Ноя, потомки которых после расселения дали, согласно Марру, родственные языковые семьи). А затем к *яфетической семье* он начал привлекать все древние *мертвые* языки Средиземноморского бассейна и Передней Азии и некоторые редкие *живые* языки — по принципу, как он сам говорил, «*что плохо лежит*».

Во «Вступительной речи к курсу общего учения о языке», Н.Я. Марр продекларировал, что «*не могу я рассчитывать и на знакомство с положением или учением о четырех элементах, т. е. с тем, что все слова всех языков, поскольку они являются продуктом одного творческого процесса, состоят всего-навсего из четырех элементов, <...> называвшихся нами же племенными словами* SAL, BER, YON, ROS — *основа формального палеонтологического анализа каждого слова*». К сожалению, мы уже никогда не узнаем, почему «шаман науки», как прозвали его позднее коллеги, выбрал именно эти «племенные слова» за основу всех языков, не пожелав ознакомить своих последователей с истоками удивительной теории. За что и подвергся жесточайшей критике со стороны оппонентов — советских ученых, которые поначалу вторили ему, особенно не вникая в ее смысл, но затем «отвели души» охаивая его учение, когда Сталиным была дана соответствующая команда.

Кстати, интерес к «странному» учению Н.Я. Марра не исчез, в последние годы можно даже говорить о его возрождении. Так, в августе 1993 года проходила конференция по истории языкознания в Джорджтаунском университете (США), где прозвучал специальный доклад, посвященный палеонтологическим (палеонтология — от греч. palaios — *древний*, ontos — *сущее,* logos — *учение*) идеям Марра, где, в частности, разбиралась именно его палеонтологическая гипотеза о четырех первичных элементах

языка (*sal, ber, yon, ros*). Как считают ученые, действительно, разнообразные сочетания этих элементов характеризуют архаические этапы *глоттогенеза* (процесса становления естественного человеческого звукового языка), т. е. перехода от названных Марром «диффузных» звуков (от латинского diffundo — *разливаю*) через *фонему* (единицу звукового строя языка, с помощью которой рождаются отдельные слова) к становлению соответствующих ему смысловых форм. Палеонтология речи, считают ученые, дает возможность прояснить также особенности архаического сознания, этногенеза (происхождение народов), истории культуры и др.

Говоря о возникновении первичных элементов языка A — *sal*, B — *ber*, C — *yon*, D — *ros*, Марр утверждал, что одновременно они «*представляют собой не что иное, как племенные названия*», при вхождении в состав которых «*без изменения или с некоторым позднейшим перерождением*» появляется возможность объяснить смысл их названий, например: *сар-мат — сал* (A), *и-бер — бер* (B), *ион-яне — ион* (C), *эт-руски — рос* или *рош* (D). Племена же, в свою очередь, полагал ученый, носили обычно имена животного или растения в табуированной, т. е. запретной, непроизносимой, форме. Указанные четыре слова или элемента являлись названиями тотемов. А имена тотемов-божеств, как считал ученый, поэтому и стали этими первыми племенными словами или «элементами» будущих языков.

Исходя из теории Марра о происхождении языка и племенных названий, перед самым началом гонений на его учение, в 1947 году, на свою беду попытался объяснить происхождение коми-пермяцкого народа в своей интереснейшей книге никому не известный географ Н.И. Шишкин, о нем упоминалось выше. И сразу же попал под огонь сильнейшей критики именитых советских ученых-историков,

этнографов и лингвистов. Характерной для того времени была статья известного ученого Н.Н. Чебоксарова, в которой он старался отречься от учения Марра, заодно топя малоизвестных коллег, в том числе и этого очень талантливого, судя по его книге, молодого ученого Н.И. Шишкина. Тогда шли на все, чтобы спасти не только свою научную карьеру, но и свободу, а иногда — жизнь: сталинские времена были суровыми. Так вот, именитый ученый заклеймил молодого коллегу за то, что тот посмел применить в своей книге «*идеалистический четырехэлементный анализ Н.Я. Марра в вопросах происхождения народов угрофинской языковой группы*», хотя сам в предыдущие годы, используя его выводы, фактически сделал на этом научную карьеру. В чем же была «вина» «без вины виноватого» молодого географа?

А в том, что Н.И. Шишкин попытался нестандартно объяснить происхождение термина *парма*, как называли в этих местах «*возвышенное облесенное елью место*». Перед этим ученый привел слова Н.Я. Марра о языке древнейшего человека: «Когда хотели сказать «круг», «свод», «арка», «шар», — они говорили «небо». С другой стороны, «небо» и «гору», также «голову», обозначали одним и тем же словом. «*Небо» же служило названием племенного божества, так называемого тотема… Как «небо» и его части, так и «тело» и его части назывались одним и тем же словом, и так как у каждого первобытного племени, собственно первичной хозяйственной группировки, был свой тотем, свой «бог», свое «небо» по названию своего объединения, то по названию своего же объединения у каждой первичной хозяйственной группировки, скажем «первобытного племени», было свое слово для «человека», для «тела» и для его частей*». На основании данной цитаты Н.И. Шишкин сделал интересный, но далеко не бесспорный вывод, что в первоначальном виде слово *парма* означало на различ-

ных путях развития народов коми абсолютно разные понятия: то название племени, то «возвышенное облесенное место», то название страны, города.

Слово *парма* буквально можно перевести, правильно считал ученый, как земля (*ма* или *маа*) племени *пер*. А слово *пер*, как пережиток древнего племенного названия жителей Печоры, со всевозможными вариантами его огласовки (*пар, пор, бер, вӧр*), позже отразилось в топонимике края. Им названы не только возвышенности (*пармы*), но и реки (Печора, Подчерма, Пера, Воркута и др.), лес (*вӧр, парма*) и т. п. Даже христианский нагрудный крест на коми языке, подметил исследователь, именуется *перной* — названием талисмана племени *пер*, хотя крест, как известно, является древним солярным знаком *солнца*. Вероятно, и в упоминаемой в начальных летописях *Печоре* следует подразумевать племя, этноним которого в древности выражался словом *пер*. К сожалению, он, также как и Марр, не объяснил, а что же означало слово *пер* — название какого тотемного божества?

Ко времени составления первых Новгородских летописей племенное имя *пер*, доказывал Н.И. Шишкин, очевидно уже слилось с другим этнографическим термином *емь*, носители которого прибыли в Вычегодски-Печорский край с нижней Вычегды, ибо в летописях преобладает именно форма *перемь*, как выражение слияния двух племен с разными этническими названиями — *пер* и *емь*. Консолидация этих племен дало новое этническое образование с новым названием *перемь*, считал ученый. Мы, конечно, не спешили бы с такими выводами. Однако солидарны с ним, что именно с тех пор *печора* как летописное название народа исчезает, но если и упоминается, то в географическом смысле слова. За Вычегодским краем окончательно утверждается усеченная форма *перемь* — *Пермь*, а за жителями его — *пермяне*. Позднее оно в виде

пермяков переносится на жителей Верхней Камы, главный город которых долгое время также назывался *Пермью Великой* (г. Чердынь), заключил ученый.

Кроме того, существует гипотеза, что северные племена *пер* могли получить свое название от имени главного героя древнего коми-пермяцкого эпоса — богатыря *Пера*. В одном предании племенной истории говорится, как *Кудым-ош*, легендарный вождь древних коми, женился на дочери вогульского племенного вождя Ман-ньяысс, и у них родился богатырский сын *Пера*. И не удивительно, ведь отец носил имя *медведя*, т. к. тотем у местного древнейшего племени назывался *ош*, обожествлявший медведя. Кстати, до сих пор у народа коми *Ош* означает медведь, у нас же в Поморье косолапого зовут *ошкуй*.

И после его рождения «*все поклонились Пере-богатырю: скоты и кони, зверье в лесах, рыбы в водах, птицы запели стройно, леса шумели, <…> Пера стоял нагой, как могучий кедр, навечный юноша, белозлатовласый, и солнце уже вливало золото свое в его тело*». Пера-богатырь, как и мифический герой Древней Греции — Прометей, добыл коми-пермякам огонь, научил их «*ковать и кричить железо, вооружил дружины других вождей, объединил их в могучее войско, отогнал врагов от великих рек и оковал железными скобами тыны пермяцких городищ*». Пера не только принес лучезарный огонь, познакомил людей с ремеслами, письмом. Он принес знание и мудрость, добытые трудом, и передал их коми-пермякам, которые вели до этого «звериный» образ жизни, говорится в предании. В таком случае *Пермь* — летописная *Перемь* — *Перема* можно перевести как земля (*ма*) богатыря *Пера*. Кстати, одним из первых, кто пересказал легенду о Пере-богатыре, был известный путешественник, академик И.И. Лепехин. В своих знаменитых «Записках» он высказал предположение о том,

что от имени этого героя коми-пермяцкого эпоса произошло название народа.

Схожие имена героев существовали у другого северного народа — *манси,* обитателей низовьев р. Оби. Известно, что манси с древнейших времен делились на две фратрии, одна из которых носила имя *Пор*, предком которой считался медведь, а другая фратрия называлась *Мось* — предком была женщина *Калтась*, принимавшая облик зайца или гусыни. Они являлись главными тотемами этого народа, но, кроме них, были и другие тотемы: у Пор — кедр, лиственница и растение *порых*, у Мось — береза. Так что в основе слова *парма, пермь* могло оказаться и это древнее название одной из фратрий обских угров. По мнению специалистов, предки манси — угорские племена — были когда-то вытеснены из Прикамья за Уральский хребет пращурами тех же коми-пермяков, оставив им в наследство тотемные названия своих главных родов-фратрий.

И в заключение, великий русский историк В.Н. Татищев, объясняя название Биармии, сделал предположение, что Пермь или, как он пишет, *Периема, Пеурма* переводится с сарматского (угро-финского) языка — *оленья земля* (оленей — *пери, пеур,* земля — *ма*). Кстати, если заглянуть в современный русско-финский словарь, то слово *олень* переводится — *poro,* а *дикий олень — peura.* В этом отношении авторы книги абсолютно солидарны с великим историком. В далекие архаичные времена олень был одним из самых распространенных тотемов древних народов Европы и Азии, племенные названия которых произошли от его имени. Естественно, как тотемный зверь олень имел множество табуированных, непроизносимых имен. Не исключено, одним из самых первых имен было — *пер* (как не вспомнишь сразу марровское слово *бер*) или

с огласовками на финно-угорском языке — *пӧр*, а от него произошло название племени и территории: *Пӧрмää Пеурма — Перемь — Пермь — земля людей, поклоняющихся оленю,* или *оленья земля*. Авторы книги, конечно, не претендуют на роль «последней инстанции» в разрешении этого спорного вопроса, и считают свое (вместе с Татищевым) предположение одной из версий происхождения названия *Перми*.

Действительно, в течение многих веков ученые ведут спор о том, а как же образовались племенные названия народов, населявших нашу землю. Нельзя полностью исключать очень важной мысли — от именных названий племен произошло позднее название территорий, которые они заселяли. Наша же гипотеза происхождения названия *биармийцев, пермяков, карел, руси*, других племен, зиждется на другой, может быть и не такой уж новой версии: древние племена получили свое название от тотемов, в основном от птиц и животных.

В самых древних письменных памятниках ведической литературы уже встречаются различные группы человеческих существ с именами животных. Так древнеиндийское собрание религиозных гимнов «Ригведа», созданная примерно в X в. до н. э., ссылается на народ, называемый *аджас*, что означает *козы*. Другой народ, упоминаемый там же, называется *матсьи* и переводится, как *рыбы*. Другое ведическое произведение «Атхарва веда» делает ссылку на священническую семью под названием *Кашьяпа*, означающее *черепаха*. В «Махабхарате», самом древнем народном эпосе Индии, упоминается племя *ядавов*, называвшихся *собаками*. Почти всеобщим признаком древних обществ, доживших до наших дней, уверяет индийский

ученый Д. Чаттопадхьяя, является то, что такие народы заимствовали свои имена из животного и растительного мира.

Действительно, ученые полагают, что в «Ригведе» имеются некоторые пережитки тотемизма или верований о происхождении человеческой расы или отдельных племен от животных и растений. В начале прошлого века исследователь тотемизма у американских племен Л.Х. Морган тоже заметил: «*Повсюду туземные американские роды присваивали себе имена от некоторых животных или неодушевленных предметов и никогда от человека*».

Во время первой кругосветной экспедиции И.Ф. Крузенштерна 1803—1806 годов Ю.Ф. Лисянский командовал фрегатом «Нева». У племен Северной Америки он подметил такую же интересную особенность, например, у *тлинкитов* существовало деление на роды, которые имели тотемные названия, т. е. назывались именами различных животных и птиц. «*Они разделяются,* — пишет Лисянский, — *на разные поколения, из которых главныя суть: медвежье, орлиное, воронье, касаткино и волчье*». Другие позднейшие исследователи утверждают, что племя *тлинкитов* распалось на две большие главные тотемные группы или *фратрии* — на братство *волка* и *ворона*. Каждая из фратрий, в свою очередь, делилась на пять низших тотемных союзов, охватывающих по несколько сот человек. Лисянский сообщает, что тотемные союзы не совпадали с территориальными подразделениями: «*Все означенные поколения так между собой смешаны, что в каждом селении можно их найти всех понемногу; однакож всякое из них живет в особенном доме, над которым вырезано фамильное животное, служащее вместо герба. Они никогда не воюют между собою, но при случае должны друг другу воспомоществовать, как бы далеко ни находились*».

Попытки разгадать тайну происхождения имени того или иного народа предпринимались с давних пор. Ученые никогда не уставали заниматься *этимологией* — наукой о расшифровке смыслового содержания, в нашем случае, этнонимов, то есть названий племен, народностей и наций. Результаты их исследований иногда были удивительными и парадоксальными. Начнем с примеров издалека.

Совершенно недавно предпринял попытку исследовать этимологию названия древнекорейского государства Пуе профессор из Республики Корея Че Хан У, который пришел к интересному выводу, что оно произошло от названия животного, т. е. от маньчжурского слова *буксу* (buxu) — *олень*, при этом сославшись на известный тотемизм, широко распространенный у алтайских племен. А титулы четырех его правителей, которые были предводителями четырех различных групп или племен, образовались также от различных имен животных — лошади, быка, свиньи и волка. По его мнению, имена животных в этих четырех титулах, вероятно, отражают тотемы этих племен. Названия якутских племен, считает корейский ученый, также образованы от имени их тотема, и люди брали названия животного в качестве их фамильного имени. По этой же причине в древние времена якуты определяли, к какому племени принадлежали люди по их фамильному имени.

Ученые утверждают, что самоназвание якутов *саха* произошло от древнеиранского слова *сака — олень*. Еще в XVIII веке шведский исследователь Страленберг впервые выдвинул гипотезу о том, что предками *саха* являются среднеазиатские *саки*. Кстати, скифов в Азии называли именно *саками*, вероятно, за их быстроту и стремительные перемещения на лошадях или, не исключено, они имели своим племенным тотемом оленя. Хорошо извест-

но, в древние времена потомки этих кочевников — гунны и тюрки также заимствовали свои титулы от названий животных, например, boga gagan — *король быков*, buri gagan — *король волков*, sonkor tigin — *принц соколов* и т. д. Можно утверждать, полагает ученый из Кореи, эта традиция имеет нечто общее с тотемизмом.

Абсолютно такую же версию выдвинул другой, но только уже российский исследователь М.И. Боргояков. Изучая истоки гуннских племен, он пришел к выводу, что тотемным животным одного из родов этого народа — шаньюйского был *бык*, а родоначальником другой группы гуннов считался *волк* или *олень*.

Иордан (VI в.) в своем труде «О происхождении и деяниях гетов» приводит очень любопытную легенду о гуннах и олене. Охотники из этого племени, выискивая себе добычу на берегах Мэотийского озера (Азовского моря), заметили оленя, который бесстрашно вошел в воду и пошел одним известным ему путем. Следуя строго за ним, гунны сумели перейти это озеро, которое до тех пор считали непереходимым, как море. Лишь только перед ними показалась Скифская земля, олень сразу исчез. Они вернулись обратно и сообщили своим о случившемся. Расхваливая Скифию, убедили остальных отправиться туда по пути, который указал им олень. Иордан нашел даже объяснение, почему он появился и привел гуннов в Скифию: «*сделали это, из-за ненависти к скифам, те самые духи, от которых гунны ведут свое происхождение*». Из этой легенды следует, считает М.И. Боргояков, что олень, указавший путь гуннам, был в их представлении тотемным животным-родоначальником, и его образ связывался с названным озером.

Легенда об олене была широко известна, комментируя сообщение Иордана, пишет Е.Ч. Скрижинская, — сю-

жет о животном, послужившем чудесным проводником, был также широко распространен и у других писателей. В «Житии св. Северина», составленном в начале VI века, рассказывается о том, как путешественников, шедших по альпийским дорогам Норика (кстати, это летописная родина ильменских славян), застала сильная метель и они потеряли верное направление. Вдруг перед ними появился громадный медведь — «formae ursus» — и пошел впереди, указывая им путь. Это показалось удивительным потому, пишет Е.Ч. Скрижинская, что зимой медведи обыкновенно забиваются в берлоги для спячки. Вероятно, этот медведь привел их на наш Север, передав им позднее свое имя.

Древние писатели донесли сведения о том, что действительно многие племена получили свое название от родовых тотемов — птиц и животных. Согласно сообщению древнегреческого географа и историка Страбона, один народ, принадлежавший к древнеиталийскому племени *сабинян*, — «*пикентийцы вышли из Сабинской области, причем черный дятел указывал путь их предводителям. Отсюда их имя, так как эту птицу они называют «пиком»*. Название этого племени произошло от латинского слова *picus — дятел*, который, вероятно, был тотемом племени. Некоторые ученые считают, что у древнейшего племени Греции *пеласгов* белый аист также был родовым тотемом, и свое название они получили от этой птицы. Как заметил Страбон, пеласги «*были кочевое племя, которое, подобно птицам перелетало куда попало, то жители Аттики называли их «пеларгами»*, что в переводе с греческого значит *аист*. Еще от Страбона известно, что когда-то существовало фракийское племя *киконов*, чье название созвучно латинскому слову *ciconia — аист*. Более того, возможно, это племя было связано и с назва-

нием другой птицы — *лебедя*, переводимое с греческого языка — «*кикнос*». Как известно, эта благородная птица, по сей день пользующаяся уважением и почетом, была тотемом и у славянских народов.

Не исключено, что название кочевых племен под названием *берендеи*, упоминаемые античными писателями, сложилось из двух слов, один из которых является тотемом. Считается, что первая часть слова *берен* имеет происхождение от имени божества *Барга — Барана*, который олицетворял Солнце, а вторая — от латинского deus — *бог, божество*. Вероятно, когда-то у них баран был племенным тотемом, превратившимся позднее в божество этого племени, которое затем взяло его имя.

С древнейших времен существовало много племен, получивших свое название от другого тотема, весьма распространенного хищного животного — *волка*. Тот же Страбон сообщает: *даки* — фракийские племена, расселившиеся к северу от Дуная в начале I тысячелетия, изначально назывались *daoi*, производное от слова *daos* — фригийского наименования *волка*. По утверждению румынского философа Мирча Элиаде (1907—1986), от корня этого слова происходят имена фракийского бога войны Кандаона, бога Даунуса и др. Более того, по Страбону, закаспийские кочевники-скифы также носили имя *daoi*. Их этническое имя с большей вероятностью, считает М. Элиаде, восходит к иранскому слову *dahae — волк*. Кочевые племена, заселявшие территорию на юге Каспийского моря, греко-латинские авторы тоже называли *hyrkanoi — волки*. Одно из италийских племен — *гирпины*, по утверждению Страбона, «*получили свое имя от волка, который указывал путь их колонии; ведь самниты называют волка «гирпус»*.

Немного раньше другой древнегреческий ученый, Гераклит Понтийский (VI—V вв. до н.э.), утверждал, что

имя саманитского племени — *луканс* — происходит от *Lucos — волк*. Как подметил М. Элиаде, племена, носящие имя волка, встречались в различных регионах, таких, как в Испании, Ирландии и Англии.

Еще один пример. В Забайкалье в начале Средневековья — на рубеже V—VI веков, как показывают исследования археологов, поселилось монгольское племя Бурито-*шоно*, а тотемное название *шоно* означает — *волк*. К началу XIII века на территории Прибайкалья и Забайкалья заселились монголоязычные племена, и по утверждению ученых, все эти племена носили тотемные названия по имени птиц и зверей, из которых к концу XVII века сложилась бурятская народность. У бурят каждый род имел свой тотем.

Названия некоторых древнеславянских племен имеют свое происхождение также от имени *волка*, как это убедительно доказал исследователь из Кишинева Р.А. Рабинович. Историки хорошо знают, что союз славянских племен, располагавшихся в VIII—XII вв. между Одером и Эльбой, носил общее название *лутичи* (lutici) и *вильцы* (wilzi), а по Гельмольду, этот союз племен известен и под именем *велеты* (veleti). Так вот, Гельмольд в своей «Славянской хронике» пишет, что «*эти четыре племени за свою храбрость называются вильцами* (то есть *волками.— Авт.*) *или лютичами*». Исследователям этимология слова *вильцы* представляется более понятной, т. к. сходные формы присутствуют во всех славянских языках. Оно восходит к праславянскому слову vьlkъ, сходному с готским wulfs, латинским vulkus, volkus — *волк*. Этимологию названия *лютичи* ученые выводят от легендарного *Люта* или от старославянского слова *лют, лютый — жестокий*, вероятно, табуированное (запрещенное) название волка. Лингвисты же сближают это слово с греческим lukos —

волк, волчье бешенство. Таким образом, заключает Р.А. Рабинович, этимология слова *лютичи* может сближать его с названием *вильцы — волки.*

Загадочными остаются образования этнонимов многих северных народов. Лингвисты до сих пор, например, не могут разгадать значение этнонима *хант* или *ханты* (в древности *остяки*): по одной из версий, оно «возводится к табуистическому обозначению у хантов медведя — *контио*, переводимого как *злой*. Другой северный летописный народ *югра* — охотничьи племена, упоминаемые впервые в Лаврентьевской летописи в 1096 году, по мнению краеведа В. Фролова, за быстроту передвижения и кочевой образ жизни получили свое имя от праславянского слова *угор* со значениями *змея*, *водная змея*, *угорь*, возможно, выполнявшего в древнейшие времена роль тотема у этих северных племен.

Тайной окутано племенное имя (самоназвание представителей племени) еще одного северного народа — *коми-зырян*. Существует несколько версий происхождения этнонима *зыряне* или, как в летописях,— *сиряне, сырьяне*. Эстонская исследовательница коми языка А.-Р. Хаузенберг сделала предположение, что племенное имя могло возникнуть на основе наименования тотема племени по следующей схеме: имя тотема племени — название племени — название группы народа — наименование народа. (Эта классическая схема, вероятно, подходит для образований племенных имен других народов.) В качестве древнего тотема, по мнению исследовательницы, у них считался *сир — щука*. А *сиряне* произошло уже на основе русского языка прибавлением суффикса — *ян* (*ин*), как, например, образовалось, славян(ин), северян(ин) и др. Эта версия подтверждается фактами сохранения магии *сир* (щуки) в древних верованиях народа коми. В верховьях

реки Камы существует приток под очень похожим названием Сирья. Древнее название этой хищной речной рыбы исчезло из обихода в южнозырянских диалектах, считает А.-Р. Хаузенберг, по причине наложения табу на исконное имя щуки, своего тотема — *сира,* а затем произошла замена его на русское заимствование *тшука*, *штшука.*

Проведя ономастический анализ около 70 названий удмуртских племен (*воршудов*), местный краевед В. Фролов пришел к выводу, что не менее 30 процентов оставшихся родоплеменных названий *воршудов* происходят от тотема, которому поклонялось данное племя. Самое любопытное, по его мнению, в Прикамье задолго до прихода финно-угров в эти края жило множество разноязычных племен, в том числе и древнерусское племя. Например, *копка* — имя этого древнерусского рода произошло от племенного тотема *копалы* — самки глухаря или тетерева, а другое ассимилированное финно-уграми древнерусское племя — *котья* получило свое название от племенного тотема — *кота*. Кстати, кот — это не только обыкновенный самец породы кошачьих, но и морской зверь. В древности словом *кот*, считает исследователь, называли также куницу и хорька, а в Тамбовской области — овцу и козу, откуда якобы произошло слово *скот*. Еще один воршуд *пельга*, по его мысли, возник от древнерусского слова *пелядь*, которая водилась в изобилии на реке Печоре, *чура* — от русского слова *чурилка* — ночная птица козодой, *юра* — название связано с архаичным словом *юра* (*юрово*) — косяк сельдей, который вполне мог быть, считает В. Фролов, тотемом одного из древнерусских племен. Кстати, у нас в Поморье сохранилось похожее слово — *юрок* — связка шкур морского зверя, которую, привязав за корму лодки, плавили по воде до берега беломорские промышленники-зверобои.

Изучив древнейшую карту Птолемея, где указаны проживающие в те времена племена и народы, В. Фролов пришел к еще более интересным выводам. *Порсы*, обозначенные на карте Птолемея чуть западнее Уральских гор, по мнению исследователя, — это самоназвание от их племенного тотема, которому еще совсем недавно поклонялись многочисленные удмурдские племена. Например, *какся* — племя или род цапли, *коньга* — племя белки, *куака* — племя вороны, *кушья* — племя орла, *поська* — племя стрижа и т. д. А название *порсы*, считает В. Фролов, произошло от индоиранского слова *порс*, означающего дикого кабана. На притоках Вятки археологи находили кремневые, тщательно обработанные фигурки кабана, служившие для поклонения в религиозных обрядах, посвященных своему тотему-покровителю.

ЧАСТЬ 9

«МЕДВЕЖЬЯ ЗЕМЛЯ»

Указанные марровские первичные элементы языка — *ber*, как ни парадоксально, можно увязать с названием древней северной страны — *Биармия* (*Бьярмаланд*), одно из главных мест, упоминаемых в исландских сагах, куда, несмотря на трудности и опасности, в поисках славы и богатства, устремляли свои суда отчаянные скандинавские мореходы — викинги.

В ходе многолетних поисков происхождения слова *Биармия* (*Бьярмаланд*) подсказку авторам настоящей книги сделали друзья из Норвегии — преподаватели аграрного колледжа Landbruksskole в Gibostad провинции Tröms. Директор этого уважаемого учебного заведения Гюдмунд Йохансен прекрасно знает историю своего народа, страны, с ним очень приятно общаться на эти темы. Кстати, сразу стоит отметить, что большинство норвежцев, с кем нам приходилось поддерживать знакомство, будь это фермеры с отдаленных островов или жители городов, в отличие от нас — русских, как это ни прискорбно, обычно «Иванов, не помнящих родства», великолепно разбираются в вопросах истории своей страны, других скандинавских государств, более того, почитают великого древнего писателя — составителя саг Снорри Стурлусона, при-

чем назубок знают их содержание, в том числе и походы в таинственную Биармию. Оказывается, таинственной она остается только для нас, русских, норвежцы же прекрасно знают, что *Бьярмаланд* располагался когда-то на севере европейской части России. При первой встрече с теми же преподавателями норвежского колледжа, на наш «наивный» вопрос о Биармии, заданный с определенным подвохом (откуда, мол, им знать эту злополучную страну на территории России, когда мы с поисками ее вот уже несколько лет «бьемся»), Гюдмунд Йохансен сразу ответил: «*Биармия — это земля русского медведя*». Думаем, точнее не скажешь, при этом сразу все становится на свои места.

По утверждению известного знатока русского фольклора А.Н. Афанасьева, медведь имел в древних языках табуированное (запретное) название: в санскрите — *bhâruka* от глагола *bhr — ворчать, браниться*. От этого же корня образовались *bhâri* — лев, *bhîru* — тигр, русский *бирюк* — волк, а также древненемецкое — *bëro*, англосаксонское — *bere, bera*, скандинавское — *biörn, barsi,* ирландское — *bear* — все эти слова означают имя одного зверя — *медведя*. Добавили бы еще, что в древнеславянских языках медведя также называли *бером*, сохранившимся до настоящего времени в слове *берлога — логово бера*.

Полистав современные иностранные словари, нетрудно отыскать знакомое слово *медведь* и как оно пишется у народов северных стран. Выясняется, что написание имени этого зверя не очень сильно изменилось со временем:

Английский — **bear** — man (мужчина)
Немецкий — **bär** — mann (мужчина, человек)
Голландский — **beer**
Шведский — **björn** — man (мужчина, человек)
Норвежский — **bjørn** — mann (мужчина, человек)
Датский — **bjørn**
Исландский — **bjärndýr, björn**

Для отыскания истоков происхождения названия Биармии специально добавили к искомому значению слово man — человек, мужчина, народ. *И оказалось, что термин Bjarma не трудно составить из двух частей, и получится, что Биармия, древнескандинавское Bjar-ma(n) переводится, как* человек-медведь, медвежий народ. *Однако все же название племени, обитавшего в загадочной стране* — биармы или биармийцы — *является не основным, а производным от другого ключевого слова. Для этого снова вернемся и посмотрим, как же Биармия прописана у англосаксонских и скандинавских древних авторов, а затем разложим на составляющие части:*

Bjarmaland — **в скандинавских сагах**
Bjar ***(медведь)*** *— ma* ***(земля)*** *— land* ***(страна)***
Beormas — ***у англосаксонских писателей***
Beor (медведь) **— ma** (земля) — **s**

Итак, не надо быть опытными лингвистами, чтобы слово *Биармия* перевести как *страна земли медведя* или просто *медвежья земля*. Но почему же тогда норвежцы назвали Биармию землей именно *русского* медведя?

Суть в том, что, оказывается, медведь непосредственно связан с происхождением названия нашего народа — *русь*. Более того, мы твердо уверены, имя предков русского народа произошло от священного, самого почитаемого на земле зверя — *медведя*. И попытаемся сейчас вам это доказать.

Имя *медведя*, данное славянами, означает животное, поедающее мед или *мед ведающего*. Это его не настоящее название, а табуированное, запретное. В индоевропейских языках, как убедительно доказал А.Н. Афанасьев, медведя изображали «*диким зверем, с разрушительными наклонностями и страшным ревом*». Поэтому на одном из

самых древних и родственных русскому языку — санскрите — он поименован *rksha* и буквально переводится, как *терзатель, разрушитель*, вероятно, такое же табуированное, запретное имя медведя. На персидском языке он звучит — *chirs,* осетинском — *ars*, греческом — αρκτυζ, ирландском — *ursa*, французском — *ours*, итальянском — *orso,* латинском — *ursus.*

То есть у различных, подчеркнем, западноевропейских и восточных народов *медведю*, получившему в древности табуированное название *разрушитель*, было дано очень похожее имя, имеющее основу *rs* (опять же напоминающее марровское *ros*):

Древнеперсидский — **arsa**
Авестийский — **arso**
Латинский — **ursus**
Итальянский — **orso**
Португальский — **urso**
Французский — ours
Эсперанто — **urso**
Индоевропейский — **ṛkƀos**
Древнеиндийский — **rkscach, ṛkṣas**
Русский праязык — **урс, рус**

Нетрудно догадаться, что слово *медведь* можно реконструировать на основе метатезы (т. е. взаимной перестановки звуков или слогов в словах, например, *ведмедь — медведь*) санскритского *rksha*, латинского *ursus* (впрочем, и других вышеперечисленных имен) в виде основы **RUS.** Значит, медведь в архаичные древнейшие времена мог называться **РУСОМ** (рушом), откуда легко выводятся слова *русы, Русь, руский, русские — медвежий народ.*

Почему мы заострили внимание именно на этих языках? А потому, что они относятся с хронологической вре-

менной точки зрения к самым ранним, доисторическим языкам. По мнению известного филолога и языковеда Л.Н. Рыжкова, «*латинский язык гораздо богаче формами, чем происшедшие от него романские, поэтому восходящее движение языка (латинского) должно быть отнесено ко временам доисторическим*», а «*русская (и вообще славянская) лексическая современность может вполне оказаться славным прошлым древнелатинского языка до его деградационных изменений, так же как и славным прошлым праиранского языка и прасанскрита*». Таким образом существует, по мнению ученого, тесная связь между русским, древнелатинским языком и санскритом.

Приводя пример смены лексики в языках первобытных людей под влиянием табу (запрета), другой известный филолог, академик Ю.С. Степанов, тоже полагает, что исконным словом *медведя* было *rksos*, перешедшее затем в санскрит, латинский и другие языки в указанных выше словообразованиях. Однако позднее в целом ряде индоевропейских языков это название попало под запрет и было заменено подставным словом: русский *медведь* из общеславянского *меду-ѣдь*, т. е. *поедатель меда*; литовский *lokus* из *klakis*, буквально *топотун*; немецкий *Ber* (*Bur*) из слова *bero — бурый*. Позже само слово *медведь* вторично было табуировано, стало запретным, получив десятки новых имен.

Наличие такого большого количества подставных имен этому зверю, как у нашего народа, наверное, нет ни у одного другого. На европейском Севере белый медведь до сих пор зовется *ошкуем*. Что же касается бурого, если заглянуть в словарь В.И Даля, можно обнаружить 37 его названий — *зверь, черный зверь, лесник, раменский, урманный, ломака, костоправ, Михайло Иванович Топтыгин, косолапый, куцый, косматый, мохнатый, леший, мишка, мишук, потапыч и др.* Охотники различа-

ли три вида бурого медведя, присвоив каждому свое подставное имя: *стервятник*, считавшийся самым большим и плотоядным; *овсяник* — любитель овса, малины и кореньев; *муравьятник* — самый малый и злой, обычно с белым пятном — «ошейником» на шее. У медведицы также было свое запретное имя — *мечка*, другие клички — *Матрена, Аксинья, матка*; *мечка* с медвежатами — *матуха*, а при ней обычно был *пестун* — ее прошлогодний медвежонок.

В этой связи уместно вспомнить слова ныне покойного литературоведа С.С. Наровчатова, к сожалению, мало известного рядовому читателю: «*Может быть, будет слишком смело предположить, что в древнеславянском языке имя этого зверя* (медведя. — *Авт.*) *звучало как-нибудь вроде «рос». Название реки и племени могло возникнуть из тотемического осмысливания этого слова: «медвежья река — «рось», медвежье племя — «рось»... А вдруг моя догадка не так уж произвольна, и окажется, что «медведями» русских называли когда-то не только добродушно — иронически, а по начальному значению этого слова*».

Абсолютно правильно мыслил умница С.С. Наровчатов: не зря же нас за рубежом назвали и до сих пор прозывают «русскими медведями», причем не только за свою неторопливость (медленно запрягаем, да быстро едем), особую незлобивость и доброту (стремление всегда помочь слабому и обездоленному), но и за физическую силу, выносливость, упорство, способность идти до конца в случае опасности (настоящего русского, не путать с «новым русским», лучше не задевать, особенно его семью, родных и близких, не говоря уже о его Родине).

Таким образом, название великого священного животного в древнейшие времена могло произойти от двух основных первичных слов — **РУС (УРС)** или **БЕР**. Не поэтому ли Н.Я. Марр взял их в состав главных четырех

элементов образования языка, одновременно представляющих собой, по его словам, «не что иное, как племенные названия» и являющихся тотемами этих племенных образований.

Самое главное, из всего вышесказанного напрашивается вывод, что *биармы* (*биармийцы*) и *русь* — это один и тот же народ, этнос, включающий в себя различные племена, поклонявшиеся в доисторические времена единому тотему — священному медведю. Это древний народ, населявший огромную территорию североевропейской части современной России под одним и тем же названием — **Биармия и Русь**. Так и хочется сказать словами известного исследователя карельского народа Д.В. Бубриха, слегка перефразировав его, что «*Русь — нечто созерцаемое со стороны западного и юго-западного входа в русские земли, а Биармия (Bjarmaland/Beormas) — то же самое, созерцаемое со стороны Белого моря*». То есть одну и ту же территорию на Севере Европы писатели Западной Европы и Востока называли *Русью*, англосаксонские же писатели и составители исландских саг — *Биармией*.

Конечно, сразу же найдется много оппонентов, которые могут возразить, что Русь в древнескандинавских сагах называлась *Гардар* (Garðar), позднее *Гардарики* (Garðariki), переводимое, как *страна городов,* хотя, как оказывается, никаких не *городов*, а *укреплений, городищ.* Однако кто же выдвинул такую версию и соответствует ли она действительности? Известный знаток исландских саг Т.Н. Джаксон в комментариях к данному термину ссылается на статью немецкого историка Ф.А. Брауна (1924), который отождествил эти два наименования — *Русь* и *Гардар*. По его мнению, форма *Гардарики* являет-

ся творением исландцев, записавших саги, начиная с конца XII века, а до указанного времени (X—XII вв.) на всем Скандинавском полуострове использовалась для обозначения Руси форма *Гардар*. Далее Т.Н. Джаксон сама же признает, что Гардар помимо представления Руси, служил «*также обозначением Ладоги, которую зафиксировали скальдические стихи в период самого раннего пребывания скандинавов на нашей территории*». Вот именно, Ладоги и не более.

Шведский историк Ф.-И. фон Страленберг полагал, что Гардарик (Gardarik) является названием не самой Руси, а первой столицы будущего древнерусского государства: «*Ладога или Гарделик была первая резиденциа, Новгород — вторая, Киов — третиа, Володимер — четвертая, Москва — пятая, Санкт-Питербург — шестая*», — писал он. Кроме того, В.Н. Татищев заметил, ссылаясь на Иоакимовскую летопись, что за несколько веков до прихода Рюрика в этих местах правил славянами сын князя Славена по имени Вандал, у которого было два «свойственника» — Гардорик и Гунигард. Как полагал великий историк, собственные имена этих князей Гардорик и Гунигард могли дать название «городов одного имени», так же, как позднее их получили Владимир, Юрьев, Ростиславль и другие. Не исключено, в древнейшие времена Ладога (а позднее Ладожская земля) имела другое название, заимствованное от князя Гардара (Гардарика), который, как говорится в указанной летописи, ушел с «великими войсками славян, руси и чуди» на запад и больше не вернулся. Еще В.Н. Татищев упомянул об «Истории Аттилы» Базилика, где говорится о Гардорике, короле *гепидов*, пришедшем на помощь вождю гуннов Аттиле — покорителю Западной Европы в V веке. Весьма вероятно, это мог быть один и тот же человек.

Самое интересное, что никто не задавался вопросом, а почему авторы скандинавских саг и англосаксонские писатели не знали ни племени, ни территории, ни тем более государства под названием Русь. Хотя все же стоит отметить, в сагах позднего периода появляется термин *Русия* (Ruscia), причем употребляется так редко, что является как бы исключением из правил. По мнению исследователей, такое обозначение Древней Руси явно возникло у поздних переписчиков саг под влиянием латинской традиции (Адама Бременского). Спорное обозначение Новгорода — *Хольмгард* (Holmgarđr) и его производных терминов, обозначающих *Новгородское княжество*, никак нельзя соотнести с Русью, тем более Киевом, называемым в сагах Кэнугард (Kænugard), который, по утверждению Т.Н. Джаксон, не упоминается ни в рунических надписях X—XI вв., ни в скальдических стихах XI—XII вв. Киев под таким своеобразным именем появляется в сагах значительно позднее.

Хотя, как мы знаем, еще раньше — в 882 году — князь Олег назвал Киев «матерью городов русских», тогда же, считают наши историки, было образовано древнерусское государство. Но, что удивительно, скандинавы почему-то ничего не слышали о Руси, хотя частенько проходили на судах мимо того же Кэнугарда (Киева) проторенными водными путями «из варяг в греки», а в сагах упоминают только *Гардарики, Хольмгард, Аустррики, Аустрвег*. И под всеми этими, абсолютно различными по смыслу, названиями подразумевалась, как уверяют историки советской школы, Древняя Русь. На наш взгляд, это ошибочное суждение. Что означали Гардарики — говорилось выше, под Хольмгардией скандинавы понимали *Новгородское княжество*, под Аустррики (Austrriki) — *Восточное государство*, а под Аустрвегом (Austrvegr) — просто *Восточный путь*, прозванный позднее нашими же летописцами пу-

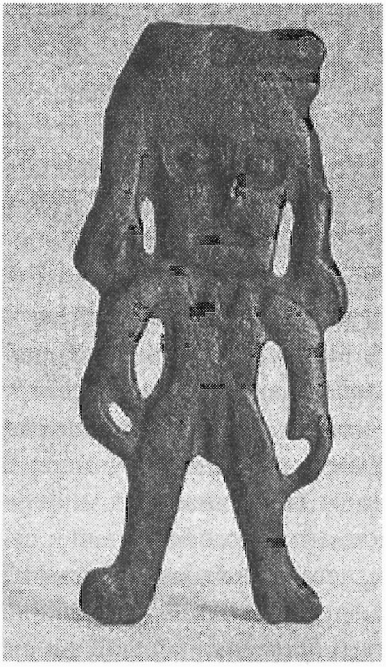
тем «из варяг в греки», и нет здесь ни малейшего намека на Русь.

По нашему глубокому убеждению, именно потому скандинавы долго не упоминали *Русь*, что называли они ее — *Биармия*. Так же ничего не ведали о тождественности этих терминов и западноевропейские писатели, например, Саксон Грамматик в своем труде несколько раз упоминает о северной стране Биармии и попытках ее завоевания предками датчан с начала I тысячелетия, а Адам Бременский ни словом не обмолвился о Биармии и имел сведения только о Руси. Следовательно, северные писатели знали *Биармию* и не имели представления о *Руси,* наоборот, западные (латинские, византийские) и восточные (арабские, персидские) авторы упоминают только *Русь* (правда, в различных огласовках), ни словом ни обмолвясь о существовании Биармии.

Наверное, исключением из этого правила является упомянутая выше книга арабского географа ал-Идриси «Развлечение истомленного в странствии по областям» (1154 г), где он дает описание северных морей и стран. Здесь он впервые представляет сведения одновременно о Северной Руси — *ар-Русийа*, которая граничит с *морем Мрака* (Северным Ледовитым океаном), и народе, обитающем на берегах огромной Русской реки, известном ему под именем *ан-нибарийа (ан-н.барийа).* По мнению ученых, речь идет о жителях Биармии (Bjarmaland), находившейся, по представлениям скандинавов, на севере Восточной Европы. Отсюда можно сделать заключение, что ал-Идриси является первым писателем, получившим такие сведения одновременно от скандинавских информаторов и от арабских купцов, активно посещавших северные края в то время, или, чего нельзя исключить, от самих русов. Поэтому у него здесь невольно произошло слияние двух понятий — *Русь и Биармия.*

Получается, Биармия и Русь как хороним — это одна и та же территория (вначале даже не государственное образование, не страна по большому счету), наделившая соответствующим этническим именем все племена, ее населяющие, — *биармы* и *русы — медвежий народ.*

Подтверждением этих слов служат показания тех же арабских и персидских купцов. Ибн Хаукаль и ал-Истахри (X в.) сделали описание трех групп *русов*, каждая из которых имела отдельного правителя и свой ареал проживания: «*Русы. Их три группы (джинс). Одна группа их ближайшая к Булгару, и царь их сидит в городе, называемый Куйаба, и он больше Булгара. И самая отдаленная из них группа, называемая ас-Славийа, и третья группа их, называемая ал-Арсанийа, и царь их сидит в Арсе. И люди для торговли прибывают в Куйабу. Что же касается Арсы, то*



Бронзовая фигурка человеко-медведя. I—III вв. н. э. Гаревское костище, Пермская обл.

*неизвестно, чтобы кто-нибудь из чужеземцев достигал ее, так как там они (*жители. — Авт.*) убивают всякого чужеземца, приходящего в их землю. Лишь сами они спускаются по воде и торгуют, но не сообщают никому ничего о делах своих и своих товарах и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. И вывозятся из Арсы черные соболя и олово*».

Как выяснилось, из приведенных свидетельств о северных странах ученых завело в тупик название одного из трех центров *русов*: Куйабу однозначно соотнесли с Киевом, Славийю — со словенами новгородскими, что же касается третьей группы — Арсанийи и Арсы, то однозначного ответа по сей день так и не найдено. По нашему глубокому убеждению, под третьим центром *руской* земли с названием *Арса* надо подразумевать не что иное, как *Биармию* скандинавских саг, т. к. с древнеперсидского языка слово *arsa* переводится — *медведь*, а *Арсанийя*, не иначе как *земля медведей*, или *медвежья страна*.

И получила Биармия — Русь такое название, конечно, не в летописные времена, а значительно раньше, вероятно, в эпоху неолита или, самое позднее, в начале I тысячелетия н. э. от табуированного имени священного животного (настоящего же никогда не узнаем) — *медведя — бера — руса — урса — арса*, которому поклонялось многоэтничное население обширной территории североевропейской части современной России, включая северные районы Скандинавского полуострова, Приуралья, частично Сибири (*дальняя* Биармия — *ulteriorem* Biarmiam).

Морские связи между неолитическими племенами Скандинавии и прибрежья Белого моря существовали с давнишних пор. В незапамятные времена первооткрыватели Беломорья, впервые встретив таких необычных людей со шкурой медведя, покрывавших плечи и голову,

как показано на рисунке, приведенном выше, могли назвать их по этой причине *медвежьим народом — беормами (бьярмами)*.

Указанная находка *человека-медведя*, обнаруженная в XIX веке при вспашке огорода на берегу реки Камы в с. Гаревском Пермской губернии и переданная профессору Аспелину для пополнения его знаменитой колекции, дает представление о тех древних людях, которые населяли Север в начале I тысячелетия. Получается, эта старинная медная фигурка передала потомкам первое изображение нашего пращура — *биарма* или *руса*.

По мнению ученых, изготовление поделки относится к I—III векам н. э. Посмотрите на рисунок внимательно, у этого удивительного человека непропорционально большая голова с круглыми глазами, крупным носом и вытянутым ртом неожиданно заканчивается мордой медведя со спускающимися на плечи передними лапами, как будто шкура медведя наброшена на его голову. Она, вероятно, иллюстрирует момент перевоплощения древнего человека в своего родственника, тотема-медведя, а, возможно, это ритуальное одеяние местных колдунов — шаманов. И, в конце концов, это могло быть обыкновенной повседневной одеждой древних людей, имевших своим тотемом священного медведя.

Подобная накидка из шкуры тотемного зверя сохранилась у местного населения на протяжении столетий. О таком способе ношения звериной одежды на Севере можно узнать из одного древнерусского письменного источника XII века под названием «Вопрошание Кирика». На тревожное сомнение ученого-математика: может ли священник носить одежду из медвежьей шкуры, было дано удивительно демократичное разрешение епископа Нифонта: «*А пърт деля, в чем хотяче ходити нетоуть*

беды, хотя и в медведине...» В старину *медвединой* называли специально выделанную для повседневного ношения шкуру этого грозного зверя.

Косвенным подтверждением того, что Биармия получила свое название от *медведя*, служит еще одно свидетельство, почерпнутое из тех же древнескандинавских письменных источников. В сагах упоминается имя местного божества *Юмала* или *Йомалли,* которому поклонялись племена биармов. Это был идол, держащий на коленях серебряную чашу для пожертвований и, вероятно, изготовленный из дерева, т. к. герой одной из саг при попытке снять ожерелье с его шеи легко отрубил секирой голову.

Большинство исследователей, пытаясь разгадать имя этого истукана, склоняются к мысли, что *Юмала* или *Йомалли* означает в переводе с угро-финского языка — *бог* или *божество.* Так, по мнению М.А. Кастрена, в финно-угорской мифологии *Юмала,* а точнее, слово *juma* означало *небо* или *бог неба,* в современном финском языке *jumala — бог.* В других родственных языках, считал исследователь шаманства в Сибири С. Шишков (1864), понятие Бога выражалось через эту же производную форму, например, эстонское — *Юммаль*, лопарское (саамское) — *Юмбель, Йиммель*, коми-зырянское — *Йомаль* и *Йен.*

Мы же полагаем, если данное слово разбить на две части: *Юм-мала* или *Йом-малли*, то первая *Юм* и *Йом* — действительно означает *божество, бог* (например, *Юм* — было первоначальное название *бога* у ненцев, позже превратившееся в *Нум — небо*, у марийцев *бог* также назывался *Юмо.* В иранской мифологии *Йиама* — первопредок человечества, образ, восходящий к первочеловеку *Яме* в ведической мифологии*).* Вторая же часть термина — *мала* или *малли,* по нашему мнению, означает не что иное, как

медведь, получивший, вероятно, в архаичные времена еще одно такое табуированное название. Ведь с древнейшего индоарийского праязыка слово *mallu* переводится — *медведь*, а *Юмала* или *Йомалли*, выходит, означает — *бог-медведь*. Более того, вероятно, слово *mallu* явилось позднее и основой термина, обозначающее у русских поклонение богу, божеству — *молю* бога, *молитва* и *молиться*.

Древнескандинавские картографы также косвенно указывают на тождество Руси и Биармии. Если посмотреть на исландскую карту 1250 года, где представлено изображение «круга земного», то мы не найдем на ней Биармии, а только упоминание о том, что когда-то «*Биармы здесь жили (Biarmar habitauit hic)*». Как известно, последнее посещение скандинавами этой страны датируется 1222 годом, когда Андрей Скьялдарбанд (Skialdarband) с напарниками воевал в Биармии, и после этого она исчезает из письменных и картографических древнескандинавских памятников. Все говорит о том, что северным германским народам уже становится известна Русь (*Rusia),* которая показана на карте севернее Скифии, на одной широте («круге») с Норвегией, Швецией, Исландией. Древний картограф знал, что где-то на Крайнем Севере должна быть и Биармия, поэтому не забыл сделать указание: «*Биармы здесь жили*». То есть с древнескандинавской карты Биармия исчезла, а Русь заняла ее место. Кстати, южнее Скифии указано *Кио* (на других картах *Киовиа*), по мнению некоторых историков, обозначающее Киев или Киевское государство, а Русь показана отдельно от «своей матери», и причем расположена она значительно севернее.

Вернемся к другому скандинавскому свидетельству. В «Саге о Самсоне Прекрасном» (около 1350) говорится: «*Русь расположена к востоку и северу от Балтийского моря, а северо-восточнее Руси находится страна, име-*

нуемая Йотунхеймом». Здесь четко зафиксировано расположение Древней Руси, которая, бесспорно, находится в североевропейской части будущей России, а не на юге, причем древний автор саги при ее описании как бы просто заменяет полузабытый термин *Биармия* на *Русь*. Ведь указанная фантастическая страна с троллями и великанами, царство мертвых — *Йотунхейм*, ранее была всегда связана только с Биармией (если вспомнить произведение Саксона Грамматика) и граничила с ней по северным рубежам.

Расположение Древней Руси показал другой северный писатель. Речь идет об исландском епископе Скалхолте. Мы цитировали его, но еще раз приведем слова этого священнослужителя, написанные в XIV веке: «*На восток от Дании лежит Свитьод, а на север — Норвегия, а на восток от Норвежской страны есть земля русов*».

О точно таком же расположении Руси говорил Адам Бременский. Перечисляя северные племена: *нордманнов* (норвежцев), *данов, готов, свеонов* (шведов) и фантастических *амазонок*, он указал, что за ними, между «краем женщин» и Руссией (Ruzzia) обитают племена: *визи* (Wizzi), *мири* (Mirri), *скути* или *чути* (Scuti), т. е. летописные — весь, меря, чудь. Здесь четко зафиксировано географическое положение Древней Руси — она находится на Севере, т. к. никто не будет отрицать, что указанные племена в Приднепровье или вблизи его никогда не обитали.

Имеется еще одно интересное, относящееся к этому же периоду времени свидетельство о Руси, и расположение ее, судя по описанию, совпадает с бывшим местонахождением Биармии. Выше говорилось об известном путешественнике из Венеции Марко Поло (1254—1324), давшем описание в своей знаменитой «Книге о разнообразии мира» нашего древнего государства. Причем он чет-

ко фиксирует, что «*Росия — большая страна на севере*». Обычно тут исследователи в голос утверждают, что все страны, расположенные выше Черного моря, считались *северными,* и здесь *Росию* нужно соотнести с Киевским княжеством. Это абсолютно неправильно. Марко Поло в описании Руси не забыл указать, что «*страна эта не торговая, но много у них дорогих мехов высокой ценности; у них есть соболя, и горностаи, и белки, и эрколины. И множество славных лисиц, лучших в свете. Много у них серебряных руд; добывают они много серебра*» (*Книга..., CCXVIII).* Думается, комментарии излишни, в «степях Украины», то бишь в Киевском княжестве, указанных зверей с таким ценным мехом никогда не водились, да и о залежах серебра в Приднепровье ничего не было слышно. Однозначно, Древняя Русь располагалась именно на Севере, а не «севернее Черного моря».

Путешественник из Венеции подметил еще одну главную особенность, что «*самый сильный холод в свете в Росии; трудно от него укрыться*», страна эта очень большая, «*до самого моря-океана*», и, что интересно, Марко Поло дает указание, что на островах этого северного моря водятся соколы и кречеты. Один из авторов в своей книге «Зимняя сторона» рассказал о так называемом *кречатьем промысле*, существовавшим с незапамятных времен здесь у нас на Севере. Ловлю соколов-кречетов производили *ватаги* из местных жителей прибрежья Белого моря по заказу великокняжеского и царского двора Руси для проведения соколиной охоты и поставки в другие страны. Присланный в дар правителю какого-нибудь государства от русского царя или великого князя сокол считался самым дорогим подарком.

Описывая границы Руси, Марко Поло упомянул не какую-нибудь страну, находящуюся по соседству, а имен-

но Норвегию, подметив, что туда «*путь недолог, и если бы не холод, так можно было бы туда скоро дойти, а от великого холода нелегко туда ходить*» *(Книга..., CCXVIII)*. Марко Поло представил еще одну северную страну, граничащую с Русью, богатую пушниной и мехами, названную им *страной Тьмы*, где постоянно темно. Все говорит о том, что знаменитый путешественник как бы дал описание не Руси, а исчезнувшей Биармии, хотя и не имел о ней ни малейшего представления.

Не на нее ли намекал римский географ Помпоний Мела еще в 1 веке н. э., приводя сведения о стране, расположенной к северу от Скифии, одновременно утверждая, что все эти племена объединены одним общим именем — *берги,* как видите, созвучное со скандинавскими *биармами (бьярмами)*. Не трудно догадаться, основой тех и других названий племен, населявших северные территории, являлось слово *бер — медведь*.

Можно привести еще ряд примеров, что Русь и Биармия — это одна и та же страна или просто территория, которую с древнейших времен населял народ, поклонявшийся своему священному животному — медведю и из-за этого получивший у северных и западных (восточных) писателей будто бы разные, но одинаковые по смыслу, названия: *беры* (*беормы, биармы*) и *русы (урсы)*.

Мы обязательно вернемся к этой теме, чтобы подробнее рассказать о самой тайной, и не ошибемся, самой загадочной странице истории русского народа, которого по праву называли когда-то *медвежьим народом*.

ЛИТЕРАТУРА

Абашеев В.В. Пермский текст в русской культуре // Интернет-публикация.

Алайнер А.З. Герхард Меркатор. М., 1962.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. 1932. Т.1.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Перевод Ю.В. Готье. Л., 1937.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., Совр. писатель, 1995. Т.1.

Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века // История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956. Т.1.

Берх В.Н. Путешествия в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821.

Боргояков М.И. Гуннско-тюркский сюжет о прародителе-олене (быке) // http://kygyz.tsu.ru/doc/doc-17.shtml

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М., Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., Мысль, 1988.

Борисовская Н. Старинные гравированные карты и планы XV—XVIII веков. М., 1992.

Брем А. Жизнь животных. СПб., 1902. Т.1.

Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

Вальдман К.Н. Об изображении Белого моря на картах XV—XVII вв. // История географических знаний и открытий на Севере Европы. Л., 1973.

Визе В.Ю. Моря Советской Арктики. М.—Л., 1948.

Викинги: набеги с Севера (перевод с англ. Л. Флорентьевой). М., 1996.

Вилкуна К. Карелия и Пермь // Происхождение карел. Йоэнссу, 1977

Воронин Н.Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке // Краеведческие записки. Ярославль, 1960, Вып. IV; Этногенез восточных славян. М.-Л.: МИА СССР, 1941, Т. 1, № 6.

Гвин Дж. Норманны. Покорители Северной Атлантики. М., Центрополиграф, 2003.

Гебель Г. Биармия в низовьях Северной Двины // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (ИАОИРС), 1910, №9.

Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963.

Глазырина Г.В. Alaborg «Саги о Хальдване, сыне Эйстейна». К истории Русского Севера // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1984.

Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., Наука, 1987.

Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996.

Головнев А.В. Верхняя Русь и освоение Севера Евразии: разлад истории и историографии. Екатеринбург: Институт истории и археологии Уро РАН.

Гуревич А.Я. Походы викингов. М., Наука, 1966.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Репринтное издание 1903—1909 гг. М., Терра, 1998. Т.2.

Дергачев Н. Русская Лапландия. Архангельск, 1887.

Дитмар А.Б. От Птолемея до Колумба. М., Мысль, 1989.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М., 1994.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., Ладомир, 2000.

Джаксон Т.Н., Глазырина Г.В. Русский Север в древнескандинавской письменности: отечественная историография вопроса о локализации Бьярмии XVIII—XIX вв. // История и культура Архангельского Севера. В., 1986.

Джонс Г. Викинги. М., Центрполиграф, 2003.

Дмитриев А. Пермская старина. 1889, Вып.1.

Древние племена Восточной Европы. Путеводитель Государственного Эрмитажа. Л., 1978.

Древняя Русь в свете зарубежных источников (под ред. Е.А. Мельниковой). М.,Логос, 2001.

Европеус Д.П. К вопросу о народах, обитающих в средней и северной России до прибытия славян // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1868, Ч. 139, июль.

Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961.

Ефименко П.С. Заволоцкая чудь. Архангельск, 1869.

Журнал Министерства народного просвещения. 1847, Ч.55.

Иловайский Д.И. Становление Руси. М., АСТ, 2003.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) (перевод и комментарии Е.Ч. Скрижинской). С-Пб.: Алетейя, 2001.

Исландские саги. СПб., 1999, Т.1.

Канивец В.И. Канинская пещера. М., Наука, 1964.

Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь: 1845—1849 // Магазин землеведения и путешествий. М., 1860, Т.6, Ч.II.

Кастрен М.А. Этнографические наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах в 1834-1844 гг.

Карамзин Н.М. История государства Российского. М., Терра, 1998, Т.1, 2, 3, 4.

Кизеветтер А.А. Русский Север. Роль Северного края европейской России в истории русского государства.

Китнер Ю.И. В.Н. Татищев в Швеции // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997

Коган М.А. Из истории экспансионистских планов Англии в Арктике // XXIX Герценовские чтения: Исторические науки. Научные доклады. Л., 1976.

Кордт В. Библиографические заметки об иностранных путешественниках по России до конца XIII века // Ученые записки Юрьевского университета. 1893, № 2.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Р.-на-Д.: Феникс, 1997, Т.1.

Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (История Новгорода, Псков и Вятки) // История Руси Великой. М., Мир книги, 2004, Т.11.

Кочкуркина С.И. Корела и Русь. М., Наука, 1986.

Кудым-ош и сын его Пера-богатырь (записал А.Крутецкий) // Альманах «Дружба народов». М., 1940, Кн. 5.

Кузнецов С.К. К вопросу о Биармии // Этнографическое обозрение. 1905, № 2—3.

Леонтьев А.И. Зимняя сторона. Архангельск.: Правда Севера, 1999.

Летопись занятий Археографической Комиссии. 1901, Вып. XII.

Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года // Записки по русской истории. М., ЭКСМО, 2003.

Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа Российского» // Записки по русской истории. М., ЭКСМО, 2003.

Лыткин Г.С. Пятисотлетие зырянского края // ЖМНП, 1883, №12.

Лященко А.И. «Eymundar saga» и русские летописи // Изв. АН СССР, 1926, VI сер., Т.20, №12.

Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. М. Просвещение, 1982, Т.1.

Макарий, митрополит. Сказание о жизни и трудах св. Стефана, епископа Пермского. СПб., 1856.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., Владос, 1996.

Марков С.Н. Избранные произведения. М., 1990, Т.1.

Марр Н.Я. Автобиография // Избранные работы. М., ГСЭИ, 1932, Т.1.

Марр Н.Я. Основные вопросы языкознания // Избранные работы. М., ГСЭИ, 1936, Т.2.

Марр Н.Я. О языке // Избранные работы. М., ГСЭИ, 1936, Т.2

Марр Н.Я. Приволжские и соседние с ними народности в яфитическом освещении их племенных названий // Избранные работы. М., ГСЭИ, 1937, T.V.

Матузова В.И. Английские средневековые источники IX—XIII вв. М., 1979.

Мейнандер К.Ф. Биармы // Финно-угры и славяне. Доклады первого советско-финляндского симпозиума 15—17.11.1976. Л., 1979.

Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. М., Наука, 1986.

Мифологический словарь. М., Советская энциклопедия, 1991.

Мосшег И. Коми-народ, как участник в мировой торговле в прошлом // Коми-Му. 1926, №4.

Мурзаев Э.М. Слово на карте. М., Армада-пресс, 2001.

Наровчатов. С.С. Необычайное литературоведение. М., Молодая гвардия, 1973.

Нидерле Л. Славянские древности. М., Алетейя, 2000.

Никитин А.Л. Биармия и Древняя Русь // Вопросы истории, 1976, №6,

Никитин А.Л. Основания русской истории. М., 2001.

Новая иллюстрированная энциклопедия. М., Мир книги, 2001, Т.11.

Овсянников О. Архангельский клад Правда Севера. 31.10.89 г.;

Огородников Е.К. Прибрежья Ледовитого и Белого морей, с их притоками по Книге Большого Чертежа. СПб., 1875.

Орлов А.Ф. Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен, местностей. Вельск, 1907.

Орозий П. История против язычников. С-Пб: Алетейя, 2001, Кн. I—III.

Платонов С.Ф., Андреев А.И. Очерки по истории колонизации Севера. 1924.

Платонов С.Ф. Прошлое Русского Севера. Берлин, 1924.

Плеханов С. История борьбы язычества и христианства // Наследие предков. 2003, №5.

Помпоний Мела // Античная география. Сост. М.С. Бондарский. М., 1953.

ПСРЛ. — Издание Археографической Комиссии, Т. I, IV.

Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.—Л., 1954.

Рабинович Р.А. «Волки» русской летописи (о тотемическом происхождении этнонима «уличи») // http://books.swarog.ru/books/history/2rabinovich.lupus.php

Рогов Н.А. Материалы для описания быта пермяков // ЖМВД. 1858, №4.

Рыдзевская Е.А. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. М.-Л., 1945, Вып. 11.

Рыдзевская Е.А. Сведения по истории Руси XIII в. в «Саге о короле Хаконе» // Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Сборник статей. Л.: Наука, 1970.

Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв.: Материалы и исследования. М., 1978.

Рыжков Л.Н. О древностях русского языка. М., 2002.

Рычков Н.П. Продолжение Журнала или Дневных Записок. 1772.

Савваитов П.И. О зырянских древних календарях // Труды I Археологического съезда. Москва, 1869, Т.2.

Савельев П.С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. 1846.

Савельев П.С. Пермская губерния в археологическом отношении // ЖМВД, 1852, №7.

Савельева Е.А. Книга Олауса Магнуса «История северного народа» и ее известия о России // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970.

Самохин А. Николай Яковлевич Марр // http://www.peoples.ru/science/lingist/marr/.

Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России (под редакцией В.И. Покровского). М., 1905, Т.1.

Сенковский О.И. Собрание сочинений. СПб.: Изд. Смирдина, 1859, Т.5.

Смирнов И.Н. Пермяки // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1891, Т.9, вып. 2.

Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М., Госполитиздат, 1950.

Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. Учебное пособие. М., Просвещение, 1975.

Страбон. География в 17 кн. М., Ладомир, 1994.

Страленберг Ф.И. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого.

Стриннгольм А. Походы викингов. М., АСТ, 2002.

Стурлусон С. Круг земной. М., Наука, 1980.

Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. М.-Л., 1962, Т.1.

Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположение германцев // Анналы. Малые произведения. История. М., АСТ, 2001.

Теплоухов Ф.А. Древности Пермской чуди из серебра и золота и ея торговые пути // Пермский край. 1895, Т.III.

Теплоухов Ф.А. Древности Пермской Чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. 1893, Т.2.

Тиандер К. О происхождении имени Пермь // ЖМНП. 1901, январь.

Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.

Тиандер К. Датско-русские исследования. Петроград, 1915, Вып.3.

Титмар Мерзебургский. Хроника (в 8 книгах). М., Русская панорама, 2005.

Ульянов Н.И. Очерки истории народа коми-зырян. М.-Л.: Партийное издание, 1932.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Терра-Азбука, 1996, Т.2.

Фосс М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. М., 1952.

Франческо да Колло. Доношение о Московии (перевод Ольги Симчич, Италия). 1996.

Фролов В.К. Этнические имена северных народов Тюменского Приобья // http://www.utmn.ru/frfg/no10/text02.htm

Фролов В.К. О чем может поведать фамилия Воротовы // www.utmn.ru/frfg/no10/text02.htm

Фролов В.К. Тайна карты Птолемея // www.utmn.ru/frfg/no10/text02.htm

Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, ...славянах и руссах ибн-Даста // ЖМНП, 1868, №11—12.

Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961, Т.2.

Цыпанов Е.А. «Зыряне» — загадочный народ // http://pechora-portal.ru/ex.html/zyrian001.htm

Чаттопадхьяя Д. Локаята Даршана. История индийского материализма. М., Изд. иностранной литературы, 1961.

Че Хан У. О значении титулов правителей в древнекорейском королевстве Пэкче (перевод П. Помогаловой под ред. В.С. Хана) // http://worid.lib.ru/k/kim-o-i/pet3rtf.shtmi.

Чебоксаров Н.Н. К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы // Советская этнография, 1952, №1.

Чулков М.А. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной Государя Императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей Государыни Императрицы Екатерины Великой, сочиненное Михаилом Чулковым. 1781, Т.1.

Шаскольский И.П. Договоры Новгорода и Норвегии // Исторические записки. М: АН СССР, 1945, Вып. 14.

Шаскольский И.П. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XVII вв. // Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Сб. статей. Л., 1970.

Шашков С. Шаманство в Сибири // Записки РГО. 1864, Кн. 2.

Шишкин Н.И. Коми-пермяки (Этнографический очерк). Молотов, 1947.

Шлецер А.Л. Нестор (перевод Д. Языкова). 1809, Т.1.

Элиаде М. От Залмоксиса до Чингиз-хана (перевод С. Голубицкого) // Кодры, 1991, №7.

Castren M.A. Vorlesungen uber die finnische Mithologie. St, Petersb., 1853.

Nansen F. Nebelheim. Leipzig, 1911.

Reuter O.S. Germanische Himmelskunde. München, 1934.

Saxo Grammaticus: The History of the Danes, Books I—IX. English Text. 1905.

Schefferi Joh. Argentoratensis Lapponia, id est regionis Lapponum et gentis nova et verrisima descriptio. Francofurti, Anno, 1673.

Petermanns Mitteilungen. — 1869.

Przeworski S. La Polonge au V-lle Congres International des Sciences Historigues. Warschau, 1933.

Tallgren A.M. Biarmia. ESA, Helsenki, 1931.

Torfaeus T. Historia rerum Norwegicarum. Kobenhavn, 1711, T. III.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5
Часть 1. Первые упоминания о неведомой стране 8
Часть 2. Саксон Грамматик о Биармии 53
Часть 3. Биармия на древних картах 70
Часть 4. Апологеты Биармии — Перми 98
Часть 5. Противники Биармии — Перми 158
Часть 6. Современники о локализации Биармии 175
Часть 7. Народ легендарной страны 196
Часть 8. Поиски происхождения названия Биармии 201
Часть 9. «Медвежья земля» 228

Литература 246

Александр Леонтьев, Марина Леонтьева

БИАРМИЯ: СЕВЕРНАЯ КОЛЫБЕЛЬ РУСИ

Редактор *В. Г Манягин*
Верстка *А. А. Кувшинников*
Корректор *В. Л. Авдеева*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-0825.
Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-9789
«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673
Мелкооптовая торговля: г Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место 30,1-й эт. Тел. 8-903-5198541

Подписано в печать 09.07.2007
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 13,44.
Тираж 4000 экз. Заказ №4929

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

О таинственной северной стране Биармии ныне помнят только ученые. А некогда это было богатое и могущественное государство на берегах Белого моря, слава о котором достигла самых отдаленных уголков Европы и Азии. В Биармию шли караваны купцов из Средней Азии, плыли в своих боевых ладьях воинственные викинги за добычей. По одной из исторических гипотез, именно Биармия стала колыбелью великорусской нации.

Время сровняло с лицом земли города и веси Великой Биармии. Даже само ее месторасположение стало загадкой для последующих поколений. Покров над этой тайной приподнимают писатели-историки Александр и Марина Леонтьевы, посвятившие свою жизнь изучению родного Поморья.

ISBN 978-5-9265-0419-1